Дерзость

Фарид Салихович Фазлиахметов

SHOUT
SHARE
IT

- Фазлиахметов Фарид Салихович
  - ○

Фазлиахметов Фарид Салихович Дерзость

Фазлиахметов Фарид Салихович
Дерзость
Литературная запись Ж. В. Таратуты

{1} Так обозначены ссылки на примечания. Примечания в конце текста книги.

Аннотация издательства: Документальная повесть ветерана Великой Отечественной войны - это полный напряженного драматизма рассказ о людях, которые, рискуя жизнью, выполняли в тылу врага боевые задания. Их успех порой во многом определял исход крупных общевойсковых операций. С любовью рассказывает автор о своих товарищах разведчиках, чья безграничная вера в победу не иссякала даже в самые тяжелые дни.

Об авторе этой книги: Фарид Салихович Фазлиахметов родился в 1920 году в деревне Большие Сабы Татарской АССР. В 1938 году после окончания средней школы поступил в Московский авиационный институт, который закончил в 1950 году. В июле 1941-го вступил добровольцем в ряды Красной Армии. Войну закончил в 1945 году на территории Польши. Награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, двумя орденами Красного Знамени, а также медалью "Партизану Отечественной войны" 1-й степени. Член КПСС с 1947 года. В последнее время работал в системе Министерства авиационной промышленности. Сейчас на пенсии "Дерзость" - первая книга Ф. С. Фазлиахметова.

С о д е р ж а н и е

От автора
Боевое крещение
Друзья-товарищи
Враг рвется к столице
"Тайфуну" не бывать!
Сдержать натиск врага
Вместе с партизанами
Облава
Под Пуховичами
Подарки к Октябрю
Трудное время
Отряд "Москва"
В Полесье

Удар по аэродрому
Под Марьиной горкой
Осиповичские разведчики
Ждите гостей
"Рельсовая война"
В Польше
Никто не забыт
Послесловие
Примечания
От автора

Книга эта - документальная повесть. Герои ее - партизаны-разведчики Великой Отечественной войны штаба Западного и 2-го Белорусского фронтов, боевые товарищи Зои Космодемьянской, Елены Колесовой, Веры Волошиной, воспитанники прославленного разведчика Артура Карловича Спрогиса и его комиссара Никиты Дорофеевича Дронова.

Совершить подвиг можно в любое время - мирное или военное, - но не каждый способен на это. И первым подвигом моих товарищей семнадцати-восемнадцатилетних юношей и девушек - было решение идти на фронт, точнее - за линию фронта, в тыл врага Собирать разведданные, пускать под откос эшелоны, минировать дороги, уничтожать живую силу и технику противника.

На войне тяжело всем, но условия работы разведчика особенно трудные Вдали от Большой земли, без регулярного снабжения боеприпасами и продовольствием, не имея вестей от родных и близких, ведет он неравный бой с врагом - коварным, жестоким и беспощадным.

Разведчик должен быть смелым и осторожным, решительным и расчетливым, должен уметь быстро оценить обстановку и принять, если этого потребуют обстоятельства, единственно верное решение. То, которое поможет ему выполнить порученное задание и остаться в живых.

Такими, постепенно набираясь опыта, закаляясь в борьбе, стали мои боевые товарищи Стойкость и мужество они черпали в беззаветной преданности своей социалистической Родине.

Где бы ни работали наши разведчики в Подмосковье, в Белоруссии или в Польше, они везде поддерживали добрые отношения с местными жителями оккупированных территорий Без их поддержки и помощи разведчики не смогли бы не только выполнить поставленную перед ними задачу, но и выжить.

Война есть война Не все мои боевые товарищи уцелели в жестокой борьбе, не все дожили до светлого Дня Победы Но память о них жива и будет жить вечно так же, как и о каждом из

двадцати миллионов советских людей, отдавших свои жизни в Великую Отечественную.

Боевое крещение

Воскресным утром 22 июня 1941 года я встал позже чем обычно, спешить было некуда. Накануне сдал последний экзамен. Закончен третий курс вечернего факультета Московского авиационного института. Моя мечта стать авиационным инженером близка к осуществлению.

На дворе ярко светило солнце, легкий, теплый ветерок колыхал белые занавески на раскрытых створках окон институтского общежития. В конструкторском бюро завода в последнее время пришлось работать вечерами и в выходные дни, а затем ночи напролет сидеть над учебниками. И вот наконец-то можно и отдохнуть - выехать за город, растянуться на прогретом песке, смотреть в голубое небо, на спокойную гладь воды, побродить босиком по зеленому лугу.

С такими мыслями я включил репродуктор и услышал сообщение институтского радиоузла: "Товарищи, сегодня в 12 часов по радио будет передано важное правительственное сообщение. Митинг состоится во дворе жилых корпусов института. Все на митинг! Товарищи, сегодня в 12 часов..." Меня охватило какое-то тревожное чувство.

Люди собирались группами у дощатой, наскоро сколоченной трибуны. Отовсюду слышалось грозное слово "война". Какая война? С кем? Неужели напала Германия?

Оставалась еще маленькая надежда, что будет передаваться какое-то важное сообщение, но не об этом.

Речь товарища Молотова выслушали в полном молчании. Теперь никаких сомнений не оставалось: ВОЙНА.

Первым на митинге с короткой речью выступил секретарь парткома института. Он убежденно говорил, что война, развязанная фашистами, вскоре закончится полным разгромом немецко-фашистских войск на территории врага.

Так думал не только он один. Так же думал и я, так же думали в те июньские дни и большинство советских людей.

Тогда еще никто не знал, какой она будет неимоверно тяжелой, продолжительной и кровопролитной, эта война.

Детство, юность... Все это казалось теперь таким далеким. Прошлое... К нему невольно возвращалась память.

Родился я в 1920 году под Казанью в деревне Большие Сабы. Отец мой был человеком грамотным, хорошо знал татарский и русский языки. В то время он работал заведующим детским домом, затем стал секретарем волисполкома в деревне Усали Мамадышского уезда.

В 1927 году отца назначили заведующим сельхозотделом Кукморского райисполкома. В сентябре я стал учиться в татарской школе, а следующей осенью отец перевел меня в русскую. Начало учебы было трудным. Русский я знал плохо, на уроках понимал далеко не все, о чем говорила учительница, да к тому же и ребята, мои одноклассники, частенько надо мной посмеивались. Но ни отчуждения, ни пренебрежения к себе я не чувствовал.

Через какое-то время все вошло в свою колею. Учился я старательно и охотно. Меня интересовали все предметы, которые преподавали в школе, и это неудивительно: передо мной раскрывался огромный, дотоле неведомый мне чудесный мир. Да и вне школы было столько нового, интересного. Вот, к примеру, граммофон. Никак не укладывалось в детской голове, что это просто машина. Я был уверен: в коричневом ящике сидят маленькие человечки, поют там и разговаривают. А появление радио? На высоком столбе монтеры укрепили большую черную трубу. Труба захрипела, затем послышалась человеческая речь, и толпа ахнула от удивления. Ну а на смену керосиновым лампам в наши дома вскоре пришло электричество.

Постепенно, с годами, формировалось мое миропонимание. Из книг и рассказов взрослых я понял, насколько мое детство отличается от детства дореволюционной детворы. Я чувствовал на себе то исключительное внимание, которое партия и правительство уделяли обучению и воспитанию детей, и испытывал чувство гордости.

В тринадцать лет я стал увлекаться техникой, сделал педальный автомобиль, затем байдарку, мастерил модели планеров и самолетов, запускал их и вместе с ними в мечтах уносился в небо. Читал много, с особым интересом книги про Степана Разина и Емельяна Пугачева, которые водили свои дружины здесь, на Волге. Бывал не раз на Арском поле под Казанью, где в 1774 году Пугачев вступил в бой за овладение городом с хорошо обученными и вооруженными царскими войсками.

Любил книги о героях гражданской войны, бесстрашных полярных исследователях, об авиаторах, восхищался их мужеством, храбростью, настойчивостью в достижении поставленной цели.

Вышедший в 1934 году роман Николая Островского "Как закалялась сталь" стал моей настольной книгой, а Павка Корчагин - героем, достойным подражания. Меня привлекало в нем его величайшее мужество, источником которого являлась беззаветная преданность своему народу, делу партии, делу

революции.

Великолепный фильм "Чапаев" произвел на меня впечатление, которое трудно передать словами. И не только на меня. На этот фильм, я хорошо помню, рабочие и колхозники шли с развернутыми знаменами, транспарантами и портретами легендарного комдива.

В 1937 году я вступил в комсомол, стал ворошиловским стрелком, записался в парашютную школу. По поручению райкома комсомола участвовал в многочисленных рейдах по дальним колхозам района. Нам поручалось ответственное дело: проверять готовность сельскохозяйственной техники к весенним полевым работам.

В конце августа 1938 года, с отличием закончив среднюю школу, я выехал в Москву. Решение принято: поступать в Московский авиационный институт.

Как отличник, без экзаменов, был зачислен на дневное отделение.

Проучился на дневном два года. Вечерами, в выходные дни и в каникулы работал. Было трудно. Поэтому осенью 1940-го перешел на вечернее отделение. Устроился на постоянную работу техником-конструктором конструкторского бюро на один из заводов. Работал с увлечением. Учеба давалась легко, и жить стало легче. Если бы не война...

В конце июня с завода ушел в армию мой однокурсник. Он иногда приезжал в общежитие и однажды под большим секретом рассказал мне, что проходит краткосрочные курсы по подготовке к действиям в тылу врага. Его рассказ меня очень заинтересовал.

- А как попасть в эту школу? - спросил я его.

- Если решил всерьез, то иди в райком комсомола и добивайся направления.

- А как же завод?

- На заводе не смогут тебя задержать. В армии тоже нужны грамотные люди, знающие основы военного дела. Ты учишься в авиационном институте, закончил школу станковых пулеметчиков, умеешь прыгать с парашютом...

По путевке Советского райкома комсомола города Москвы я был направлен на специальную комиссию, перед которой и предстал 10 июля 1941 года. В составе комиссии - ответственные работники ЦК, МК комсомола, представители Генерального штаба Красной Армии. Нетрудно понять мое волнение. Уже немолодой полковник с двумя орденами Красного Знамени на гимнастерке откровенно, по-деловому объясняет, в каких условиях придется воевать.

- В составе небольшой, 15-20 человек, группы вам предстоит

действовать в глубоком тылу противника, - говорит он. - Условия боевой деятельности будут весьма необычные. Вы окажетесь предоставлены самим себе. Командование не всегда сможет вам помочь боеприпасами и продуктами. Если считаете эти условия непосильными, можете сразу отказаться. Никто вас в этом не упрекнет...

Передумавших не оказалось.

- В таком случае предлагаем 10 августа в 11.00. прибыть на место сбора. Оттуда вас повезут в часть, - заключил беседу председатель комиссии.

Таким местом сбора для нас, москвичей, был дом на улице Кирова. День стоял теплый, солнечный. Я приехал немного раньше условленного времени, но людей здесь собралось уже много: мои будущие боевые товарищи, провожающие. Среди последних не было отцов и матерей - девчата, мальчишки-подростки. Я обратил внимание на двух молодых ребят в тельняшках и подошел к ним:

- Провожаете?

Один из них с обидой ответил:

- Почему провожаем? Сами идем на фронт.

Это были Сережа Скворцов, его друг и сверстник Коля Захаров - комсомольцы, рабочие парни. Мы разговорились. Оказалось, что родители ничего не знают об их решении идти на фронт, а провожают их заводские девчата и сестренка Коли. Ребята им доверяли: не проболтаются.

Подошли машины. Какой-то час пути - и наша колонна оказалась в одном из тихих мест Подмосковья.

В палаточном городке мы, комсомольцы-добровольцы, - русские и украинцы, белорусы и латыши, литовцы и эстонцы, люди разных национальностей, но единые в своей решимости бороться с фашизмом - готовились к предстоящим действиям в тылу противника. Учились стрелять из автоматов и пистолетов, ползать по-пластунски, водить машину и мотоцикл, ставить мины, разжигать костер. Кроме того, прыгали с парашютом.

Дни и ночи были насыщены учебой, и время летело незаметно. Наступил и последний день занятий. Сразу после завтрака объявили состав нашей группы и командира. Собственно говоря, группа уже давно сложилась. Попросту наш взвод из четырех отделений по десять человек разбили на две группы. Командир взвода и его заместитель стали командирами групп.

Я и мои новые товарищи - москвичи Сережа Скворцов, Коля Захаров, Гриша Квасов со Смоленщины - попали в группу Ивана. Настоящего имени командира мы тогда не знали - не принято было. Это был человек лет тридцати, невысокого роста, звание

имел - сержант. Иван принимал участие в боях с белофиннами и освобождении западных областей Украины и Белоруссии, так что за плечами у него имелся некоторый боевой опыт. Грудь сержанта украшала медаль "За отвагу".

Время учебы кончилось. Получаем оружие - кто автомат, кто маузер в деревянной кобуре, кто револьвер или пистолет. Каждому вручается компас. В вещевые мешки, кроме неприкосновенного запаса - мясных консервов, галет и шоколада, - уложили аккуратно завернутую взрывчатку, мины и патроны.

Вечером колонна машин промчалась без остановок через Москву, а ночью мы уже были под Вязьмой. Здесь остановились на два дня. От нас отделили боевые группы, которым предстояло переправиться на ту сторону фронта пешком, а мы, десантники, снова сели в машины и поехали под Юхнов. Здесь несколько суток ждали летной погоды.

И вот 7 сентября наступил ясный, солнечный день. После обеда прибежал в палатку нарочный и сообщил, что сегодня вылет - не расходиться. Командир группы приказал еще раз проверить и почистить оружие, а затем хорошенько отдохнуть. Но поспать не пришлось: вскоре его и меня вызвали в штаб.

- К вылету готовы? - спросил капитан, представитель штаба.

- Так точно, готовы, товарищ капитан! - ответил Иван.

- Читайте, - он подал нам листок бумаги, на котором был отпечатан текст боевого задания.

- Все ясно?

- Так точно!

Пригласив нас к столу, капитан развернул карту и показал район десантирования Потом аккуратно сложил ее и передал сержанту.

- А теперь о том, что не написано в боевом приказе, - продолжил капитан. В своей работе опирайтесь на местных жителей, но будьте осторожны, доверяться можно не всем. После выполнения задания выходите через линию фронта. При благоприятных условиях, наличии боеприпасов можно оставаться до освобождения района нашими войсками. Вылетаете в полночь...

Вернувшись в свою палатку, Иван приказал собрать группу, развернул карту и показал всем место десантирования. На карте четко выделялась лесная поляна. Условились, что будем собираться по трехкратному хлопку в ладоши или трем ударам по дереву.

Ну вот и все. Скоро полетим. Настроение бодрое.

Наконец-то идем на дело. "Неважно, что никто из нас, кроме командира, не нюхал пороха, научимся воевать!" - так думал

каждый. Не понимал я тогда, как трудно будет освоить эту науку.

"Запевай, ребята", - подает команду Иван. Запевает Гриша Квасов, голос у него мягкий, бархатистый, знает он множество песен, любит и умеет их петь.

Гриша начинает:

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой...

Ребята подхватывают... Придется ли еще когда-нибудь вот так собраться всем? Неизвестно. Война ведь - не загородная прогулка...

Темной ночью, покачиваясь на ухабах и рытвинах, разбрызгивая сентябрьские ручейки и лужицы, наша полуторка шла по проселку к аэродрому. Фары зашторены, дорога еле видна. Над аэродромом столбы света - это шарят по небу лучи прожекторов. Вот один из них лег на машину, ослепил нас и снова ушел вверх.

Стало немного тревожно.

Машина прошла мимо ангаров и остановилась возле какого-то барака. Рядом штабелями сложены полутонные бомбы. Зашли в помещение. Инструкторы надели на нас парашюты, подогнали и застегнули лямки. Вещевой мешок непривычно лег на грудь. Автомат пришлось повесить на плечо и привязать к лямкам вещмешка. На брезентовом поясе - запасной диск к автомату, фляга, маузер, финка. В карманах куртки - "лимонки". Табак и спички в самом укромном месте - во внутреннем кармане пиджака, там же капсюли-детонаторы для мин и запалы для гранат.

Отяжелевшие от непомерного груза, с трудом переводя дыхание от туго стягивающих лямок, в ожидании посадки на самолет устраиваемся полулежа на штабелях авиабомб.

Поблескивая голубоватым пламенем выхлопных труб, подруливает бомбардировщик ТБ-3. Приказывают погружаться. Вслед за командиром один за другим по шаткому трапу поднимаемся в самолет. Размещаемся кто рядом с кабиной штурмана, кто в проходе. Нас на этом самолете десять человек - остальные десять летят на другой машине.

Большая пробежка, еле уловимый последний толчок - и самолет, оторвавшись от земли, медленно набирает высоту, делает круг над аэродромом и берет курс на запад, на Смоленщину, где над Духовщинским районом нам предстоит выбрасываться с парашютом.

Смотрю в иллюминатор. Картина завораживает. Далеко-далеко внизу то блеснет серебром извилистая речушка, то пронесется случайный костер, то - и не успеешь разглядеть -

промелькнет освещенная лунным светом темная деревушка.

На линии фронта вражеские прожекторы нащупывают самолет, трассирующие пули прошивают алюминиевую обшивку. Мы все сосредоточенно молчим. Тяжелая машина, взревев моторами, карабкается вверх, оставляя под собой пышные клубы облаков.

Наконец трассы пуль и разрывы зенитных снарядов остаются позади. Мы за линией фронта. Вскоре подается команда: "Приготовиться!" С трудом разгибая затекшие ноги, стуча зубами от холода, я вслед за Гришей Квасовым протискиваюсь к левому бомболюку. Створки его открыты. Через этот люк нам прыгать. Разговаривать не хочется. Проходит еще несколько минут ожидания. Каждый в это время, наверное, как и я, с тревогой думает о том, что же его ждет впереди. А позади - позади только начало жизни.

Уходя в армию, я знал, на что иду: придется летать, прыгать с парашютом, переходить линию фронта пешком, выполнять опасные и сложные задания в тылу противника. Но одно дело - знать, на что идешь, и совсем другое - когда эта служба становится реальностью, твоей судьбой, начиная с того момента, как ты надел парашют и поднялся в самолет.

"Сумею ли вынести все, что ляжет на мои плечи, оправдаю ли звание комсомольца?" - вот о чем думал я в последнюю минуту перед прыжком. Думал и о том, раскроется ли парашют, как произойдет приземление? Ведь это не учебный прыжок над своим аэродромом - там, внизу, враг.

В районе выброски облака рассеялись. Самолет сбавил скорость и начал снижаться. Звучит команда:

- Пошел!

Вслед за Квасовым бросаюсь вниз. Рывок - и наступила необычная тишина, стало почему-то теплее. В правой руке с силой зажатое вытяжное кольцо. Не успел еще разглядеть ни одного парашюта своих товарищей, как меня вместе с подвесной системой начало крутить то в одну, то в другую сторону. Едва успел остановить вращение, свести ноги и согнуть их в коленях, как оказался на земле.

Пытаюсь отстегнуть лямки парашюта, ничего не получается: кисти рук окоченели. С лихорадочной поспешностью, с помощью финки, отрезал лямки, вырыл ямку, спрятал парашют, замаскировал его травой, опавшими листьями. Закинув вещевой мешок за спину, беру на изготовку автомат и подаю условный сигнал три удара по ложе автомата, через короткий интервал еще три, и так несколько раз. Прислушиваюсь - никто не отвечает. Снова и снова подаю сигнал, но ответа все нет и нет. "Где же

ребята? - с тревогой думаю я. - Прыгнули недружно или сильно разбросало?" В душу начала закрадываться тревога. Всю ночь я искал своих товарищей, изредка подавал условные сигналы, но так никого и не встретил.

Стало светать. Двигаться полем в это время опасно, да и надежда, что встречусь с товарищами, удерживает на месте. Решил притаиться в кустарнике. Теперь все мои мысли об одном: заметили фашисты десант или нет? Если заметили, будут искать.

То с одной, то с другой стороны доносятся глухие звуки автоматных очередей или одиночных выстрелов. Возможно, немцы прочесывают местность. Вдруг впереди, справа от меня, отчетливо послышалось позвякивание металла. Неужели фашисты?.. Гитлеровцы, одетые в серо-зеленые мундиры, с ранцами за спиной и со "шмайссерами" на изготовку проходят гуськом совсем рядом. Я, затаив дыхание, крепко сжимаю в руках автомат. К счастью, никто из немцев не взглянул в мою сторону. Хорошо, что не стал взводить автомат - щелчок они бы, наверное, услышали.

Вытер рукавом со лба холодный пот, задумался - неприятное начало. Что же дальше-то будет, ведь впереди еще целый день.

Вот где-то сзади застучали топоры, заскрипели тачки. Скрываясь в редком кустарнике, ползком подбираюсь поближе к этому месту. Теперь уже слышны резкие, повелительные команды. Приподнимаюсь и вижу большую группу людей, ремонтирующих дорогу под охраной немецких солдат.

"Здесь искать не станут, - подумал я, - а вечером надо уходить. Только бы дождаться темноты".

Всю ночь я ходил спиралями вокруг места приземления, часто останавливался, внимательно прислушивался, но никаких следов пребывания бойцов нашей группы ни в кустах, ни в поле я так и не обнаружил. Странным мне показалось и то, что сбросили нас не над лесной поляной, как должны были, а почти на открытом месте. Неужели ошиблись?

Следующее утро застало меня в зарослях малинника. Лучшего укрытия не оказалось. Пришлось забраться в самую гущу и залечь. Отсюда мне кое-что было видно, а меня вряд ли кто мог заметить. Развязал вещевой мешок и без всякого аппетита поел немного мясных консервов с галетами.

Очень хотелось пить, но фляга была пуста: нигде на своем пути я не встретил ни речушки, ни озерца, ни даже лужицы - здесь в эти дни не было дождей.

В полдень на проселочной дороге появился вражеский кавалерийский патруль. Четверо конников в черных мундирах объехали справа и слева мое убежище и остановились в десяти

шагах от меня. Они негромко о чем-то разговаривали. Из обрывков доносившегося до меня разговора я понял, что ищут русских парашютистов. Но страха, как накануне, уже не было - лишь учащенно билось сердце и стучало в висках. Это я был в выгодном положении, держал их на мушке и в любой момент, если бы это потребовалось, мог открыть огонь. Однако все закончилось благополучно - враги медленно, не оборачиваясь, поехали дальше.

Наступили долгожданные сумерки. "Надо найти лесной район, только там можно встретить своих товарищей и партизан", - решил я и двинулся на северо-восток. Перед рассветом остановился в заросшем кустарником овраге. Когда совсем рассвело, увидел, что кустарник, который в потемках казался густым и поэтому надежным укрытием, оказался мелким и редким. И все же это лучше, чем оказаться на виду, в открытом поле.

Послышалось урчание машин, оно все нарастало, донесся лязг металла, рев двигателей. Вот она, немецкая техника! Двухосные и трехосные машины, машины на гусеничном ходу, крытые брезентом и открытые, с солдатами и грузом; огромные, тупорылые танки, мотоциклы с пулеметами в колясках... А рядом, по-видимому, аэродром - слышен рев стартующих самолетов. Сопровождаемые тяжелым, прерывистым гулом, они летят на восток - то ли к фронту, то ли дальше, к Москве, где я еще совсем недавно охранял от зажигательных бомб свой завод или укрывался в душных вестибюлях метро.

Что я смогу сделать один, чем сумею помешать врагу? Впрочем, один ты или в группе, перед тобой поставлена четкая задача: всеми силами и средствами мешать продвижению вражеских войск - минировать дороги, нарушать телефонную связь. Помимо этого, необходимо было вести разведку.

У меня в вещевом мешке пять килограммов тола, несколько противопехотных мин, а рядом дорога, по которой беспрестанно движутся вражеские войска. Значит, можно приступать к делу. С наступлением темноты движение на дороге уменьшилось. Лишь изредка проезжали небольшие колонны машин, которые шли почти вплотную друг к другу, словно опасаясь заблудиться.

Я вышел к дороге. Телеграфные струны-провода не пели своей привычной песни. Оборванные, они в беспорядке свисали со столбов, и их перепутанные спирали тускло поблескивали при лунном свете. Устроившись под кустом, я извлек из вещевого мешка желтые, точно куски хозяйственного мыла, бруски тола. Их надо плотно связать, как нас учили. Но шпагат остался в вещевом мешке Гриши Квасова. Как же быть? Чем связать бруски?

Телеграфным проводом? Нет, не годится - очень жесткий. Так у меня же есть запасные портянки! Из них можно сделать великолепный шнур.

С треском рвется крепкое льняное полотно. В тишине этот звук, наверное, разносится далеко. Если поблизости есть охрана, она себя обнаружит. Пока тихо. И все-таки на обочину дороги, взрыхленную гусеницами танков, выхожу с опаской, нагнувшись и оглядываясь по сторонам. Иду вдоль дороги, ищу выбоину поглубже. Нашел. Финкой расширил и углубил ее, а в образовавшуюся нишу заложил фугас и сверху поставил противопехотную мину. Теперь надо хорошенько замаскировать это место - подсыпать земли. Сердце бешено колотится, момент опасный: нечаянно нажал на крышку мины - и конец.

Ну, вот и все. Может, еще одну? Нет, не стоит. Взорвется одна, станут искать другую - жалко, если найдут.

Надев вещмешок и перебросив за плечо автомат, ухожу в сторону от дороги. Но как только послышался шум машин, не смог удержаться, залег и стал наблюдать. Вот машины подошли уже совсем близко. Неужели не сработала мина? И в этот миг сверкнуло ослепительное пламя, раздался взрыв. Большой трехосный грузовик загорелся, свалился в кювет. Есть! Боевой счет открыт. С трудом сдерживаю волнение. Теперь надо уходить!

Страшно хочется пить. Хоть бы пошел дождь! Словно вняв моим мольбам, набежали тучи и стал накрапывать по-осеннему мелкий и холодный дождичек. Первой мыслью было расстелить плащ-палатку и набрать воды, но тут же подумал, а каково будет потом, в мокрой одежде? Надо немного потерпеть, скоро воды будет в избытке. А пока, подставив ладони, собираю капли дождя, пытаюсь утолить нестерпимую жажду.

Через полчаса вышел на просеку. В глубокую колею уже натекла вода. Нагнулся, напился, наполнил флягу. Прошел немного - и осушил ее до дна. Затем еще одну. Только когда выпил половину третьей фляги, почувствовал, что вода пахнет прелью.

Еще два дня и две ночи без сна и отдыха искал я своих товарищей, петляя по окрестным полям и перелескам, но леса, настоящего леса, где можно было найти их или партизан, на моем пути не попадалось.

"Они, возможно, совсем близко, - думал я, - и уже выполняют задание: минируют дороги, устраивают засады, обстреливают вражеские колонны, уничтожают связь... Но ребята, пусть даже и по очереди, отдыхают. А я один. И нет мне ни бодрящего сна, ни минуты отдыха". Засыпаю на ходу и даже сны вижу: шагают со мной рядом мои друзья. С радостью очень истосковавшегося

человека называю их имена, но стоило споткнуться на неровностях ночного пути без дорог, как я просыпался и друзья исчезали.

Прошла неделя. Утро очередного дня застало меня в небольшом овраге. Укрывшись плащ-палаткой, украдкой докуривая остатки махорки и боясь заснуть хотя бы на минуту, я лежал на откосе и прислушивался. На плоском травянистом дне оврага мальчишки пасли лошадей. До вечера еще далеко. Надо набраться терпения, нельзя раньше времени обнаруживать себя. Но усталость все же взяла свое, и я заснул. Разбудила меня родная советская песня, ее звонкими голосами пели мальчишки-пастухи. Много раз и раньше слышал я эту песню, но сейчас она звучала на земле, занятой врагом, и это наполнило меня необычайной радостью.

Если завтра война, если завтра в поход,

Если черные силы нагрянут...

Песня лилась и лилась в туманной сумеречной дымке, и мне верилось, что ребята, которые поют такую песню, непременно помогут мне. Я сбросил с себя плащ-палатку, спустился к ним, поздоровался, спросил, из какой они деревни, много ли там немцев. Я стоял перед ними опухший, обросший, ребята - одни с любопытством, другие с испугом - смотрели на меня.

- А вы кто, дяденька, десантник, да? - отважился спросить один из мальчишек.

- Откуда ты взял? - ответил я вопросом на вопрос.

- А нас не обманешь, автоматы и маузеры только у десантников. Это вы устроили засаду возле Мамошки?

- Нет, ребята, там меня не было. - Я бросил взгляд на свои темно-синие гражданские брюки, заправленные в яловые сапоги, длинную ватную куртку защитного цвета и понял, что там, возле Мамошки, могли быть только мои товарищи. Ведь все мы были одеты одинаково. - А когда это было?

- Два дня назад. Фрицев много побили, ну и страху нагнали на них, конечно.

- А вы, ребята, не знаете, где сейчас десантники? - с отчаянием и в то же время с надеждой спросил я.

- Где нам знать! - Они рассмеялись: что, мол, спрашиваешь, сам прекрасно знаешь - и бросились к лошадям.

У меня все похолодело внутри - вот уедут, и оборвется последняя ниточка.

- Подождите, ребята, - попросил я. - У меня вот курево вышло, да и поесть нечего! Может, чего раздобудете?

- Принесем! - И ускакали.

На всякий случай я прошел немного вниз и расположился на

склоне оврага напротив деревни. Где же теперь мои товарищи? Надо расспросить ребят получше, они народ дотошный, может, и знают, да не решились сразу сказать.

Прошло, наверное, около получаса. На окраине села раздались крики, прозвучало несколько винтовочных выстрелов, затем все стихло. Положив перед собой вещевой мешок, я раскрыл последнюю, начатую уже банку мясных консервов, извлек из нее несколько галет и неторопливо начал жевать.

Когда некоторое время спустя я поднял голову, то на противоположной стороне оврага увидел цепь вражеских солдат. Это было так неожиданно, что я успел схватить только автомат (хорошо, хоть гранаты остались в карманах) и медленно начал пятиться назад в кустарник, с ужасом думая о том, что сейчас грянет залп, и все будет кончено. Погибнуть вот так, не успев еще ничего сделать!..

Цепь немцев молча двигалась вперед. Но почему они не стреляют? Ведь ясно, что меня заметили. Вот и кустарник слева от меня зашевелился, заблестели каски немецких солдат. "Окружают, хотят взять живьем!" - пронеслось в голове. Мгновенно взвел автомат и дал короткую очередь, один из немцев упал. Началась перестрелка.

Стреляя теперь почти вкруговую, чтобы не дать фашистам подняться, перебегая от куста к кусту, я выбрался из вражеского полукольца и оказался в высоком густом конопляник. Немцы почему-то прекратили стрельбу. Меня охватила радость: "Жив, невредим, выдержал первый бой! Жаль только, что оставил вещмешок с боеприпасами и продуктами. Может, немцы его не заметили", - подумал я, но заставить себя вернуться к месту недавнего боя не смог - страшно было.

Когда я вышел к краю оврага, то на светлом еще фоне неба отчетливо увидел силуэты вражеских солдат. Они несли на носилках троих убитых или раненых.

Я не опасался, что меня станут искать среди ночи, тревожила лишь мысль, почему вместо ребят, которых ждал, которым поверил, пришли немцы? Немного подождав, вышел на тропинку, которая вела к деревне. И тут, на тропе, вскоре обнаружил труп белоголового мальчишки. Через плечо его была перекинута холщовая сумка с хлебом и завернутым в газету самосадом. Я осторожно снял сумку, поцеловал мальчика, накрыл ему лицо своей пилоткой и побрел дальше, не оглядываясь. Прости, братишка, что так получилось, я тебя никогда не забуду...

Забыв про усталость, разгоряченный и взволнованный, я шел эту ночь, обходя, как всегда, селения, занятые врагом, отрезая большие куски телефонного кабеля, поднятого на шестах или

проложенного прямо по земле.

Когда возбуждение от недавней стычки с врагом улеглось, усталость снова навалилась на меня. Порою я просто падал от изнеможения на холодную землю, лежал какое-то время неподвижно, но снова и снова заставлял себя подниматься и двигаться на восток все дальше и дальше, все еще не теряя надежды найти лесной массив, а там - своих товарищей или партизан.

Прошел еще один день. Я очутился на берегу маленькой речушки, как обычно, осмотрелся и прислушался. Наверху, за оврагом, очевидно, проходила большая дорога - оттуда доносились обрывки немецких фраз, громкие команды, шум машин. Напившись воды, с трудом поднялся по крутому берегу и, укрывшись плащ-палаткой, залег у дороги. Наблюдая за бесперебойным движением вражеских машин, старался запомнить их опознавательные знаки и количество.

По ту сторону дороги простиралось голое поле Рожь убрана, стоит в копешках. К исходу дня движение на дороге почти прекратилось. Но я все-таки решил дождаться сумерек, прежде чем выйти на открытое место. Спустился метров пять вниз по оврагу, устроился в ямке, накрылся плащ-палаткой и чуть было не задремал.

Когда собрался продолжить свой путь, наверху остановился обоз. Слышу играют на губной гармошке. "Весело воюют фашисты", - подумал я. Вижу, они распрягли лошадей и повели их по крутой тропинке к реке в каких-нибудь двадцати метрах от меня.

Положив оружие, немцы напоили коней и, скинув мундиры, стали умываться. Меня они не видят, не знают, какая опасность нависла над ними. Я же не могу, не имею права пройти мимо них. Это солдаты фашистской армии, это враги, их нужно уничтожать при всяком удобном случае. Только вот лошадей жалко.

Осторожно извлек из карманов две гранаты, отогнул усики чек и, когда фашисты стали одеваться, дернув кольцо, бросил "лимонку", за ней вторую... Как только раздались взрывы и уцелевшие немцы попытались взяться за оружие, дал по ним несколько очередей из автомата. Пустой диск покатился по склону оврага. Затем пересек дорогу и быстро зашагал по полю.

Позади слышались выстрелы, но погони не было.

Сгустившиеся сумерки укрыли меня...

Шел всю ночь. На рассвете опять начал моросить мелкий дождик. Слева от меня какое-то село. Туда гитлеровцы буксировали подбитые танки и машины. Справа на пригорке, метрах в трехстах, стояли зенитные орудия. Стояли открытые,

безо всякой маскировки. Авиацию бы сюда.

А что мог сделать я? Лишь пересчитать орудия и запомнить место.

Иду лугом. Но здесь нет и копешки сена, укрыться негде, и лишь далеко впереди вырисовывается какое-то строение. Удастся ли дойти до него, не заметят ли зенитчики? Хорошо, что идет дождь, артиллеристы, наверное, сидят в землянках. На всякий случай снимаю плащ-палатку, заворачиваю в нее автомат. Беру сверток под мышку и иду не спеша, не оглядываясь, чтобы не вызвать подозрений. Строение оказалось полуразрушенной баней, стоящей у самой воды. Кругом ни кустика, река широкая, полноводная. Я был уверен: меня все-таки заметили. Жаль, что мало успел сделать: взорвал машину, уничтожил несколько фрицев. Что ж, многие, возможно, не успели и этого.

Жду немцев. Лихорадочно думаю, как поступить. Может быть, воспользоваться данной мне легендой: бежал из Смоленской тюрьмы? Если так, то необходимо спрятать оружие, верхнюю одежду, обувь, то есть военное обмундирование. Что касается костюма, он стандартный и не должен вызвать подозрений: волосы у меня длинные, значит, не красноармеец, выгляжу после нескольких бессонных ночей гораздо старше своих лет.

И вот - фашисты. Первое, что спросят - это документы. Никаких документов у меня, разумеется, нет. Отвечу, что сбежал из тюрьмы. Какая она, кто начальник - отвечу и на этот вопрос. Поверят и отпустят или продолжат допрос?

- Где взял костюм?

- Снял с убитого.

Однако на нем нет ни одной дырочки, костюм хотя и мятый, но совсем еще новый. Обратят внимание на ноги - они без единой царапины, и усомнятся, что шел босиком. Начнут искать оружие, обмундирование. Найдут и спросят:

- Командир, комиссар?

В лучшем случае расстреляют, но вероятнее всего отправят в гестапо, начнут пытать. Если кто-либо из десантников был убит или взят в плен, вспомнят, во что тот был одет, и догадаются, что десантник. Тогда начнется самое страшное:

- Кто послал, когда, с каким заданием?

Это будет уже конец. Стало быть, остается только один достойный выход принять бой.

Полулежа, я расположился у маленького пустого оконного проема, положил рядом автомат, гранату и приготовился достойно встретить врага.

Прошло, наверное, не менее двух часов. По-прежнему моросил мелкий дождь. Лежать без движения стало холодно.

Встал. Чтобы согреться, сделал несколько приседаний и увидел, как группа немцев двигается вниз по косогору. Шли в мою сторону, не спеша и громко разговаривая. Сквозь пелену дождя можно было разглядеть их черные мокрые плащи и выглядывавшие из-под них дула автоматов. Четверо... Не так уж и много. Не надо только нервничать. - пусть подойдут поближе.

Расстояние между нами пятьдесят-шестьдесят метров. Еще несколько секунд и я нажму на спусковой крючок. Но немцы взяли правее, стали удаляться в сторону реки. Значит, не заметили враги, как я шел и где спрятался, значит, спасен.

Меня, как это обычно бывает после пережитой опасности, охватило чувство огромной радости - радости бытия. Однако напряжение, в котором я находился в эти часы, и особенно в последние минуты, было так велико, что теперь, когда беда миновала, меня стало трясти как в ознобе, по щекам поползли слезы.

Выходит, судьба такая: жить.

Наконец сгустились вечерние сумерки. Можно уходить. Снова иду лугом, потом заболоченной поймой реки. Река кажется бездонной, а вода густой и черной, как деготь. От одной мысли, что придется переходить вброд, по телу забегали мурашки - и без того я сильно продрог. Лучше уж уклониться от курса - лишь бы не лезть в воду. Долго шел вдоль берега в поиске переправы. Наконец на окраине какой-то притихшей деревушки вышел к небольшому низенькому мосту. Долго всматривался в темноту и прислушивался, но было тихо. Опять начал накрапывать мелкий дождь. Осторожно ступая по мокрому и грязному настилу моста, перешел на другую сторону реки и вышел на дорогу. По ней, очевидно, совсем недавно прошла немецкая танковая колонна: на дороге и возле нее были видны размытые следы гусениц. А дождь все сыпал и сыпал. Промокли насквозь и плащ-палатка, и ватная куртка, и пиджак.

На рассвете по следам танков вышел к немецкому лагерю. Здесь совсем недавно стояли танкисты. В шалашах, собранных из березовых жердей и накрытых еловым лапником, сухо и еще не выветрился запах немецких сигарет. Пустые консервные банки аккуратно сложены, но всюду валяются газеты, вырванные журнальные страницы, надорванные конверты, листовки на русском языке. Листовки эти объявляли о скором взятии Москвы, о непобедимости немецкой армии. Они служили и пропуском для сдающихся в плен.

Я был очень голоден, однако, обыскав все шалаши, не нашел ничего съестного. Кое-какие крохи табака у меня еще оставались в кисете, а огня не было. После долгих поисков я все-таки нашел

кем-то оброненную коробку спичек. Она была насквозь пропитана влагой. Высушив кусочек терки и несколько спичек на своем теле, я с большим удовольствием покурил и, зарывшись в соломенную подстилку шалаша, на какое-то время забылся. Подняться заставил холод. Прямо возле шалаша впервые развел небольшой костер и стал сушить одежду. С трудом натянув на опухшие ноги еще сырые сапоги, почувствовал благодатное тепло, расстелил сухую плащ-палатку и заснул у догорающего костра. И приснилось мне, что сижу я дома за столом, а мама наливает в тарелку ароматный горячий суп с бараниной и домашней лапшой. Неторопливо подношу ко рту ложку, но есть не могу. Горячая жидкость обжигает потрескавшиеся губы, а тут еще кто-то трясет меня за плечо, еле удерживаю ложку. Проснулся и увидел склонившуюся надо мной пожилую женщину.

- Что это ты, сынок, разоспался-то, немцы ж рядом.

Какое-то время я смотрел на нее, ничего не понимая, затем рванулся, чтобы встать, но женщина удержала меня.

- Ты погоди, не спеши. Немцы-то сейчас ушли в деревню, обедают.

- Откуда вы, мамаша? - спросил я и с ужасом подумал, как неосмотрительно поступил. Ведь так же вот и немцы могли наткнуться на меня.

- Я здешняя, из соседней деревни, а ты-то кто будешь?

- Иду из окружения, - ответил я и невольно глянул на узелок, который лежал в корзине с грибами.

- Да ты небось голодный, а я-то... - Женщина быстро развязала платок, достала большой ломоть хлеба, кусочек порыжевшего сала и, пока я торопливо жевал, не спеша рассказывала:

- Председателя нашего расстреляли и семью ею - тоже. Кого из партийцев да комсомольцев поймали - уничтожили. Лютуют, супостаты, ой как лютуют. И мои два сынка, как и ты, на войне. Служили на западной. Может быть, тоже скитаются где или уж сложили свои головушки...

- Что поделать, такая нам судьба выпала, а глядишь, и вернутся твои сыновья, всех-то не побьют.

- Силен больно немец-то. Вчера, почитай, весь день шли фашистские танки и дорогой, и полем, и через деревню. Много их... Говорят, у Ярцева стояли наши, да теперь опять отойдут...

- А далеко ли до Ярцева? - спросил я.

- Да верст тридцать с гаком будет, - ответила женщина и тяжело вздохнула. - Ох, горе, горе... Однако мне пора к молотилке, слышишь, там уж немцы шумят. Хлеб заставляют молотить, а нам есть нечего, колоски в поле собираем. А хлеб

увозят, до последнего зернышка.

- Скажи, мать, а партизаны в село не заходят?

- Нет, не слыхала, сынок, не видала. Прощай, доброго тебе пути, сердешный.

- Прощай, мать. Спасибо тебе за хлеб да за доброе слово!

В поле и в самом деле запустили трактор, начала работать молотилка. Человек двадцать женщин подавали в нее снопы, веяли зерно. Немцы присматривали за женщинами, покрикивали на них, иные копошились возле машин. Вечером все ушли. Я осторожно подошел к току, рассмотрел машины. Молотилка наша советская и трактор тоже наш - ХТЗ.

Рядом с трактором стояли бочки с керосином и ведро. С трудом отвернув пробку, налил ведро керосина и вылил его на трактор, второе и третье - на молотилку. Чиркнул спичкой, машины вспыхнули, и долго еще яркое пламя освещало мой путь.

Что же делать дальше, как поступить? Искать своих товарищей, партизан? Или воевать одному?

Повоюешь тут, как же - патронов всего полдиска, мин нет, взрывчатки тоже. Что мог, я уже сделал. Что еще? Стоп! Ведь в задание нашей группы входит и разведка. Необходимо как можно быстрее сообщить командованию, где расположены обнаруженные мною зенитные батареи, аэродром, откуда движется к фронту большая колонна вражеских танков. Итак, решено - немедленно через линию фронта к своим. Подстегиваемый этими мыслями, я принялся было бежать, да где там вскоре выдохся, упал на стерню и долго не мог отдышаться.

Двинулся по следу танков, они вели на восток. Шел уже вторую ночь по этим следам. Иногда меня нагоняли обозы или колонны вражеских пехотинцев, тогда я углублялся в лесную чащу и шел параллельным курсом.

Однажды, свернув с дороги, очутился в болоте. Впереди, слева и справа, остановились на отдых какие-то немецкие части. Слышалось ржание коней, лязг гусениц. Но вот все стихло. Стараясь не шуметь, осторожно переставляю ноги, иду от дерева к дереву. И вдруг, потеряв опору, с шумом падаю в канаву, наполненную водой. Немцы, наверное, услышали. В небо взвились ракеты, выхватив из темноты то, что я не видел до сих пор - десятки танков. Я притаился, а затем, когда ракеты погасли, вдоль канавы вошел в лес. Тьма непроглядная. Идти трудно, мешает мокрая одежда. Спотыкаясь о валежник, корневища деревьев, продираясь через густые заросли папоротника, ухожу все дальше и дальше на восток.

Вот уже слышны раскаты орудийных залпов, стало быть, близко линия фронта. На рассвете вышел на небольшую поляну и

наткнулся на немецкие артпозиции. Немцы меня заметили. "Эх, как же меня угораздило!" - успел подумать я. "Эй, рус, иди сюда", - крикнул один из фашистов. В ответ я дал очередь из автомата и стал отходить в глубь леса. Гитлеровцы, прячась за стволами деревьев, некоторое время преследовали меня, но вскоре отстали. Лесом, конечно, можно было идти не только ночью, но и днем, однако надо быть осторожнее и там. В диске автомата у меня оставалось всего несколько патронов, к ним - одна обойма к маузеру и единственная "лимонка". Теперь любая встреча с немцами грозила окончиться плачевно. Голодный, усталый, снова пошел по следу танковой колонны. Теперь только он помогал мне держать правильное направление - компас разбила вражеская пуля.

Под утро я неожиданно оказался рядом с немецким лагерем. Двигаться дальше невозможно - могут заметить. Выбрал поваленную взрывом снаряда большую ель, забрался под ее густые ветви, прижался к стволу и стал наблюдать. Вражеские солдаты, видно, тоже продрогли за ночь и бродили по лесу, обламывая сухие еловые сучья и собирая валежник для костров.

Меня трясло от холода, чертовски хотелось курить... С трудом сдерживая кашель, крепко сжал рукоятку маузера, рядом положил гранату с отогнутыми усиками чеки. Иногда немцы подходили совсем близко, казалось, что мы смотрим друг другу в глаза. К счастью, обошлось, не заметили. Дождавшись темноты, вышел из укрытия, с трудом размял онемевшие ноги и стал выходить из немецкого расположения. Впереди костров не видно - значит, выбрался за пределы лагеря. И надо же тому случиться: из-за кустов, поддерживая штаны, выскочил немец! Увидев меня, он пронзительно закричал и побежал к своим. Раздалось несколько винтовочных выстрелов, затем все стихло.

Через некоторое время я услышал приближающийся собачий лай. Что делать? Хорошо еще, что в кисете осталась табачная пыль. Посыпая время от времени этой пылью свой след, я, как мне казалось, сумел уйти от погони. А может, погони и не было!

Уже глубокой ночью вышел из леса на разбитую проселочную дорогу, которая петляла в кустарнике. Набрел на обгоревший немецкий танк. Продолжая двигаться по дороге, обнаружил телефонный кабель, который был перекинут через нее на шестах. Режу. Стоит тревожная тишина. Иногда в разрывах облаков появляется луна, освещая скупым светом мокрую дорогу и кустарник. Я уже готов был поверить, что выбрался по крайней мере на нейтральную полосу, и тут снова наткнулся на кабель. Что-то не то. Слева слышу ненавистную чужую речь, останавливаюсь и всматриваюсь в ту сторону, откуда она

доносится. В этот момент кто-то дотронулся до моего плеча. Я вздрогнул от неожиданности, обернулся и увидел перед собой немецкого солдата. Карабин у него висел за плечом. Гитлеровец не подозревал, что имеет дело с вооруженным человеком. Не снимая правой руки с ремня карабина, он спокойным тоном произнес:

- Комм мит мир{1}, - и кивнул в сторону. Там вдали мелькнул яркий свет и тотчас же погас. Наверное, открылась и закрылась дверь какого-то строения.

У меня не было времени для размышлений. Я мог бы убить немца выстрелом из маузера, мог бы побежать от него куда попало, но я выхватил финку и ударил его наотмашь в грудь. Это произошло как-то само собой. Обмякшее тело бесшумно упало на траву.

Снова слышу приглушенный чужой говор. Догадываюсь, что немцы сидят в окопах, а рядом находятся маленькие землянки.

Голод, холод, бессонные дни и ночи, нервное напряжение довели меня до крайнего изнурения. Спрятав труп немца в одну из землянок, я с трудом втиснулся в другую и лег на соломенную подстилку, загородив ногами вход. Почти сразу же задремал, впав в какое-то забытье. Все стало вдруг совершенно безразличным.

Очнулся от пулеметной стрельбы и не сразу понял, где нахожусь. Вылез из землянки. Занимался туманный рассвет. То тут, то там в небо взвивались ракеты, слева и справа стучали вражеские пулеметы. Вскоре открыли огонь наши минометчики. Первые мины упали совсем недалеко от меня, а затем стали ложиться все дальше и дальше от немецких позиций, но клубы дыма и пыли еще висели в воздухе. Проскочить бы какие-нибудь сто метров, последние сто метров - и все!

Я встал и, низко пригибаясь к земле, побежал. Засвистели пули, но ложиться было нельзя, фашисты пристреляются и подняться уже не дадут. Зигзагами бегу дальше. Что это? Трупы - наших и немцев. Падаю на землю возле них. Больше нет сил. Мины еще рвутся где-то впереди меня, а здесь уже пыль улеглась, и лишь пелена тумана отделяет меня от противника.

У одного из наших погибших бойцов я взял винтовку, распорол финкой его вещмешок, извлек оттуда краюху подмоченного хлеба и, согнувшись, побежал вниз по косогору. Отдышавшись, стал отламывать большие куски хлеба и жадно глотать их. Подавился. Из маленькой речушки, не обращая внимания на вздувшиеся трупы лошадей, напился воды и побрел оврагом дальше.

Вскоре стали попадаться патронные ящики с надписями на русском языке, пустые спичечные коробки "Гигант", гильзы от

"трехлинейки". Я понял, что нахожусь на нейтральной полосе.

Где-то недалеко наши, надо спешить, надо предупредить их: немецкие танки рядом, вот-вот нанесут удар. Но где взять силы. С большим трудом, с частыми остановками я поднялся на крутую западную сторону глубокого оврага и увидел то, что так хотел увидеть - родные серые шинели и звезды на пилотках.

Радость моя была так велика, что я бросился обнимать первого встретившегося мне бойца, а тот, хотя и опешил немного от неожиданности, но сразу же предложил мне идти в штаб батальона. Там от радости и волнения я долго не мог произнести ни слова - к горлу подкатил тяжелый ком. Затем кое-как взяв себя в руки, стал торопливо объяснять комбату, кто я, откуда, с чем иду. Комбат только усмехнулся. "Не верит", - подумал я. Комбат вызвал конвой и приказал доставить меня в штаб полка, крикнув вдогонку: "Там разберутся!"

Навстречу поднималось багровое солнце, оно еще не грело, только слепило, внизу справа, на заливных лугах реки Вопь, трупы. Много трупов.

- Кто там? - спросил я.

- Немецкие парашютисты, - ответил один из конвоиров.

Неужели такая же судьба постигла моих товарищей? Нет, не может быть. Не должно быть. Вернутся мои товарищи, вернутся непременно.

В штабе полка я по-военному четко доложил:

- Красноармеец Фазлиахметов вышел из немецкого тыла, где выполнял задание Генштаба. - И тут же, попросив карту района Духовщины, Ярцева, показал на ней, где сосредоточены около двухсот немецких танков, тяжелая артиллерия, пехота, где находится аэродром, зенитные батареи, не забыл и о селе, в котором имелась мастерская по ремонту танков.

Я еле держался на ногах от переутомления и голода и прямо сказал об этом.

Командиры оторвались от карты, старший из них распорядился накормить меня и приказал соединить его со штабом дивизии.

На столе появились колбаса, масло, хлеб, и я с жадностью набросился на еду.

Как только ощущение голода стало проходить и приятное тепло разлилось по всему телу, у меня сами собой начали слипаться глаза. Страшно захотелось спать.

Однако в штабе полка меня держать не стали и направили в вышестоящий штаб. Там мне предложили повторить свое донесение и показать на карте место дислокации немецких танков.

- Очень интересно, - произнес один из командиров, когда я закончил, - но какие доказательства? Я извлек из-под подкладки куртки два конверта из фатерлянда, которые подобрал в лагере танкистов. На них четким почерком были написаны номера полевой почты. Командир внимательно осмотрел конверты, нахмурился, показал их своим товарищам. Лица у всех стали серьезными. Тот из них, кто вел со мной беседу, сказал: "Большое спасибо тебе, братец, это очень важно, хотя и очень неприятно. Ты догадываешься, что замышляют немцы?" "Видимо, наступление".

Он подошел ко мне, крепко пожал руку и произнес: "Молодец, иди отдыхай, а мы свяжемся с твоим начальством".

Тогда я еще не знал, что в конце июля 1941 года группа войск под командованием генерала К. К. Рокоссовского захватила выгодные позиции на западном берегу реки Вопь и закрепилась там. Не знал я и о том, что доложил ее штабу о сосредоточении частей 3-й танковой армии группы немецких войск "Центр" на этом участке фронта. Не знал, сколько времени осталось до немецкого наступления, но был очень рад, что успел выйти из вражеского тыла до его начала.

Меня привели в какую-то избу, дали матрац, одеяло. В карманах все еще шуршали льняное семя и рожь, которыми я питался последние дни скитаний по немецкому тылу, выбросить все это у меня так и не хватило решимости. Заснул я сразу. Проспал двое суток и просыпался лишь, когда приносили еду, а потом снова засыпал.

На третьи сутки меня опять куда-то повезли. Ехали недолго. Машина прошуршала по булыжной мостовой и остановилась около какой-то церкви. Меня ввели в комнату со сводчатым потолком. За столом сидели трое командиров со шпалами в петлицах. Один из них, полный, голубоглазый майор с красивым волевым лицом, заговорил со мной. Чувствовалось, что ему известна моя история. Он задал несколько вопросов, а затем предложил ехать с ним.

- Куда? - невольно вырвалось у меня.

- На ту же работу.

...Часа через два наша машина подрулила к старинному особняку, окруженному липами и разлапистыми елями, в котором расположился штаб войсковой части, где проходит службу майор А. К. Спрогис. Эта часть была создана на Западном фронте в начале войны. Артуру Карловичу в ту пору минуло тридцать семь лет. За его плечами был уже немалый жизненный опыт.

Юношей кремлевский курсант Спрогис стоял на посту No 27 - у квартиры В И. Ленина, участвовал в подавлении эсеровского

мятежа в Москве, вместе с латышскими стрелками брал Каховку, воевал с Врангелем и Махно, был в числе тех, кто проводил заключительную часть чекистской операции по сопровождению Бориса Савинкова с польской границы в Минск, сражался на Малагском и Мадридском фронтах в Испании.

Позже мир узнает о бессмертном подвиге в тылу врага Константина Заслонова и Зои Космодемьянской. А тогда... тогда лишь немногим посвященным было известно, что бывшего начальника депо Орша инженера Заслонова и его группу партизан-железнодорожников выводил за линию фронта капитан А. К. Мегера, работавший вместе со Спрогисом, что подготовкой и засылкой в тыл противника московской комсомолки Зои и многих других отважных девушек и юношей занимался кристальной чистоты большевик, член партии с 1920 года Артур Карлович Спрогис.

Друзья-товарищи

Часть, в которую я попал, формировала, готовила и переправляла в немецкий тыл разведывательные группы. Здесь я познакомился со многими бойцами. С некоторыми из них быстро подружился.

Особенно мне понравился Саша Стенин - невысокого роста круглолицый уралец с редкими рыжеватыми волосами. В его узких, глубоко посаженных зеленоватых глазах мелькали хитринки, но человек он был простой, добрый и мягкий. Кадровый красноармеец, Стенин почти три месяца участвовал в боях с фашистами, попал в окружение и с трудом, голодный и обессиленный, вышел к своим.

Стенин с напускным выражением удовольствия на лице мог есть сырую картошку, свеклу и тем очень удивлял молодых ребят, не знавших еще, что такое голод. Я же смотрел на него со смешанным чувством уважения и жалости.

Сразу расположил к себе и Саша Чеклуев, парнишка лет семнадцати. У него было запоминающееся худощавое бледное лицо, нос с горбинкой, большие продолговатые глаза, густые черные волнистые волосы. Впервые я увидел его, когда он, одетый в штатское, но с винтовкой в руке, стоял на посту у входа в казарму.

Рядом с ним - стол, накрытый красным ситцевым покрывалом, на нем подставка с карандашами и ученическая тетрадка.

Я попросил у него разрешения взять карандаш и бумагу, сел за стол и написал родным коротенькое письмо - жив, здоров, воюю.

Свернув письмо в треугольный конверт и надписав адрес,

обратился к Чеклуеву.

- Как звать-то?
- Сашка.
- Откуда?
- Из-под Ярцева.
- А я только что вышел из немецкого тыла под Ярцевом.
- Сам-то откуда?
- Я, брат, из Москвы. Ну, будем знакомы...

Чеклуев до начала войны закончил семь классов и по рекомендации Ярцевского райкома комсомола был направлен в эту часть. Мне он показался сначала несколько вялым и медлительным парнем, но потом, в деле, Саша проявил себя решительным и храбрым бойцом, смекалистым и очень хладнокровным разведчиком.

Встретился я здесь и с Сережей Гусаровым. Он со своим другом Володей Шатровым к тому времени уже успел побывать в занятом немцами родном Смоленске и доставить оттуда командованию очень важные сведения о противнике. Сережа тоже еще совсем мальчик Он невысокого роста, плотный, румяный, голубые глаза смотрят несколько исподлобья, но весело. У него круглое лицо, на щеках и подбородке ямочки. Говорит и смеется звонко, совсем по-детски.

Хотелось познакомиться и с Володей. По рассказам Сергея, это был сильный, очень храбрый и горячий парень. И такой случай вскоре представился.

В начале октября группа немецких армий "Центр" ударом севернее Духовщины и восточнее Рославля прорвала нашу оборону и устремилась вперед, стремясь окружить и уничтожить Вяземскую группировку советских войск и захватить Москву. Началась ожесточенная бомбардировка города Вязьмы и его железнодорожного узла. Под разрывами бомб мы погрузили в последнюю машину остатки имущества, посадили в нее раненых и больных бойцов, и она отправилась в Можайск. Осталось нас человек шестьдесят-семьдесят.

Командиром этого отряда, которому предстояло добираться в Можайск пешим порядком, был назначен невысокого роста политрук, человек спокойный и рассудительный, который сразу же сумел расположить к себе бойцов своей деловитостью и неподдельным спокойствием. Сначала мы вышли на шоссе Смоленск Москва, но там нас обстреляли вражеские самолеты, поэтому пришлось уйти в сторону и двигаться разбитыми лесными дорогами.

На своем пути мы встретили немало бойцов и командиров, отбившихся от своих частей. Они только что вышли из тяжелых

оборонительных боев, сделали все, что могли, но выдержать удар бронированных полчищ врага для них оказалось не под силу. И это сознание собственного бессилия легло на их плечи тяжелым и горьким грузом. Они были злы и угрюмы.

На каждом привале, борясь с усталостью, наш политрук устраивался на пеньке или бревнышке у костра и начинал с ними беседу.

- Да, - говорил он, - сильна немецко-фашистская армия, велик ее боевой опыт, но успехи фашистов - дело временное. Вот увидите, придет день и час, когда могучий советский народ развернет свои плечи, остановит врага, а затем погонит его прочь с родной земли.

Центральный Комитет партии сознает всю сложность обстановки и принимает решительные меры, чтобы снабдить сражающуюся армию современным оружием. С каждым днем, с каждым месяцем растет производство танков, самолетов, автоматов и другого вооружения. Время работает на нас. Будут еще жестокие сражения, будет много жертв, но мы победим, мы не можем не победить, товарищи.

Эти беседы, которые политрук вел спокойным, уверенным тоном, не прошли бесследно. Отчаявшиеся, но, безусловно, преданные своей Родине бойцы ободрились, стали по-другому смотреть на многие вещи. Вместе с нами они продолжали следовать к Можайску.

По пути в Можайск мы остановились у продпункта в городе Гжатске. Получили белый хлеб, масло и тут же, усевшись на вещевые мешки, стали есть. Сережа обратил внимание на высокого парня в длинной шинели, стоявшего к нам спиной. Затем сделал к нему несколько шагов и окликнул:

- Володя, ты?

- Сережка! Вот так встреча!

Друзья обнялись. Сергей представил нас друг другу.

В качестве представителя смоленских партизан в конце сентября 1941 года Шатров выехал в Москву для участия в работе Первого антифашистского митинга советской молодежи. Выступил на нем с речью. В обращении участников митинга к молодежи всего мира есть и подпись партизана Владимира.

Вернувшись в Вязьму, он нас там уже не застал. У коменданта города узнал, что мы направились в Можайск, и немедленно двинулся туда же. И вот два друга встретились. Да и мы все были рады познакомиться с прославленным партизаном.

На станции Колочь нам повезло. Там стоял товарняк, и политрук попросил начальника эшелона подвезти наш сборный отряд. Тот взглянул на усталые лица бойцов и согласился.

Разместились на двух платформах, груженных шпалами. Я и Сережа устроились в тормозной будке. Эшелон тронулся, начал постепенно набирать скорость, и тут налетели немецкие бомбардировщики.

Бомбы рвались и впереди, и слева, и справа. Со свистом стали проноситься осколки, обдало горьким, смрадным запахом взрывчатки. Над нашими головами в будку ударил осколок и с треском вырвал большой кусок вагонки. К счастью, никого не задело. Поезд прибавил скорость, бомбы больше не падали. В чем дело? Выручили летчики. Два наших истребителя атаковали немцев. Один бомбардировщик задымил и упал на Бородинском поле, остальные убрались восвояси.

Во время налета ребята вели себя хладнокровно, это мне очень понравилось.

В Можайске долго искали свою часть. В комендатуре не знали, где она находится. Выручил случай: встретился знакомый старшина, он и привел нас к двухэтажному кирпичному дому у самого вокзала, здесь были наши.

После обеда легли спать, после ужина - снова. Тюфяки, набитые соломой, после утомительного пятидневного перехода казались пуховой периной.

На другой день, в воскресенье, встали поздно. Мы с Володей решили пройтись по городу. Мне хотелось поближе познакомиться с ним. Я ему рассказал о своих злоключениях в немецком тылу, а он о своем первом задании.

- Мы с Сергеем, - начал он, - учились в одном классе четвертой средней школы города Смоленска, крепко дружили, вместе в 1939 году вступили в комсомол. К началу войны окончили девять классов.

С первых же дней войны по рекомендации горкома комсомола были зачислены в 1-й истребительный батальон. Участвовали в операциях по ликвидации немецких диверсантов и сигнальщиков, обороняли город, вели бои на Соловьевской переправе и с остатками батальона добрались до Вязьмы.

В совхозе "Александрино" с помощью областных партийных и советских организаций командиры оперативной спецгруппы Западного фронта формировали и направляли в немецкие тылы партизанские отряды и разведывательные группы. Нам с Сережей было поручено пробраться в Смоленск.

В конце августа мы были готовы к выполнению задания. Нам ведь было всего лишь по семнадцать лет, и легенда, что мы двоюродные братья и ищем своих родителей, которых потеряли во время бомбежки, казалась нам вполне убедительной на случай встречи с немцами и допросов.

Спецотряд пограничных войск завязал на передовой отвлекающий бой с противником, и нам удалось углубиться в тыл врага.

В Смоленск мы въехали на легковой машине, в которую немецкий офицер взял нас как балласт - машина часто буксовала на раскисшей от дождей глинистой смоленской дороге.

- В чем состояла ваша задача? - поинтересовался я.

- О, нашу разведку интересовало все: номера войсковых частей, расквартированных в городе, номера частей, проходящих через него, паспортный режим, структура гражданской и военной администрации, отношение немцев к местному населению, обращение с военнопленными и т. д. и т. п.

- Задание весьма обширное, как же вы рассчитывали выполнить его?

- Вся надежда была на школьных товарищей, оставшихся в городе. Наши родные из Смоленска эвакуировались.

- Расскажи, пожалуйста, как и с кем вы провели эту работу? Мне это может пригодиться.

- Я, конечно, не могу, не имею права назвать имена этих людей, они еще там живут и работают, но кое-что все же расскажу.

По прибытии в Смоленск мы сразу же пришли на квартиру одного из наших школьных друзей. Отец его до войны был видным человеком в городе. Теперь, при немцах, он занимал ответственную должность в русской администрации.

Сын остался верным своей Родине, он был настоящим комсомольцем, а отец пошел на службу к немцам добровольно. Мы, разумеется, не раскрыли его отцу наших истинных намерений, попросили лишь помочь оформить документы на жительство, и он это сделал - мы легализовались.

Раньше между отцом и сыном были некоторые разногласия, но теперь сын сделал вид, что одобряет решение отца. Тот стал ему доверять, и это позволило сыну бывать в служебном кабинете отца и добывать нужные нам сведения о структуре гражданской администрации и паспортном режиме.

- А как военнопленные?

- Положение их ужасно. Над ними измываются, считают за рабочий скот, морят голодом. Люди умирают десятками.

- Вам было также поручено узнать, какие войсковые части стоят в городе?

- Это мы узнали сами. Целыми днями, вплоть до комендантского часа, бродили по городу, но крупных танковых и артиллерийских частей в городе не обнаружили. Зенитные батареи засекли. Они располагались на возвышенных местах, их

было много.

- Скажи, а как вы думали передавать собранные сведения нашим?

- Используя рацию одной из групп, оставленных в тылу врага. Собрав необходимые сведения, мы отправились на связь с этой группой. Недалеко от той деревни, где была назначена встреча с нашими людьми, у развилки двух дорог (на Старой Смоленской дороге) мы остановились. Здесь на деревянном щите были расклеены всевозможные приказы, предупреждения и распоряжения немецкой администрации. Возле них толпился народ. Подошли и мы. К нам приблизился незнакомый человек, сидевший до этого неподалеку, назвал условный пароль. Услышав отзыв, предложил отойти в сторону и сказал:

- В деревню идти нельзя, да и незачем - группа погибла.

- Как?!

- Предатель. Предлагаю вам вернуться в город, освежить данные и возвращаться через линию фронта.

- А вы?

- Я остаюсь.

После этого человек отошел от нас, а мы снова вернулись в Смоленск.

За несколько дней уточнили разведданные, договорились со своими товарищами о дальнейшей работе, явках и направились на восток "искать своих родителей".

В местечке Кардымово нас, "вольношатающихся", задержала немецкая полевая комендатура и направила на работу в мотоциклетную часть: рыть окопы, строить блиндажи и землянки. Охрана была слабая, и мы убежали. Ночью в прифронтовой полосе нас снова схватил патруль и вернул в Кардымово.

Комендант поставил меня и Сережу перед строем и заявил, что за дезертирство со строительства важных для германского командования оборонительных сооружений мы будем расстреляны.

В это время во двор комендатуры въехало несколько больших грузовиков, из кабины одного из них вышел офицер и вручил коменданту пакет. Вскрыв пакет, комендант приказал срочно погрузить рабочих на машины, а сам ушел в помещение. Мы смешались с толпой и уехали. Теперь нас, примерно триста человек, разместили в старом сарае и выводили оттуда к самой передовой убирать рожь, лен - вот где бы бежать!.. К побегу уже все было готово, когда мы заметили, что за нами упорно наблюдает один тип. Человек этот с самого начала показался нам подозрительным. Сказавшись больным, он на работу не ходил, а, как известно, у фашистов не больно-то посачкуешь - даже за

опоздание на построение били по чему попало, а с больными у них разговор был вовсе короткий. Военнопленные, с которыми мы поддерживали контакт, сообщили, что тип этот все время пытается побольше разнюхать о нас. Предатель, решили мы, надо его прикончить, иначе беда...

- Вот так просто: прикончить... как будто всю жизнь только этим и занимались.

- У нас не было другого выхода - или мы его, или он нас.

- Это верно, но ведь все-таки человек...

- Нет, никакого чувства жалости к предателю я не испытывал, только ненависть и презрение.

А убивать было противно. Сделали мы это неловко, он успел позвать на помощь. Никто из пленных не тронулся с места, но, услышав крик, вбежала охрана, нащупала нас фонариками и стала избивать. Затем всех бросили в машину и куда-то повезли.

Кардымовский комендант нас узнал сразу. Взбешен он был до последней степени: бегал по комнате из угла в угол, часто дышал, сыпал ругательствами. Затем немного успокоился и через переводчика обратился к нам:

- Не успел я расстрелять вас тогда и очень жалею об этом, но теперь вы от меня не уйдете. Убрать этих бандитов, - сказал комендант солдатам, - а завтра утром... - и он выразительно щелкнул пальцами.

Нас втолкнули в пустую хатенку. За дверью загремел замок. Завтра все будет кончено, а помирать так не хочется... Стали мы знакомиться на ощупь с нашим казематом. Окна избы были забиты наглухо, потолок крепкий, из подвала выхода нет - хатенка вросла в землю А дверь? Дверь ветхая и висит на петлях. Если приподнять ее и нажать - она порвется с костылей. Вот где спасение! Это открытие несколько успокоило и подбодрило нас.

- Давай споем, - предложил Сергей и, не дождавшись моего согласия, тихо-тихо запел нашу любимую:

Орленок, Орленок, блесни опереньем,

Собою затми белый свет...

Со двора донесся громкий окрик часового:

- Молчать, руссишь швайн!

Мы продолжали петь. Раздался выстрел.

- Ах, гад! - произнес я и рванулся к двери, но Сергей удержал меня. Я, конечно, погорячился. К нашему домику на выстрел прибежали еще несколько солдат, и если бы мы выскочили, то нас прикончили бы на месте.

Глубокой ночью мы выбили дверь и выскочили из хаты. Часового, который нес охрану, я ударил по голове поленом, а Сергей выхватил у него из ножен тесак и заколол. Захватив его

винтовку и пояс с патронами, мы благополучно выбрались из деревни. Помогли нам в этом кромешная тьма и густой туман.

Дважды ощутив холодок близкой смерти, мы теперь старались избегать встречи с немцами: шли осторожно, понапрасну не рискуя. Линию фронта решили переходить ночью. Здесь снова несколько раз натыкались на немцев, попадали под обстрел, отстреливались и лишь на рассвете вышли к Днепру. В ближайшем лесу за рекой были наши. Затем без особых приключений прибыли в Вязьму, в свою часть.

Володя закончил свой рассказ, и мы еще долго шли молча. Я думал о том, что с такими ребятами можно идти на любое дело. Эти не растеряются, не раскиснут, ничего не побоятся. И все-таки спросил:

- А страшно было?

- Тогда нет. Страшно теперь, когда вспоминаешь, что чуть было не погибли из-за собственной неосторожности, так и не выполнив задания до конца.

Враг рвется к столице

В ночь на 5 октября Государственный Комитет Обороны принял специальное решение о защите Москвы. Главным рубежом сопротивления была определена Можайская линия обороны, проходившая от Волоколамска до Калуги. В Можайск по шоссейной и железной дороге стали прибывать свежие части с Дальнего Востока. Это были хорошо укомплектованные и вооруженные пехотные и танковые дивизии. Между тем, преодолевая ожесточенное сопротивление наших войск, немцы к 10 октября захватили города Гжатск и Сычевку. Обстановка на фронте становилась все напряженнее. Для отдыха времени не оставалось.

Уже через несколько дней после прибытия в Можайск наша группа была сформирована. Командиром группы назначили старшину милиции Григория Трофимовича Лаврова.

В группу включили двух милиционеров, сослуживцев Лаврова, и по моей просьбе - Володю Шатрова, Сережу Гусарова, Сашу Стенина, Сашу Чеклуева. В группу вошли также четверо комсомольцев, которые вместе с Чеклуевым пришли в часть из Ярцевского района Смоленщины.

Тринадцатого октября Лаврова и меня вызвал майор Спрогис и поставил боевую задачу: "Выйти в тыл противника и двигаться в общем направлении в сторону Вязьмы. По пути следования нарушать связь, минировать дороги, уничтожать мосты, вести разведку, в бои не ввязываться, по израсходовании боеприпасов вернуться через линию фронта. Для выполнения задания вам выдадут мины, взрывчатку, термитные шарики, карту, компасы".

- Задача ясна?

- Ясна, товарищ майор!

Мы понимали, что такие небольшие группы, как наша, - а таких групп, направленных из Можайска, были десятки - могут нанести немалый ущерб наступающим немецко-фашистским войскам. Чем больше мы сделаем, тем легче будет обороняющимся частям Красной Армии.

Поздно вечером нас отвезли на машине к Бородино. Дальше, ехать было нельзя - мост через реку взорван. Октябрь сорок первого выдался морозным, река покрылась первым тоненьким слоем льда. По кладям перебрались на другой берег и двинулись на запад. Пройдя километров десять, вошли в какую-то притихшую деревеньку. В ней не осталось ни одного жителя. В одной из пустующих изб протопили печку, погрелись и отдохнули.

Еще до рассвета покинули деревню, лесами пошли дальше. К вечеру оказались уже в тылу врага.

Определить это было нетрудно: до нас доносились обрывки чужой речи, слышался шум машин - по дорогам двигались немецкие части. Особенно оживленное движение наблюдалось на Минском шоссе, однако и проселочные дороги были накатаны до блеска. Ставим на них по одной или по две мины, тщательно маскируем.

Ночь с 15 на 16 октября мы провели в деревне. Встали еще до рассвета, хозяйка покормила нас чем могла, и мы отправились дальше.

Спустились по крутой тропинке к речке, начали переправляться. И надо же!.. Когда мы с Сашей Стениным стали переходить по кладям, они под нами рухнули, и мы очутились по горло в ледяной воде. Кое-как выбрались на берег. Переодеться нам, естественно, было не во что, поэтому ограничились тем, что с помощью товарищей просто-напросто хорошенько выжали одежду.

На рассвете подошли к большаку Поречье - Уваровка. Лес далеко позади, за большаком - бесконечное снежное поле. По дороге беспрерывным потоком шли машины, танки, конные обозы. Перейти нельзя. Устроившись в глубокой воронке, образованной взрывом бомбы крупного калибра, стали дожидаться вечерних сумерек.

Саша Чеклуев и Сережа Гусаров, перекинув через плечи холщовые сумки, отправились по дороге в ближайшую деревню "побираться". Они там погрелись, поели, кое-что и нам принесли из продуктов, но главное, в течение нескольких часов наблюдали за движением немецких воинских частей, запоминали знаки на

машинах, количество танков и автомашин, форму, цвет одежды солдат и офицеров (нам из нашего укрытия такие подробности рассмотреть было трудно).

Вечером, когда движение по дороге почти прекратилось, мы заминировали ее в нескольких местах и углубились в лес. В чаще быстро разожгли костер - дров было достаточно, рядом стояли поленницы, заготовленные еще до войны. Наконец-то появилась возможность согреться, обсушиться и отдохнуть.

Костер весело трещит, часовой ходит на некотором удалении от него, но, ослепленный ярким светом, очевидно, мало что видит в окружающей густой темноте. Лавров, этот веселый, никогда не унывающий человек, которому в ту пору было около тридцати, рассказывает нам были и небылицы из своей жизни, анекдоты, а мы все, развесив уши, слушаем его. Автоматы и винтовки лежат под руками или висят на сухих сучьях могучих елей, которые обступают нас со всех сторон. Рассказчиком Лавров был прекрасным, не говоря уже о том, что обладал живым умом и чувством юмора. Увлекшись его рассказами, мы, честно говоря, на какое-то время даже забыли, где находимся, тем более что в котелках уже забулькал гороховый суп, сдобренный колбасой. И вдруг из темноты слышим громкую и повелительную команду:

- Хальт, хенде хох!

Кроме меня и Саши Стенина, всех моментально как ветром сдуло. Мы же, когда перед нами появились вооруженные люди, остались на месте. И не потому, что были полураздеты - сушили обмундирование, - просто прекрасно знали: немцы ни за что ночью не сунутся в лес. И в самом деле: на пилотках у солдат мы увидели звезды, а на лицах улыбки. Красноармейцы присели к костру, протянули к огню озябшие руки...

- Сашка, Сергей, Лавров! Да это же наши, идут из окружения, - кричу я в темноту.

Слышу ответ Чеклуева:

- Сдались фашистам, шило вам в бок!

В разговор вступает Саша Стенин.

- Да вы что, ребята, очумели, что ли? Идите к костру, это же наши красноармейцы!

- А не врешь?

Не верят, подходят поближе, видно, все еще присматриваются.

Наконец, чтобы развеять сомнения, прошу наших новых знакомых подать голос. Услышав чистую русскую речь, друзья мои один за другим возвращаются к костру.

Лавров не спеша надел сапоги, в три бога и триста боженят проклиная зубную боль, которая донимала его уже несколько

дней, а затем предложил нашим гостям рассказать, откуда они взялись.

Один из них с ухмылкой заметил, что некоторые болезни проистекают от переохлаждения нижних конечностей и сердечно посоветовал не ходить босиком, тем более по снегу. Лаврова передернуло, но он смолчал. Второй красноармеец уже серьезно начал рассказывать о том, что их полк под Вязьмой попал в окружение, что они вели упорные кровопролитные бои с наседавшими фашистами. Командир полка погиб. Осталось человек триста, идут на соединение со своими. Во главе полка батальонный комиссар.

- А что вам здесь-то понадобилось? - все еще сердито спросил Лавров.

- Шли в разведку и наткнулись на вас, ну и решили маленько подшутить.

- Хороши шутки!

- Как далеко фронт? - задал вопрос один из бойцов.

- Тринадцатого октября Можайск был в наших руках. В ночь на четырнадцатое немцы подходили к Бородино, - ответил Лавров.

- Если бы кто-нибудь из вас взялся нас проводить...

- Что ж, пожалуй, можно, - сказал Лавров. - Я как раз собирался послать за линию фронта нарочных с разведданными. Если хотите, они вам помогут выйти к нашим.

- Вот за это спасибо!

Мы поужинали вместе с красноармейцами, поделились с ними спичками, махоркой, и они с двумя проводниками, один из которых был одет в гражданскую одежду, ушли к своим.

- В добрый путь, шутники, - произнес Лавров, и мы по очереди крепко пожали им руки.

Красноармейцы и их провожатые ушли на восток, а наш путь по-прежнему лежал на запад. Взрывчатка еще оставалась, можно было продолжать работу.

По пути следования минируем дороги, рвем линии связи, поджигаем мосты. Мосты в то время, как правило, были деревянными, и сжечь их не составляло большого труда. В ночное время, когда прекращалось движение, мы собирали небольшую кучку хвороста и сухостоя, клали на эту горку дров зажженный термитный шарик и преспокойно удалялись. Что касается телефонной связи между немецкими частями, то она осуществлялась с помощью кабелей, проложенных по земле. Через дорогу кабели перебрасывались с помощью высоких треножников; там, где это было возможно, вместо треножников использовались высокие деревья.

По-прежнему ведем разведку - этим занимаются Саша Чеклуев и кто-либо из ярцевских ребят - их возраст и одежда не вызывают у немцев подозрений. Просится в разведку и Володя Шатров, но его посылать рискованно. Он рослый и выглядит старше своих лет.

Спим чаще всего в лесу у костра. Сон этот короткий, беспокойный, почти не снимающий усталости, которая накапливается в нас с каждым днем.

Как-то после утомительного перехода, зашли в глухую подмосковную деревушку. Немцы в деревне еще не появлялись Отыскали председателя колхоза и попросили его устроить нас на ночлег. Кто мы и зачем здесь, ему объяснять не требовалось. Отвел он нас на край деревни к одной старушке. Продукты у нас уже давно вышли, все мы чертовски хотели есть, и два чугунка мелкой неочищенной картошки, которые хозяйка варила для поросят, могли стать для нас желанным угощением. Впрочем, скуповатая бабуся не сразу поставила их на стол. Лаврову перед этим пришлось употребить все свое красноречие, и только тогда она сжалилась. Теперь оба чугунка с картошкой стояли на столе. Воду из них старушка вылила, и горьковато-сладкий запах поплыл по избенке, защекотал ноздри. Мы жадно набросились на еду, ели картошку прямо с кожурой, торопясь и обжигаясь, а хозяйка смотрела на нас и покачивала головой.

Насытившись, мы выставили пост, мокрые шинели и сапоги побросали на печь, а сами разместились кто где.

Под утро, еще затемно, стали собираться в дорогу. Хозяйка сходила в сенцы, принесла нам каравай хлеба и несколько кусков сырой баранины. "Это вам от председателя". Мы сердечно поблагодарили ее и тихо, огородами, ушли в лес.

Вечером добрались до конечного пункта нашего маршрута - до дороги Вязьма-Сычевка. В нескольких местах заминировали ее и двинулись в обратный путь. Снова на дорогах ставили мины, разбрасывали колючки. Шли, как правило, лесом, стараясь избегать встреч с противником, днем на открытые места не выходили. И лишь однажды нарушили мы это правило, за что едва не поплатились жизнью...

Вышли к кромке леса. Впереди вспаханное под зябь, припорошенное поле. Обходить его лесом очень долго. Прислушались. Осмотрелись. Ничего подозрительного. Вытянулись цепочкой: впереди Лавров, за ним все остальные, замыкающим был я. Отошли от леса метров триста. Все спокойно. И здесь откуда ни возьмись наперерез нам выехали три мотоцикла с колясками, а за ними открытая штабная машина. Не доезжая метров пятидесяти до нас, гитлеровцы остановились.

Остановились и мы. Немцы о чем-то посовещались между собой, и один из них, видимо, офицер, через переводчика обратился к нам:

- Русские солдаты! Красная Армия разбита. Доблестные германские войска вступают в Москву. От имени командования предлагаю вам сложить оружие и сдаться в плен. Жизнь гарантирую.

Момент был крайне напряженный - отходить к лесу - расстреляют в спину, вступить в бой - слишком неравны силы. Надо пойти на какую-то хитрость. И Лавров, не теряя самообладания, произнес:

- Предлагаем пропустить нас. Прикажите не стрелять. У нас за плечами динамит.

Не нарушая строя, взяв оружие на изготовку, мы прошли в пятидесяти шагах мимо остолбеневших немцев. Не скажу, что спокойно. Это был, конечно, риск. Но именно такой риск и спас группу.

Мы отошли от немцев уже на приличное расстояние, когда те развернулись и поехали в село, а мы вдоль деревни, бегом, устремились к темневшему справа лесу.

В это время немцы на нескольких мотоциклах выехали за околицу. Штабной машины с ними теперь не было. Сначала они стали удаляться от нас, затем повернули вправо и вдоль кромки леса помчались по дороге наперерез нам. До леса оставалось совсем немного, но и немцы были рядом. Огнем из автоматов и винтовок мы вынудили их остановиться и залечь, а сами, отстреливаясь, перебежками добрались до леса. Здесь мы были в безопасности.

Почему именно так развивались события? Вероятнее всего, в штабной машине ехал какой-то крупный гитлеровский чин, и, опасаясь за свою жизнь, он приказал охране не ввязываться в бой. Возможно и другое - немцы не сомневались в том, что нас все равно удастся перехватить. Но они допустили существенную ошибку послали на перехват мотоциклистов. Если бы к нам наперерез из деревни вышла цепь пехоты, дело могло обернуться очень плачевно. Так или иначе, но на этот раз все закончилось благополучно. Наш командир в этой критической ситуации оказался на высоте и принял единственно верное решение.

У нас еще оставалось килограммов десять тола и три мины. Выйдя к Волоколамскому шоссе, решили заминировать дорогу. Мины поставили одну за другой, тщательно замаскировали.

Это было уже под утро. Нам очень хотелось увидеть результаты своей работы, что, надо сказать, удавалось редко. Расположившись в лесу, невдалеке от дороги, мы по очереди

выходили к шоссе и вели наблюдение. Вскоре пошли танки два проскочили, не зацепив мин, третий подорвался. Многократное эхо прокатилось по окрестным холмам. Танк, вспыхнул. Из окутанной черным дымом машины стали выползать танкисты. Вскоре сработала и вторая мина.

В этот день мы вышли к Волоколамску. С опушки леса в бинокль были хорошо видны какие-то необычные машины с наклоненными назад кузовами, возле них суетились солдаты в серых шинелях.

- Это же наши! - говорю я и передаю бинокль Лаврову.

Тот посмотрел, но на всякий случай послал разведку. Двое наших ребят, одетых в гражданское, без оружия пошли к военным. Вскоре солдаты разбились на две группы - примерно по десять человек - и стали охватывать нас слева и справа. Вот они уже совсем рядом - конечно, свои.

Дали им возможность беспрепятственно окружить себя и "сдались". Потом закурили, потолковали с солдатами о фронтовых делах, кое-что рассказали о нашем рейде в немецком тылу. Минут через пятнадцать распрощались с артиллеристами и пошли по направлению к железнодорожной станции. Те машины, которые мы видели с опушки леса, оказались знаменитыми "катюшами". Они дали залп по наступающим фашистам и сменили позиции.

Гитлеровцы наседали. Станция несколько раз в течение дня подвергалась жестоким бомбардировкам: горели пристанционные здания, склады, элеватор, жилые дома. Быстро минуем пылающие строения и выходим на шоссе Волоколамск - Москва.

Усталость давит на плечи непосильным грузом. Скорее бы добраться до какого-нибудь жилья, повалиться на пол и спать, спать, спать...

Справа от нас какая-то деревянная будка. Кое-как втискиваемся в нее, валимся на пол и моментально засыпаем. Утром следующего дня снова выходим на шоссе. Ни машин, ни подвод. Впереди деревня.

На окраине села, размахивая пистолетом, нас останавливает майор с малиновыми петлицами.

- Кто старший?

- Я, - отвечает Лавров.

- Приказываю занять позицию вон там, - майор махнул пистолетом куда-то вправо, в сторону кустов.

- На каком основании? Мы... - начал было Лавров.

- Разговорчики! - майор поднял пистолет. - Выполнять приказ!

Такое обращение возмутило меня. Я подошел к майору, отвел

его пистолет в сторону и заявил:

- Слушайте, товарищ майор, мы не бродяги, не окруженцы, не солдаты, потерявшие свою часть, мы разведчики штаба фронта. Вы не имеете права задерживать нас.

- Ничего не хочу знать! Есть приказ никого не пропускать.

- Веди нас в штаб, там разберемся, - сказал Лавров.

Майор убрал пистолет в кобуру, и мы пошли в деревню. В штабе полка нас выслушали, дали продуктов на дорогу и посоветовали идти в сторону Москвы по железной дороге - там, мол, еще ходят поезда.

Идем вдоль железнодорожного полотна и за каждым поворотом надеемся увидеть поезд. Но его все нет. И лишь часа через два-три на разъезде обнаружили пассажирский состав. Паровоз уж под парами. Бежим к поезду - откуда только берутся силы. Вскакиваем на подножку. Успели! Легли на лавки, отдышались, затем разулись, перевязали потертые в кровь ноги. Вечером приехали на станцию Покровское-Стрешнево.

По знакомой дороге я привел своих товарищей в студенческое общежитие МАИ. Комендант принял нас очень радушно. Открыл пустующую теперь комнату в 4-м корпусе, в которой я жил до ухода на фронт, выдал матрацы, одеяла, постельное белье. Наконец-то мы сможем по-настоящему отдохнуть.

На следующий день, ближе к вечеру, узнали, что наша часть теперь находится недалеко от Москвы. Быстро собрались и вскоре были уже на вокзале.

До отхода поезда оставалось еще много времени, и я, оставив своих товарищей в зале ожидания, отправился на 3-ю Тверскую-Ямскую улицу навестить своих знакомых по работе на заводе. В это время началась воздушная тревога. Когда я возвращался на вокзал, прожекторы все еще ловили вражеские самолеты, и десятки зениток вели по ним огонь.

Ни в зале ожидания, ни на перроне моих товарищей не оказалось. Решив, что они в поезде, я вскочил на подножку и пошел по вагонам - их нет. Это обстоятельство не очень меня огорчило. Куда и как ехать, они знают доберутся. Подумав так, я удобно устроился в полупустом вагоне и вскоре под стук колес задремал.

И чуть не проехал нужную мне станцию. Когда вышел на перрон, была уже ночь. Зашел в комендатуру. Там меня оглядели с- головы до ног, перемигнулись и... обезоружили. После этого спросили документы. Документов у меня никаких не оказалось. Паспорт и комсомольский билет сдал еще в учебном центре. Я потребовал написать расписку на оружие. Расписку мне дали и

под конвоем отправили на пересыльный пункт. Там опять все не столько спрашивали меня, кто я и откуда, сколько дивились на мои длинные волосы и полугражданскую одежду. Шпион! Надо отправить его для выяснения личности куда следует. И отправили. Ремни отобрали, отобрали расписку на оружие и даже деревянную ложку.

На другой день начался допрос. Дело вел какой-то очень молодой и очень самоуверенный следователь.

- А ну, говори, кто тебя послал, с каким заданием, - имея в виду немцев, начал он.

- Спрогис, - отвечаю, - послал с боевым заданием.

- С каким именно?

- Взрывать машины и танки противника.

- А где твои боеприпасы?

- Израсходовал, - отвечаю.

- А какой у него чин, у этого, как его...

- Спрогиса? Майор, войсковая часть 9903.

- Что за часть, где стоит?

- Это войсковая часть штаба Западного фронта, - отвечаю.

- Молчать!

Я замолчал. Тут же он предложил подписать протокол допроса. Подписывать я не стал и потребовал свидания с прокурором.

- Ишь чего захотел!

- Я требую прокурора, - сказал я еще раз и, не в силах больше сдерживаться, стукнул кулаком по столу.

На этот шум из соседней комнаты вышел прокурор. Когда я немного успокоился, он задал несколько вопросов. Я ответил и попросил отправить меня в часть. Проверить, кто я и откуда, у него, видимо, не было возможности, но он сказал, что завтра же отправит меня в военкомат для прохождения дальнейшей службы, - стало быть, поверил, по крайней мере, что свой.

Утром мне вернули ремни, расписку на оружие и проводили в райвоенкомат. Там, к счастью своему, я встретил лейтенанта из нашей части. Он заявил военкому, что знает меня и берет с собой. На этом мои злоключения окончились.

Обстоятельства складывались так, что нашу группу с очередным заданием могли проводить в тыл не раньше 10 ноября, поэтому командир части отпустил нас на праздники в Москву.

С нами поехал и Геннадий Кротков, который появился в части в мое отсутствие. Геннадий, кстати говоря, тоже бывший студент, уже успел побывать на фронте, участвовал в боях, ходил в разведку. С ребятами младший политрук быстро нашел общий

язык, со многими подружился.

Приехали на фабрику "Красная оборона". Из проходной Володя Шатров куда-то позвонил, и через несколько минут к нам выбежали Шура Калистратова - секретарь комсомольской организации фабрики - и еще несколько девушек. Они отвели нас в теплую просторную комнату, быстро собрали немудреный ужин, и за чашкой чая полилась непринужденная беседа.

- Ну, как вы тут живете, как трудитесь? - обратился к ним Геннадий.

- Трудимся как никогда раньше - по шестнадцать часов в сутки. Мы на казарменном положении.

- Почему?

- Кто дежурит после работы в сандружине, кто на крыше фабрики. А домой идти далеко, да и холодно там. Вы уж лучше о себе расскажите, о своих боевых делах, - просит Шура...

- Это можно, - ерошит волосы Саша Чеклуев и начинает рассказ. - Вышли мы как-то к лесной дороге, видим, идет конный обоз немцев. Большой обоз. Охрана сильная, нам с ней не справиться. Пропустили мы его и только хотели перейти дорогу, как вдруг увидели отставшую полевую кухню. Залегли в канаве. Смотрим. Обоз скрылся за поворотом, кухню можно захватить без большого риска.

Лавров приказал Сереже снять повара. Тот прицеливается, нажимает на спусковой крючок - и немец падает на дорогу. Умные лошади останавливаются.

Чеклуев со Стениным забирают у фрица винтовку, пояс с патронами и поворачивают коней на зимник. В котле варится что-то мясное, пахнет очень вкусно, и есть хочется нестерпимо. Но останавливаться пока нельзя, надо уйти подальше в глубь леса.

Наконец Лавров приказывает остановиться, открывает крышку котла и снимает пробу.

- Картошка с мясом, - заявляет он, - давайте котелки.

Пока наполняются котелки, Чеклуев со Стениным распрягают лошадей, а я с Сережей минирую кухню. Есть уже придется на ходу. Слышна стрельба, видно, немцы начали преследование. Надо уходить.

- Ну и как, ушли? - спрашивают девчата.

- Как видите. Правда, они долго преследовали нас, пока не подорвались на одной из противотанковых мин, поставленных по следу.

- А лошади?

- Так мы и доехали на них попеременку до самой Москвы.

- Полно врать-то, - встрянул Сергей, - лошадей мы вывели на опушку и отпустили...

Вот так, незаметно, во встречах и беседах с комсомольцами фабрики пролетели два дня.

Наступило 6 ноября. В этот день мы все с огромным вниманием выслушали по радио доклад товарища Сталина, с которым он выступил в канун праздника 24-й годовщины Октябрьской революции на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящиеся совместно с партийными и общественными организациями столицы. Собрание было проведено на станции метро "Площадь Маяковского". В речи Председателя Государственного Комитета Обороны содержался призыв к развертыванию партизанской борьбы в тылу врага, но главное - в ней была выражена непоколебимая уверенность в конечной нашей победе.

Вечером вместе с девчатами мы поехали на Красную площадь. Прошли возле Кремлевской стены, постояли у Мавзолея Ленина, повернули у Спасской башни на Лобное место, прошли возле ГУМа, остановились и еще раз окинули взглядом это дорогое для сердца каждого советского человека историческое место. Морозило, мела поземка, но мы не чувствовали холода...

А 7 ноября на главной площади страны состоялся исторический военный парад. Отсюда войска шли на фронт, на защиту Москвы.

В тот же вечер мы были уже в своей части. В честь праздника Великого Октября был организован вечер, на котором, кроме ребят, присутствовало и много девушек.

Как мы узнали, девушки прибыли в часть по путевкам Московского горкома комсомола. Лишь немногие из них успели побывать на заданиях, познать тяжесть походов и неудобств солдатского быта. Большинство же не имело пока за плечами никакого боевого опыта. Но все девушки были полны решимости сделать все, что в их силах, для защиты Родины.

А пока - танцы... Наш Геннадий, человек внимательный, красноречивый, обходительный, производит на девчат впечатление. Да и Володя, статный смуглый красавец, тоже на виду, тоже увлеченно танцует. А мы с Сережей Гусаровым и Сашей Стениным скромненько стоим у стенки, любуясь этим красивым и почти забытым зрелищем...

"Тайфуну" не бывать!

К середине ноября немецко-фашистские войска подготовились к решающему удару, планируя завершить операцию "Тайфун" захватом Москвы 15 ноября, наступление началось четырнадцатого, за день до начала этого наступления, мы отправились в очередной рейд по немецким тылам. Лаврова с нами уже не было. Его назначили командиром вновь

сформированной группы из комсомольцев-москвичей октябрьского набора. В течение ноября и декабря 1941 года во главе этой группы он дважды выполнял важные задания командования в немецком тылу. Затем был отозван в распоряжение НКВД.

Командиром группы теперь стал я, а заместителем - Геннадий Кротков. С нами идут Саша Стенин, Саша Чеклуев, Сережа Гусаров, Володя Шатров. В группу включили также несколько девушек. Среди них были Лина Самохина, Шура Соловьева, Надя Бочарова и Тося. Фамилию Тоси я не запомнил, не удалось узнать ее и позже. Для девушек это первое задание.

Прощаемся с товарищами и на машине выезжаем под Звенигород. В тот же вечер в штабе полка уточняем обстановку на этом участке и намечаем место для прохода в тыл.

Пошли оврагом. Справа и слева от нас деревни. Там постреливают, то и дело вспыхивают ракеты. Ясно, что в этих деревнях немцы, а мы в нейтральной полосе. Через некоторое время сопровождающий нас лейтенант из части и полковые разведчики прощаются с нами. Мы углубляемся в лес. Снега здесь поменьше, чем в овраге, идти стало значительно легче. Остановились, прислушались - ничего подозрительного, можно следовать дальше. Впереди с компасом шагают Гусаров и Чеклуев, за ними, метрах в двадцати, растянувшись цепочкой, идут все остальные. Геннадий Кротков замыкает колонну, потом на его место встаю я. Идти последним гораздо труднее - то и дело приходится нагонять идущих впереди. Идем настолько быстро, насколько позволяет груз. Торопимся - ведь до Осташева путь немалый. Все идут ровно, никто не жалуется на усталость; хорошо, что догадались распределить груз соответственно физическим возможностям каждого. Время от времени делаем короткие, на 5-10 минут, остановки. Бывалый пехотинец Саша Стенин на привалах ложится на землю, кладет голову на вещмешок, а ноги задирает кверху, опираясь на ствол дерева. Девчат это смешит, но Саша им объясняет, что такая поза снимает усталость.

Под утро вышли на укатанную машинами дорогу. Щедро нашпиговали ее колючками из четырех сваренных между собой заостренных проволочных штырей, один из которых всегда торчал кверху. Припорошенные снегом, колючки незаметны, а машины с проколотыми шинами выходят из строя. Нам это "устройство" очень нравилось. Колючки занимали немного места, мало весили, а действовали почти так же эффективно, как небольшие мины. Поставили, конечно, и мины. Примерно через километр снова заминировали дорогу, разбросали колючки...

Шли лесами и днем и ночью. Когда устраивали привал, ломали еловый лапник, стелили под себя, ложились вплотную друг к другу и засыпали. Но что это был за сон - в холодную погоду под открытым небом? Продрогшие, вскакивали на ноги - и снова в путь; согревшись, частенько засыпали на ходу.

Мы не искали встречи с противником, нам это запрещалось. Несколько убитых немцев в открытом бою не могли оправдать наши, даже самые малые, потери. Но мы всегда были готовы к неожиданной встрече с врагом. На этот случай гранаты никогда не хранили в подсумках, они лежали в карманах шинелей с установленными запалами, и это нас часто выручало.

Как-то мы заминировали наезженную проселочную дорогу и стали углубляться в густой ельник. Вдруг, сзади, справа, раздались выстрелы. Тося упала. К нам, стреляя на ходу, приближались немцы. Мы бросили несколько гранат. Гитлеровцы залегли. Пользуясь этим, Сережа подполз к Тосе, но помочь той уже было ничем нельзя - пуля пробила девушке голову. Как ни жаль было оставлять ее даже мертвую, однако силы были слишком неравны, нам пришлось отойти.

Оторвавшись от немцев, спустились в овраг и по его противоположному склону поднялись наверх. Еще не успели отдышаться, как на проселке показался немецкий конный обоз. Девушки - а они были вооружены только наганами - отошли в безопасное место. Остальные залегли. Когда обоз поравнялся с нами, Сережа выстрелил из винтовки по передней лошади. Она упала. Немцы-обозники соскочили с подвод и сгрудились возле убитой лошади, и тогда мы ударили по ним из винтовок и автоматов.

- Это вам за Тосю, гады, - приговаривал Сережа после каждого выстрела.

Оставив убитых и раненых, гитлеровцы разбежались. Но с противоположной стороны оврага ударил вражеский крупнокалиберный пулемет. Пули стали ложиться слишком близко, пришлось уходить. Немцы преследовать не стали.

Километров через восемь остановились Люди выбились из сил. Шура Соловьева откровенно и просто заявила: "Больше не могу, дайте отдохнуть".

- Эх, хорошо бы сейчас чего-нибудь горяченького, - сказал Саша Чеклуев.

- А не сварить ли нам рисовой каши, ребята, - предложила Шура.

- Ну что ж, кашу так кашу, - согласился я.

Привал сделали возле замерзшей речушки в ольховнике. Сушняка много. Саша Стенин быстро развел костер, повесили мы

над ним котелки со льдом и начали перебирать вещевые мешки. Запасы сала и колбасы уже подходили к концу, и эти продукты решили не трогать - оставить на тот случай, когда не будет возможности развести костер. А сейчас можно сварить суп из горохового концентрата и кашу, как решили.

Бумажные пакеты, в которых хранился рис, разорвались, и он смешался с кусочками тола и парафина, которым были покрыты толовые шашки. Пришлось девушкам заняться "сортировочной" работой.

Вскоре в котелках забулькал гороховый суп, сварилась и каша.

Шура, как главный кашевар, сняла пробу. Она сморщилась, часто заморгала, по щекам потекли слезы... что-то не так. Попробовали - горечь невозможная И только после того, как эту кашу промыли в трех водах, она стала более или менее пригодной, съедобной, съели ее без остатка.

Впоследствии, наученные горьким опытом, мы так плотно и надежно упаковывали продукты, что ни одна крошка тола не могла попасть на них.

После каши поели суп с сухарями, попили чай. Разговаривать никому не хотелось. Не до разговоров было.

Да, мы знали, на войне без потерь не бывает, но это слабое утешение. Когда теряешь близкого, хорошего человека, который совсем недавно был рядом, это очень тяжело. Все мы горько переживали гибель Тоси.

Поднялся ветер, замела поземка. Уходить от огня не хочется, а идти надо. До шоссе Осташево - Волоколамск осталось еще не меньше десяти километров, и в этот вечер надо добраться до него во что бы то ни стало.

Идем уже третий час. Люди окончательно выбились из сил. Необходим отдых. Даю команду сделать привал. Разведчики забираются под густые кроны елей - под них еще не намело снега, и, прислонившись к стволам, тут же засыпают. А некоторые, не найдя в себе сил сделать еще несколько шагов, падают прямо в снег. Приходится подкладывать им под голову что-нибудь. Кротков простужен, нос красный, сильный насморк, отоспаться бы ему сейчас в теплой избе на печи, да нет такой возможности. Единственно, что можно сделать, - это не дать людям продрогнуть, вовремя поднять - в движении согреются.

Прикрыв полой шинели фонарик, еще раз сверяю маршрут по карте. Поблизости не должно быть селений. Командую "подъем" - и снова в дорогу. Я иду впереди с компасом. Выходим на поляну и видим на ней какое-то низкое строение с двухскатной крышей. Оставив ребят на опушке леса, с Сашей Чеклуевым подходим

ближе. Крыша упирается прямо в землю. С торцевой стороны ступеньки ведут вниз, вот и дверь, а чуть выше - небольшое оконце. Свет электрического фонарика выхватывает из темноты земляной пол, двухъярусные нары, устланные соломой.

- Да это же землянка, Сашка!

- И в самом деле, вот и печка!

- Повезло наконец! Иди, зови ребят.

Выставив пост, замаскировали плащ-палатками вход, разожгли в печурке огонь и при свете карманного фонарика начали знакомиться с помещением и устраиваться на отдых.

Шатров и Гусаров отправились на шоссе в разведку, а остальные получили возможность погреться. Те, кто очень устал, могли отдохнуть на верхнем ярусе землянка уже достаточно прогрелась.

После короткого отдыха стали готовить фугасы. На столе, сколоченном из досок, работается хорошо и споро. Первый фугас делаю сам, а девчата смотрят во все глаза, слушают и запоминают.

- Укладываю шашки вот так, вплотную друг к другу...

- А почему? - спрашивает Саша Соловьева.

- Иначе не будет детонации, не весь тол взорвется. Мину ставим сверху и тоже привязываем, - продолжаю я. - А что перед этим нужно сделать?

- Проверить исправность мины, - отвечает кто-то из девчат.

- Правильно, иначе может случиться непоправимое.

Завожу часовой механизм, выдергиваю пусковую чеку, механизм срабатывает в установленное время и становится на боевой взвод. Контрольная лампочка, подключенная вместо капсюля-детонатора, не горит. Щелчок по коробке - и лампочка вспыхивает. Мина исправна. Снова завожу механизм и ставлю чеку.

- Готово, - отставляю фугас в сторону.

- Когда же ставить капсюль? - спрашивает Шура.

- Капсюль будем ставить и подсоединять там, на месте, перед установкой мины.

- А почему не сейчас?

- А что случится, если случайно выпадет чека и механизм отработает установленное время? - отвечаю я вопросом на вопрос.

- Мина сработает, - говорит Шура.

- Точно, и радости это нам вряд ли доставит, - резюмирует Саша Чеклуев и улыбается.

Девчата, конечно, изучили основы подрывного дела, но практики у них было маловато. Уделить больше времени для подготовки не было возможности, немцы рвались к Москве.

Обстановка диктовала необходимость забросить на коммуникации противника как можно больше боевых групп: командование рассчитывало, что те, кто не прошел еще достаточной подготовки, доучатся у более опытных товарищей в боевой обстановке. Шура знала минное дело не хуже других девчат, просто, видно, хотела еще раз проверить свои знания.

Вернулись Сережа с Володей. Они доложили, что шоссе проходит примерно в полутора-двух километрах. Дорога накатана, но движения сейчас нет.

Когда все было готово, мы оставили лишние вещи в землянке и двинулись к шоссе. Растянувшись почти на километр, начали минирование: отыскивали выбоины в асфальте и ставили мины так, чтобы они были вровень с дорогой или чуть ниже. Работали без всяких помех, словно на занятиях, опасаясь только одного - как бы случайная машина не помешала нам завершить начатое дело. Затем мы с Геннадием обошли всех, проверили, хорошо ли замаскированы фугасы.

Капсюли-детонаторы уже подсоединены, остается выдернуть чеки. Теперь надо поставить колючки, и все. Требуется предельная осторожность: можно подорваться на собственной мине.

Сделав все необходимое, довольные и возбужденные, возвращаемся в землянку. Метет, заметая следы, метель. Это нам на руку. В землянке тепло. Выставив пост, ложимся спать. Как хорошо отдохнуть в тепле, на ржаной соломе!

От первого взрыва на шоссе все просыпаемся. Выбегаем из землянки. Порывы ветра доносят до нас вой машин, громкие, истерические крики немцев. Не обращая больше внимания на взрывы, которые продолжают время от времени раздаваться, многие снова ложатся спать.

Шатров и Гусаров просятся на шоссе за трофеями. Я разрешаю, только прошу быть осторожнее, в бой не ввязываться. Володе даю свой автомат.

Прошло примерно полчаса. Я вышел из землянки. На шоссе снова вспыхнул огонь, затем по окрестным лесам прокатилось эхо взрыва. Немцы застрочили из автоматов. Затем снова загудели машины, и стало тихо. Вскоре ребята вернулись.

- Вот, еще горячие, - произносит Сергей и протягивает мне обгоревшие номера машин.

- Ну рассказывайте, что видели.

- Что там было! - начал Шатров. - Колонна машин встала. Саперы рыщут с миноискателями. Часто наклоняются к земле, что-то подбирают и бросают в сторону.

- Колючки!

- Один фриц наткнулся на мину.

- Ну и что?

- Разнесло его в клочья. Жалко... Мину жалко. А немцы в объезд поехали.

Запас взрывчатки мы почти полностью израсходовали, оставили лишь несколько противопехотных на случай преследования да два десятка термитных шариков.

После завтрака, оставив теплую землянку, мы тронулись в обратный путь - на восток. Через день севернее Рузы вышли к руслу уже замерзшей небольшой речушки с крутыми берегами. Невдалеке виднелся высокий деревянный мост.

Чеклуева со Стениным я отправил в разведку в ближайшую деревню Хотебцево. Ребята вскоре вернулись и доложили, что немцев в деревне нет, но дорога накатанная, техника проходит.

Неожиданно к мосту подъехали две легковые машины. Из них вышли несколько офицеров и принялись осматривать мост - верхний настил, сваи. У Сережки загорелись глаза. Он стал просить:

- Дай поохотиться, командир. Теперь мы налегке и в случае чего сумеем уйти.

- Иди, только не один.

- Я с ним пойду, - заявил Шатров.

Укрываясь в складках местности, два друга совсем близко подползли к немцам. Выстрелов было не слышно, но вот один из офицеров упал, за ним другой, третий. Мы уже приготовились броситься к мосту и добить остальных, но тут из-за поворота дороги вышла пешая колонна немцев. Гитлеровцы, видимо, заметили наших и стали разворачиваться в цепь. Ребята побежали в сторону леса. Мы прикрывали их огнем, одновременно углубляясь в лесную чащу. Фашисты еще долго стреляли, но мы все были уже в безопасности. Нас надежно укрывал частокол деревьев. Ясно, что мост очень нужен фашистам. Но почему офицеры так тщательно его осматривали? Машины и так здесь проходят, дорога накатанная. Значит, немцы беспокоятся, пройдут ли по нему танки. Сомнений нет. Мост надо уничтожить. Приняв это решение, мы поздно вечером вернулись к нему и с помощью термитных шариков подожгли.

На случай, если фашисты придут и попытаются погасить огонь, мы с Гусаровым, Чеклуевым и Стениным остались в засаде у моста. Геннадию с остальными я приказал уходить и дожидаться нас в овраге.

Огонь разгорелся и вскоре охватил половину моста: горели верхний настил, ферма, сваи. Теперь его уже не погасить. Убедившись в этом, мы ушли от тепла огромного костра в

холодный ночной лес...

Чем ближе линия фронта, тем интенсивнее становилось движение по дороге. Зачастую немцы двигались и ночью: велико было их желание взять Москву.

Вышли на шоссе Тучкове - Звенигород. По нему беспрерывной вереницей двигались колонны машин, танков, длинные санные обозы. Пришлось долго ждать, пока представился случай перебраться через дорогу. Но и это препятствие мы преодолели благополучно.

К утру вышли из леса и пошли ровным заснеженным лугом. И здесь неожиданно наше передовое охранение наткнулось на спрятанные в стогах сена немецкие танки. Уйти незаметно от охраны не удалось. Нас окликнули раз, другой, начали стрелять. Не отвечая на огонь, мы скрылись в густом кустарнике на берегу Москвы-реки.

Слева танки, справа река. За рекой высокие холмы и лес, да только не знали мы, кто там: наши или немцы?

До тошноты болит голова. Сказываются бессонные ночи. Очень устали. Саша Стенин предлагает хлебнуть немного водки. Фляга примерзает к губам, с отвращением делаю несколько глотков и передаю следующему. Благодатное тепло разливается по всему телу, головная боль понемногу утихает. Теперь страшно хочется пить. Ребята спускаются к реке и финками долбят лед, но до воды не добраться. Река замерзла основательно.

На рассвете Стенин с Чекуевым, которые вели наблюдение за левым берегом, с тревогой в голосе сообщили: "Немцы идут по нашему следу". Подхожу к ребятам и вижу: не меньше полусотни гитлеровцев разворачиваются в цепь, в бинокль хорошо видно, что они вооружены автоматами. Оглядываюсь по сторонам и понимаю: деться некуда. Впереди на многие километры среди голой равнины петляет русло реки. Укрыться негде. Переходить на другой берег уже поздно.

"Эх, командир, командир, - ругаю себя, - надо было предвидеть погоню и сразу перебираться на ту сторону реки, к крутому берегу, изрезанному оврагами, или по крайней мере послать туда разведку".

- Ребята! Принимаем бой! Перебежать на ту сторону не успеем, перестреляют как зайцев!

Немцы открывают огонь. Никогда - ни раньше, ни позже - я не слышал такого треска автоматов и свиста пуль над головой. Тысячи разрывных пуль ложатся на лед за нашей спиной, взрываются, и кажется, что стреляют и сзади. Густой прибрежный камыш падает на лед, словно подрезанный огромной невидимой косой. Девушки с гранатами и наганами лежат у откоса, им

приказано ждать, пока немцы подойдут ближе. Мы, мужчины, из автоматов и винтовок открываем ответный огонь. Однако немцы продолжают наседать. Тогда я командую:

- Приготовить гранаты!

В этот решающий момент в середине наступающей вражеской цепи вспыхивает пламя, взлетают вверх комья мерзлой земли. Со свистом над нами проносятся мины и рвутся в каких-нибудь пятидесяти метрах. Значит, там за рекой наши. Гитлеровцы залегли, пытаются укрыться в мелких воронках, образованных взрывами мин. Затем один за другим встают, бегут назад. Вслед им летят наши гранаты. А мины все рвутся и рвутся на почерневшем уже лугу, усеянном трупами немецких солдат. Все. Мы спасены.

Девчата бегут на лед, обнимаются, смеются и плачут от радости.

Теперь мы уверены, что на правом берегу наши, и спокойно переходим реку. По крутому склону оврага поднимаемся на вершину холма. Вот и минометчики. Родные серые шинели, трехлинейки за плечами, закопченные, давно не бритые лица. Девчата бросаются целовать солдат, а мы сдержанно, по-мужски благодарим их за поддержку огнем. Одного из бойцов прошу отвести нас в штаб.

Вскинув винтовку на плечо, минометчик провожает нас до самого порога маленького деревянного домика. Часовой вызывает дежурного, и тот, выслушав нас, приглашает зайти. Внутри сильно накурено, зато тепло. Распоров подкладку телогрейки, достаю заветную бумажку. Вот что там было написано: "Командирам частей. О прибытии тов. Фазлиахметова немедленно сообщите в штаб Западного фронта. Полковой комиссар Дронов. 14 ноября 1941 г.".

Начальнику штаба полка мы доложили все разведывательные данные о противнике и самое главное - о сосредоточении танков там, за рекой. Он поблагодарил, приказал накормить нас, затем, крепко пожав руки, на попутной машине отправил прямо в штаб фронта. Оттуда поздно вечером поездом мы добрались до своей части и сразу же с Геннадием пошли к командиру. Подробно рассказали о воинских частях, которые встретились на пути, выложили трофеи: телефонные кабели, номера, снятые с подорванных машин.

Через несколько дней после выполнения задания в районе Осташева нам была поставлена новая боевая задача: перейти линию фронта под Наро-Фоминском, в деревне Борисово уничтожить немецкий штаб. По пути вести разведку, сеять панику в тылу врага.

- На этот раз вы получите только бутылки с горючей смесью, термитные шарики и личное оружие. Никаких мин и взрывчатки! Задача ясна? Вопросов нет? обратился к нам Спрогис.

Полковой комиссар Никита Дорофеевич Дронов добавил:

- Упорно рвавшиеся к Москве немецко-фашистские войска на многих участках фронта остановлены. Теперь гитлеровцы зарываются в землю, выгоняют местных жителей из домов, устраивают себе теплые квартиры. Выкуривать фашистов на мороз - вот ваша задача! Задание сложное, опасное и необычное, будьте предельно осторожны.

Наша группа была не первой, которая отправлялась в тыл с такого рода заданием, однако поделиться опытом пока еще было некому.

Правда, вернулся командир одной из таких групп - Борис Крайнов, но вернулся один, весь почерневший от горечи неудач. Он еще ничего не знал о судьбе своих товарищей - Зои Космодемьянской, Веры Волошиной, Клавы Милорадовой и других.

Теперь идти за линию фронта был наш черед.

Опять машина, опять прифронтовая полоса. Полковые разведчики в белых, как и мы, маскхалатах третий раз пытаются провести нас через линию фронта. Нас совсем немного - всего девять человек. Но даже такой маленькой группе не удается пройти незаметно. На опушке леса попали под перекрестный огонь двух дзотов. Володю ранило. У Саши Стенина пуля разбила бутылку с горючей смесью, и она вспыхнула Чеклуев с Гусаровым сорвали с него шинель, сбили огонь с ватных брюк. Шура Соловьева перевязала Володе пробитую пулей ладонь левой руки.

- Что будем делать, Геннадий? - спрашиваю у Кроткова.

- Придется возвращаться.

По своим следам прошли полосу немецких укреплений, нейтральную зону и вышли к позициям наших войск. Было решено следующей ночью сделать еще одну попытку, но вышло иначе...

На другой день за нами прислали машину, и мы выехали в часть.

- Почему нас отзывают, - спросил я приехавшего за нами капитана, но тот лишь загадочно улыбнулся: мол, приедете, узнаете.

Заночевали в Подольске. Помывшись, легли в чистые постели и заснули мертвецким сном. А утром услышали необычайно торжественный голос Левитана. По радио передавалось сообщение о начале наступления наших войск под Москвой.

Мы крепко обнялись и расцеловались.

В изматывании наступающей немецко-фашистской армии, кроме регулярных частей, приняли самое деятельное участие небольшие группы, направляемые в тыл врага. Каждая такая группа - по 10-12 человек - за это время несколько раз побывала за линией фронта.

На коммуникациях немецко-фашистских войск были заложены тысячи мин, постоянно нарушалась связь между частями, уничтожались мосты. Работали такие группы очень эффективно, и ущерб, нанесенный ими фашистам, был немалый.

В книге "Великая Отечественная война 1941 - 1945 гг." есть такая фраза:

"Только оперативным учебным центром Западного фронта, начальником которого был И. Г. Стариков, с 13 июля по сентябрь 1941 года было подготовлено 3600 специалистов для борьбы в тылу врага". Там же сказано: "Начальниками и первыми преподавателями созданных ими (военными советами фронтов. - Ф. Ф.) учебных центров были Стариков И. Г., Кочегаров М. К., Спрогис А. К., Думанян Г. Л. и другие. Активные участники партизанского движения в годы гражданской войны, они и в мирное время вели большую работу по изучению способов и методов партизанской борьбы, по созданию специальной техники для партизанских действий..."

Сдержать натиск врага

На ближайших подступах к Москве немецко-фашистские войска были разбиты и отброшены.

Победа, которая до сих пор связывалась лишь со словом "грядущая", теперь стала реально ощутимой Это была победа не где-нибудь, а под Москвой, столицей нашей Родины. Она вселила в сердца всех советских людей уверенность в том, что мы в состоянии разгромить армии немецко-фашистских захватчиков и

изгнать их из пределов нашей земли.

Установилась морозная, снежная зима сорок первого года. Если в октябре ноябре мы еще не нуждались в лыжах, то теперь без них уже было не обойтись. Стала нужна и теплая одежда, которая, к сожалению, очень затрудняла движение. Надо было тренироваться, тренироваться много и усиленно, чтобы выдержать ту нагрузку, которая ляжет на наши плечи в будущих походах. Поэтому каждый день до седьмого пота с набитыми до отказа вещевыми мешками за плечами ходили на лыжах. Теперь в Измайловском парке нам была знакома каждая дорожка, каждая тропинка.

Из небольших, 10-15 человек, разведывательных групп, командование части сформировало роту. Командиром ее был назначен опытный и храбрый кадровый офицер старший лейтенант Шарый Илья Николаевич.

В конце декабря нашу роту перебросили на Внуковский аэродром Геннадий Кротков и я стали командирами отделений во взводе старшего лейтенанта Попова. Рота вошла в состав батальона майора Жабо и пополнилась пулеметными и минометными взводами. Это обстоятельство заставило нас задуматься о характере будущих операций.

Батальоном с таким вооружением можно наносить удары по крупным войсковым частям и штабам противника. Пользуясь паникой, неорганизованностью отступающих или создавая эту панику и неразбериху, можно нанести врагу значительный урон. У майора Жабо уже был некоторый опыт в проведении подобных операций - не более как месяц назад жабовцы совместно с другими отрядами Угодско-Заводского района разгромили штаб корпуса немецко-фашистской армии.

Жабовцы были одеты в очень удобные десантные костюмы светло-зеленого цвета, состоявшие из длинной просторной куртки и широких брюк, подбитых верблюжьим мехом. Что касается обмундирования нашей роты, то мы были одеты так же, как и многие фронтовики в зимнюю пору, - в полушубок и валенки. От красноармейцев линейных частей наши ребята и девчата отличались только более франтоватым видом да пистолетами или наганами на боку. Ребята наши носили к тому же очень пышные прически - это было одной из отличительных особенностей и особой привилегией разведчиков. Впрочем, не только привилегией - в разведку не пойдешь стриженым - сразу узнают, что солдат.

В наших двух отделениях по-прежнему оставались Саша Стенин, Сережа Гусаров, Саша Чеклуев, Шура Соловьева. Были и новенькие.

Нам отвели две смежные комнаты на втором этаже двухэтажного кирпичного дома, где мы и встретили вскоре Новый, 1942 год. Паровое отопление не работало, в комнате топилась железная печь. Столов и стульев не было, поэтому, расстелив плащ-палатки, расположились прямо на полу.

До водки особых охотников среди нас не нашлось, но все-таки выпили понемножку, закусили, спели несколько песен и даже потанцевали. Последний тост предложил Геннадий:

- За Победу!

...Наш батальон вошел в состав 4-го воздушно-десантного корпуса. Наступление на фронте развивалось успешно, и мы с нетерпением ждали своей очереди вылета во вражеский тыл, однако обстоятельства изменились. В конце января нашу роту выделили из батальона майора Жабо, погрузили в машины и повезли на Курский вокзал. Оттуда товарным поездом вместе с двумя другими ротами из нашей части, сформированными в Москве, нас отправили под Сухиничи. Там нам предстояло перейти линию фронта и выйти на коммуникации отступающих немецко-фашистских войск.

Разместились в двухосных товарных вагонах. Нары в три яруса, в середине теплушки железная печка. Она топилась беспрерывно, поэтому на верхнем ярусе было невыносимо жарко, а на нижнем блестела покрытая инеем дощатая обшивка вагона. Ехали с частыми остановками. Пищу готовили сами на железной печке, умывались снегом, занимались гимнастикой. Иногда на остановках ребята устраивали беготню, шумные свалки...

На другой день вечером высадились на станции Манаенка. Стали на лыжи. Холодно. На ходу, однако, быстро согрелись. Вскоре нас нагнала колонна машин. Они быстро доставили нас в деревню Ракитно. Дальше дороги нет. Мы выгрузились, разошлись по домам и расположились на отдых.

Командиры рот ушли на совещание. Было принято решение пробираться в немецкий тыл сводным батальоном. Командиром батальона стал старший по званию батальонный комиссар Н. В. Радцев, комиссаром - П. В. Багринцев, начальником штаба - Н. И. Правдин. Командование батальона вместе с командирами 10-й армии наметило маршрут движения: деревни Радождево, Козарь, Попково с конечной целью выхода в Брянские леса. Командование 10-й армии располагало сведениями, что на выручку 216-й немецкой дивизии, окруженной в районе Сухиничей, из Жиздры и Людинова вышли части 2-й танковой армии, поэтому нам посоветовали трогаться в дорогу не мешкая, пока немецкие танки не отсекли батальонам путь.

- Тревога!..

Мы, рядовые, еще ничего не знаем ни об окруженных немцах, ни о танковой армии. Наше дело выполнять приказ. Роты построены и одна за одной уходят в метельную морозную ночь. Курить, светить фонариками категорически запрещено.

Мы одеты в ватные брюки, свитера, полушубки. За плечами у каждого мешок с боеприпасами и взрывчаткой. Жарко. Только лица и уши стынут на ледяном ветру.

Перед рассветом 23 января две передовые роты вошли в деревню Попково. Нашей роте, которая шла в тыловом охранении, приказано устроить дневку в соседней деревне Печенкино. Двигаться в светлое время суток немыслимо немецкие самолеты охотятся за каждым человеком.

Тишина. Гнетущая тишина, как перед грозой, и на душе неспокойно. Старший лейтенант Шарый приказал выставить усиленные посты, остальным отдыхать. Однако поспать нам так и не пришлось. В стороне деревни Попково стали взлетать ракеты, а затем мы услышали взрывы снарядов и мин, пулеметные и автоматные очереди. Над деревней поднялись столбы дыма. Ведь там наши - что же произошло?

Шарый послал в Попково разведку, а нам приказал организовать круговую оборону, дорогу со стороны Попкова и танкоопасные места заминировать, отрыть в снегу окопчики, приготовить противотанковые гранаты.

Вернулись наши разведчики. С ними - трое раненых бойцов.

- Что случилось? - предчувствуя недоброе, крикнул Шарый.

- Танки...

Старший лейтенант приказал военфельдшеру Венярскому оказать раненым помощь, и, когда тот закончил перевязку, нетерпеливо спросил:

- Так что же все-таки произошло?

- Да что там рассказывать, - махнул рукой один из бойцов. - Только сняли с себя полушубки, расположились отдыхать, как в деревне начали рваться снаряды и мины. Выскочили из дома, а на улице немецкие танки. С небольшой группой бойцов во главе с Радцевым мы отбивались от немцев в кирпичном доме. Один из немецких танков подошел вплотную, мы его подбили, другой стал подальше, в пятидесяти-шестидесяти метрах, гранатами его не достать, и режет из пулемета разрывными. Появились убитые и раненые. Наступил критический момент. Радцев приказал раненым уходить. Нас вышло из деревни двенадцать человек, осталось трое, остальных накрыли пулеметным и минометным огнем.

- Может быть, Радцев не выставил посты?

- Нет, посты стояли, но их смяли танки, - ответил тот же боец.

- Почему же вы не заминировали дорогу?! - почти выкрикнул Шарый.

- Не знаем. Не было приказа.

В Попкове бой уже затихал. Напрасно мы ждали немцев с той стороны, видимо, они и не собирались идти в Печенкино, деревню, расположенную в стороне от большой дороги на Сухиничи.

Вскоре появился нарочный и передал Шарому приказ командования 10-й армии: "Занять оборону на участке деревень Бортное - Кочерги. Любой ценой остановить продвижение немцев на этом участке".

- У нас другая задача, - возразил Шарый.

- С вашим командованием вопрос согласован. Выполняйте приказ. Поймите, добавил офицер мягче, - кроме вас, некому.

Перед строем бойцов и командиров Шарый объяснил поставленную задачу. Все были полны решимости сражаться до конца.

В Бортном, куда мы пришли уже к вечеру, находилась лишь горстка бойцов 10-й армии, вооруженных винтовками и одним станковым пулеметом. Они были рады прибывшему подкреплению, тем более что это была свежая, хорошо вооруженная, полнокровная рота.

Мы начали с того, что тщательно заминировали обе дороги, ведущие в Бортное из Устов, откуда можно было ожидать появления противника. Шарый после осмотра местности приказал взводу Попова занять позицию на правом фланге, второму взводу - в центре, а девушкам во главе с Леной Колесовой - на левом фланге. Одну небольшую группу охраны командир направил в деревню Кочерги, чтобы не допустить обхода наших позиций с левого фланга. Одно отделение было выслано в дозор в Печенкино, так как из Попкова немцы могли ударить к нам в тыл именно с этой стороны.

Шарый, осмотрев наши позиции, одобрил расположение огневых точек и наблюдательного пункта. Появления противника перед нашими позициями можно было ожидать с минуты на минуту. Тревога и напряжение нарастали. Хотелось скорее схлестнуться с врагом. Ведь совершенно ясно, что этого не миновать.

С наступлением темноты две колонны немцев в походном строю неожиданно вышли из зарослей кустарника на открытое место - на наш левый фланг. По цепи передали команду: "Открыть огонь по вспышке красной ракеты". Но кто-то не выдержал. Гулко прозвучал одиночный выстрел. От неожиданности колонна немцев остановилась, затем снова пришла в движение.

Когда гитлеровцы подошли на расстояние 150-200 метров, в небо взвилась красная ракета. И тут по немецким колоннам ударили десятки пулеметов и автоматов. Немцы отхлынули, побежали, оставив противотанковую пушку и две подводы. Вскоре противник открыл плотный ответный огонь из орудий и минометов. Левая сторона деревни и дома в центре загорелись, стало светло как днем. Появились первые жертвы: убитые и раненые. Обстрел закончился лишь под утро. Деревня пылала. Сверху сыпался горячий пепел, снег почернел.

Наступило тревожное утро 24 января. Рассвело. С чердака нашего дома Шарый и Попов вели наблюдение. Поднялся к ним и я. В бинокль было хорошо видно, как на деревню Усты, извиваясь черной змеей, ползет бесконечно длинная колонна танки, артиллерия, обозы Неужели и нас постигнет та же участь, что и наших ребят в Попкове? Нет! Гитлеровцы не застали нас врасплох, мы сумели приготовиться к бою и готовы к любым неожиданностям.

Торопливо позавтракали. Ждем. Наблюдаем с чердака, как немцы устанавливают орудия и минометы; достать их мы не можем, нет у нас артиллерии. Ровно в восемь утра противник обрушил на правую сторону деревни мощный огневой шквал.

Позади наших позиций вспыхнули несколько домов.

Мы на переднем крае, лежим в снегу в белых маскхалатах. Защитой от пуль и осколков мин и опорой для винтовок и автоматов служат бруствер снега и лыжи. Указательные пальцы на спусковых крючках - уж шли бы, что ли, скорее, черт побери, руки отмерзают. Наконец немцы рассыпались в густую цепь и двинулись на нас.

- Ближе, ближе, фрицы, - кричит Леня Садовик, - зараз дадим прикурить! Он стоит за старой раздвоенной вербой. В руках длинноствольный маузер, в единственном правом глазу светится веселая решимость.

Садовик родом из Белоруссии, сирота, еще в детстве потерял один глаз, но благодаря своей настойчивости был направлен в Москву и прошел краткосрочную подготовку на тех же курсах, что и я.

Впереди, на сельском кладбище, держит на мушке наступающих фашистов наш пулеметчик Миша Кузнецов со своим вторым номером. Левый фланг немецкой цепи вот-вот поравняется с ними.

Со мной рядом, справа в ложбине, выкопанной в снегу, лежат Шура Соловьева, Чеклуев, Стенин, Сура-лев и другие бойцы моего отделения. Чуть подальше отделение Кроткова. Перед нами крутой обрыв, а немцы идут по пологому склону по пояс в снегу.

Ох как трудно им будет возвращаться назад.

Со стороны кладбища раздаются пулеметные очереди Немцы валятся в снег. Офицер, размахивая пистолетом, поднимает их, однако встают не все. Пулемет ударил снова, и сразу же на кладбище начинают рваться мины Пулемет умолкает. Неужели накрыли? Нет, пулеметчики вернулись целыми и невредимыми, только с разбитым пулеметом. От сердца отлегло.

Попов приказал третьему отделению занять оборону против кладбища: с той стороны, скрываясь за деревьями, немцы могут нас обойти. Но удивительное дело - гитлеровцы не воспользовались этой возможностью. Прут по открытому месту. Что это - психическая атака или просто тупость?

Шарый кричит с чердака:

- Внимание, танки!

Танков мы не видим, но знаем, как туго придется, если они сумеют подойти на расстояние выстрела. Но они, пожалуй, не подойдут. От Устов вьется лишь узенькая санная дорога. И тут с чердака раздается ликующий возглас Шарого:

- Застряли, буксуют!

Вскоре мины начинают рваться вокруг стога сена, с которого вел наблюдение Попов. Ранило его ординарца. Старший лейтенант взваливает ординарца на плечи и бежит к нашему дому - теперь единственному уцелевшему во всей деревне. Мины ложатся очень близко, но, зарываясь в глубокий, рыхлый снег, не все взрываются, и Попову удается проскочить открытое место. Фельдшер принимается за дело, осматривает рану, делает перевязку. Ранение серьезное, раздробило стопу, нужна операция. "Парень останется без ноги", - мелькает невеселая мысль.

С тыла доносится нарастающий гул, неужели танки? С воем к земле летят бомбы, а над ними, на высоте не более пятидесяти метров, проносится несколько самолетов. Под фонарями пилотских кабин видны лица фашистских летчиков. Леня Садовик в бессильной ярости грозит самолетам кулаком. Кое-кто стреляет по бомбардировщикам бронебойно-зажигательными, но безуспешно.

А первая цепь наступающих гитлеровцев приближается. За ней идет вторая, третья. Мы не отступим, это ясно. Но силы слишком неравны, чем закончится этот бой? Сумеем ли выстоять?

По цепочке передается команда Попова: "Прицел 200. Огонь!" За спиной громко застучал "максим". Рядом захлопали винтовочные выстрелы. В общий треск слились пулеметные и автоматные очереди. Старший лейтенант лежит в нашей цепи. Он короткими очередями стреляет из автомата. Лицо его спокойно, движения неторопливы и уверенны - будто он не в бою, а на

стрельбище. Глядя на него, я тоже успокоился.

Немецкие цепи редеют, на снежном поле лежат десятки фашистов. Появились и у нас на правом фланге убитые и раненые. Леню Садовика ранило в ногу. Он в этом бою даже не ложился в окопчик, а бил из маузера, стоя, используя в качестве укрытия старую вербу.

Наступающая цепь противника перестроилась. Большая группа немцев вышла на дорогу и устремилась в деревню, пытаясь пробиться левее нас в стык двух взводов. Расстояние между нами быстро сокращалось. Нарочный от Шарого передал приказ: выкатить станковый пулемет прямо на дорогу. "Максим" ударил по вражеской цепи, но гитлеровцы, поддерживаемые минометным и пулеметным огнем, продолжали атаковать.

В этот критический момент подоспела подвода с боеприпасами, а за ней подошел и легкий танк - подкрепление от 10-й армии.

Шарый поднял второй взвод в атаку. С криком "За Родину, ура!" бойцы побежали вслед за танком навстречу гитлеровцам. На бегу ребята стреляли из автоматов, бросали гранаты. Боевые порядки немцев смяты, они не выдержали нашей стремительной атаки и повернули назад. Мы начали преследование противника. В этот момент ударил немецкий пулемет. Ранения получили Шарый и комиссар роты Тур. Есть и убитые. Наш единственный танк горит - немцы подбили его из пушки прямой наводкой.

Днем была отбита еще одна ожесточенная атака гитлеровцев, но и наши ряды после нее сильно поредели. Садовик получил второе ранение. Ранены Суралев, Чеклуев, ранен и я. Пуля снайпера пробила левое плечо.

Вечереет. Бой затих, только слышны стоны и крики замерзающих на жестоком морозе раненых немецких солдат и офицеров. Фашисты не придерживаются международных соглашений о законах и обычаях войны - убивают наших санитаров. Поэтому сами не смеют появляться. Трусливо, как шакалы, они выйдут ночью. Да мало кто уцелеет к тому времени.

Шура Соловьева и Валя Смирнова за нашим единственным уцелевшим домом перевязывают раненых. Мне вспороли рукав гимнастерки и свитера, перебинтовали плечо.

Попрощавшись с товарищами, я вместе с другими ранеными отправился в тыловую деревню Козарь. Впереди шли подводы с тяжелоранеными. Мороз. Тишина. Лишь далеко разносится скрип санных полозьев и стук копыт. Натруженные тощие лошаденки еле перебирают ногами, им тоже ох как досталось на войне. Вот и Козарь. Старшина роты развозит бойцов по избам. Подводы разворачиваются и снова отправляются в Бортное, там еще

осталось много раненых.

Я попал в один из домов вместе с Леней Садовиком и Николаем Ивановым, который пришел из Попкова с обмороженными руками. Николай стойко переносил мучения, и только холодный пот струился по его лицу.

- Вытри мне лицо, - обратился он ко мне. Я потянулся за полотенцем и почувствовал страшный удар в кисть правой руки. Проклятые самолеты! Даже в темноте нет от них покоя. Валя Смирнова подбежала ко мне и осмотрела рану. Из входного отверстия сочилась кровь, а выходного отверстия не было. Вытащить пулю не удалось, она крепко застряла между косточками.

Поздно ночью к избе подогнали подводы. Помогая друг другу, мы уселись в сани, и их полозья нудно заскрипели по снегу. Утром пересели в машину и доехали на ней до Козельска.

Добрались до станции. С помощью сестер сели в санитарный поезд. Вагон пассажирский - тепло, матрацы, простыни, одеяла - какая благодать!

Поезд мчится куда-то на восток, не рвутся вблизи бомбы, не прошивают с треском обшивку вагонов горячие осколки, под мерный перестук колес можно бы наконец-то и поспать, да уж очень ноют раны.

На другой день поезд прибыл в Рязань. На машинах нас отвезли в госпиталь. Хирург извлек пулю из ладони, и сразу полегчало.

Раньше всех из госпиталя выписался Леня Садовик. Мне пришлось задержаться - рана на руке заживала плохо. Но хуже всех было Николаю: обмороженные кисти рук причиняли ему невыносимые страдания. Однако ни жалоб, ни сетований на судьбу мы от него не слышали.

Не могу не вспомнить теплым словом бесконечно терпеливых, внимательных, добрых и мужественных врачей и сестер госпиталя No 1748. Какую удивительную душу надо иметь, чтобы найти подход к каждому раненому, утешить, ободрить его, вселить в него веру!

7 марта 1942 года я выписался из госпиталя, и в тот же день поезд из Рязани доставил меня в Москву. Ярко светило солнце, на площади Курского вокзала - мокрый снег и лужи, а я в валенках и полушубке. Поэтому в толпе москвичей, одетых уже по-весеннему, чувствовал себя крайне неловко.

Согласно предписанию сегодня я должен был явиться в запасной полк, мне же, естественно, хотелось попасть в свою часть. Подхожу к знакомому зданию, поднимаюсь на второй этаж. За мною тянутся следы от мокрых валенок. Оглядываюсь и пока

не вижу ни одного знакомого лица. Вдруг кто-то сзади ладонями закрывает мне глаза и повисает на плечах.

Поворачиваюсь - Клава Милорадова. Она стоит передо мной, склонив голову набок, маленькая, смуглая, с длинными черными косами.

- Здравствуй, чертушка, живой! - произносит Клава взволнованно и бросается мне на шею.

- Я-то живой, а где Чеклуев, Стенин, Гусаров, Кротков?

- Стенин в госпитале, Чеклуев здесь.

Клава берет меня за руку и ведет в конец коридора. Там я вижу своих: Чеклуева, Суралева. Обнимаемся.

- А где Геннадий, Сережа, Шура Соловьева?

- Нет их больше, погибли под Сухиничами, - хмуро отвечает Саша Чеклуев.

- Как же это случилось?

- Сами мы свидетелями их гибели не были. Узнали от очевидцев. Вот что они нам рассказали.

С горсткой уцелевших бойцов - остатками роты - старший лейтенант Попов на другой день, после сражения за Бортное отбил еще несколько ожесточенных атак немцев, а вечером отступил в деревню Радождево. Группу Попова включили в состав подошедшей танковой бригады 10-й армии. Наутро 27 января бригада, насчитывавшая несколько десятков бойцов и четыре танка, пошла в атаку на Козарь. На атакующих стали пикировать немецкие самолеты. Танки были подбиты и загорелись. Бойцы оказались на белом снежном поле, где не было ни кустика, ни деревца. "Юнкерсы" начали расстреливать их из пулеметов. Первым погиб Попов, затем Геннадий Кротков, Сережа Гусаров. Сергей, уже раненный в ноги, лежа на спине, стрелял по самолетам из автомата. Погибла и Шура Соловьева, погибли многие другие наши товарищи...

Стало нестерпимо тяжело, горло сдавили спазмы. Вот и нет уже среди нас милой Шуры, с ее по-детски пухлыми губами, большими карими глазами и чуточку печальным взглядом. Нет и старшего лейтенанта Попова, опытного командира, который многим бойцам годился в отцы, человека стойкого, никогда не знавшего страха. Нет и Сережи Гусарова - мужественного бойца и прекрасного товарища. Нет и Геннадия Кроткова...

Вечером 7 марта в клубе состоялось торжественное собрание, посвященное Международному женскому дню. После доклада началось вручение правительственных наград бойцам и командирам, особо отличившимся в боях по защите Москвы.

Член Военного совета Западного фронта В. П. Ставский зачитал приказ войскам о награждении личного состава:

- "От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

Гусарова Сергея Васильевича - орденом Красной Звезды".

- Пал смертью храбрых в боях под Сухиничами, - встает и произносит комиссар части Дронов.

- "Младшего политрука Кроткова Геннадия Дмитриевича - орденом Красной Звезды".

Снова встает комиссар Дронов...

- "Фазлиахметова Фарида Салиховича - орденом Красного Знамени".

Взволнованный, я выхожу на сцену. Неужели это правда, неужели я удостоен такой чести? Клянусь перед Родиной, перед своими боевыми товарищами, что не посрамлю высокого звания краснознаменца.

* * *

Как-то вечером к нам в комнату зашла Клава Милорадова. Обычно оживленная, веселая, она была грустной. Поздоровавшись, сказала, что завтра будем хоронить Таню:

- Какую Таню?

- А ты разве не читал очерк Петра Лидова в "Правде"?

Я стал вспоминать. Действительно, в Рязани в госпитале несколько дней из рук в руки переходила газета "Правда" с очерком, о котором сейчас упомянула Клава. В нем рассказывалось о стойкости, мужестве и героической гибели юной партизанки Тани.

- Читал, - ответил я.

- Так вот, это вовсе не Таня, это наша разведчица Зоя Космодемьянская.

И Клава рассказала мне, что Зоя была ее подругой, они вместе ходили на задания, со второго Зоя не вернулась. Увидев фотографию в газете, Клава опознала ее. Затем ездила в Петрищево вместе с матерью Зои, и никаких сомнений больше не осталось...

В начале апреля 1942 года на Новодевичьем кладбище в присутствии тысяч бойцов и командиров, представителей фабрик, заводов, комсомольских организаций Москвы под оружейный салют мы похоронили отважную комсомолку Зою Космодемьянскую. Прощаясь с ней, мы поклялись быть такими же стойкими, мужественными бойцами, какой была наша Зоя.

Вместе с партизанами

Во второй половине дня 27 мая 1942 года меня вызвали к майору А. К. Спрогису. В кабинете уже находился капитан

Шарый. Майор пригласил нас к столу и зачитал боевой приказ, который гласил: "Командиром группы назначается капитан Шарый Илья Николаевич, его заместителем - Фазлиахметов Фарид Салихович.

Состав группы: Зализняк Василий Павлович - радист. Смирнов Василий Дмитриевич - помощник радиста, Максимук Пантелей Григорьевич, Никольский Лев Константинович, Пряжникова Раиса Александровна, Садовик Леонид Иванович, Смирнова Валентина Васильевна, Стенин Александр Алексеевич, Суралев Николай Яковлевич, Чеклуев Александр Васильевич - бойцы группы.

Десантироваться на парашютах в 50-60 километрах юго-западнее города Бобруйска. Район действия город Осиповичи. Основная задача - диверсия на железной дороге Осиповичи - Бобруйск и разведка железнодорожных перевозок".

- Есть замечания по составу группы или вопросы? - спросил Спрогис.

Замечаний не было. Состав группы нас вполне устраивал. Дело в том, что Максимук и Садовик в группе Шарого выполняли задания в тылу противника еще под Москвой, в октябре - ноябре 1941 года; остальных, кроме Никольского, он знал как участников боев под Сухиничами. А мы, старые товарищи: Стенин, Чеклуев, Суралев и я - еще раньше просили командира назначить нас в одну группу.

- Если вопросов нет, то готовьтесь к вылету.

- Когда летим? - спросил Шарый.

- После ужина поедете на аэродром. А сейчас идите изучайте карту и отдыхайте, - сказал Артур Карлович.

От Спрогиса мы вышли радостные и взволнованные. Наконец-то! Три последних месяца, которые ушли на подготовку к этому заданию, казались нам зря потерянным временем. Правда, за это время все успели подлечиться и набраться сил, в том числе и Саша Стенин, раненный в предплечье с повреждением кости. Ранение Стенина было тяжелое, кисть правой руки стала худосочной, пальцы гнулись с большим трудом. Если бы мы не помогли ему убежать из госпиталя, его, наверное, комиссовали бы и отправили в какую-нибудь тыловую часть, чего ему очень не хотелось. А теперь он, к всеобщей радости, с нами.

Впереди бессонная ночь, и неплохо было бы сейчас поспать, но все находились в состоянии радостного возбуждения, и никто не хотел ложиться. Еще раз проверили содержимое вещевых мешков, хотя в этом не было никакой надобности, и после ужина начали погрузку.

Вася Смирнов и Коля Суралев стояли в кузове полуторки, а

остальные подавали вещмешки и тяжелые грузовые контейнеры, набитые боеприпасами, взрывчаткой, продуктами. Николай старался укладывать вещи основательно и работал по-крестьянски - неторопливо, Василий весело шутил и балагурил: "Мы вятские, ребята хватские, семеро на возу, один подает, кричим: не заваливай"...

Вот наступила минута прощания с товарищами. Кто то машет рукой из раскрытых окон верхних этажей, другие спустились вниз, обнимают и целуют. Среди них Клава Милорадова, Надя Белова и многие другие. Наша группа летит одной из первых, пройдет какое-то время - настанет и их день. Все нам желают успехов и самое главное - благополучного возвращения домой...

Итак, нас двенадцать человек. Наши девушки - Валя и Рая - уже не новички, были в боях под Сухинича-ми. Валю я хорошо помню. Эта щупленькая рыжеволосая девушка делала мне перевязку. Виделся я несколько раз тогда и с Раей. Она невысокого роста, полная, широкоплечая, очень сильная и очень добродушная. Вот Лева Никольский - тот новичок. Худой, длинный и чуть-чуть заикается. Перед войной закончил семь классов и ремесленное училище. По профессии слесарь. В нашу часть он пришел по комсомольской путевке в начале 1942 года. Лева совсем еще мальчик.

Шарый и Максимук чем-то похожи друг на друга. Оба среднего роста, смуглые, горбоносые, оба в синих диагоналевых брюках, у обоих на шерстяных гимнастерках ордена боевого Красного Знамени. Шарый строен, широк в плечах, на смуглом лице его широко расставленные большие карие глаза. Знаю его как храброго, опытного и решительного командира.

Пантелей Максимук одет щеголевато, обут в блестящие хромовые сапоги, всегда чисто выбрит и надушен. Уроженец Западной Белоруссии, он разговаривает на каком-то смешанном русско-польско-белорусском диалекте.

Коля Суралев на год старше Левы Никольского. У него за плечами боевое крещение под Сухиничами, ранение и госпиталь. Он парень серьезный, немногословный, вдумчивый.

Василий Зализняк, наш радист, и его помощник Василий Смирнов - кадровые солдаты, двое из тех немногих, кто уцелел в неравном бою с фашистами в деревне Попково 23 января 1942 года. Я их еще не знаю, не могу сказать, как поведут они себя в деле. Но внешность обоих к себе располагает. Оба они среднего роста, физически крепкие. Зализняк - украинец, смуглый, красивый. По характеру общительный, жизнерадостный человек. Смирнов - ярославец, чуть-чуть курносый, белобрысый, с озорными и большими черными глазами. Лицо у него простое,

открытое.

Прощание с товарищами закончилось - машина выезжает из ворот. Едем на Центральный аэродром. Оттуда самолетом перелетаем на Внуковский.

Во Внукове надели и подогнали парашюты, вещевые мешки, укрепили оружие и снова заняли места в самолете. "Дуглас" вырулил на бетонную дорожку, на какое-то время остановился, потом взревел моторами и начал разбег по взлетной полосе...

Лунная ночь, летим низко, поэтому хорошо видны дома, деревья. Летим уже часа два, а то и три. Под нами извилистая, со множеством рукавов и островов река Березина. Когда река осталась позади, раздалась команда: "Приготовиться!" Сопровождающий нас инструктор парашютного дела цепляет карабины вытяжных фалов за скобы на бортах самолета. Люки открыты. Вспыхнули красные сигнальные лампы - это значит: "Пошел!" Один за другим бросаемся головой вниз. Грузовые мешки должны скинуть со второго захода, когда мы будем уже на земле. Задумано правильно: не понадобится их долго искать, они будут падать у нас на виду. Высота небольшая, но внизу туман. Парашюты моих товарищей рядом. Ближе всех Лева Никольский. Кричу ему, чтобы свел ноги вместе и подогнул в коленях вижу, понял.

Подо мной не то лес, не то кустарник - разобраться так и не успел, плюхнулся в какое-то полувысохшее болото. На земле тихо, спокойно, война бушует где-то очень далеко от нас. Собрались быстро, так как приземлились кучно и никто не получил повреждений. Грузовые мешки, мерно раскачиваясь, приближались к земле Приняли их почти на руки, выволокли на сухое место.

Светает. Поют соловьи. Ни пения петухов, ни собачьего лая не слышно, значит, поблизости нет ни деревни, ни хутора, место глухое и, видимо, безопасное. Тем не менее Шарый предложил побыстрее извлечь из грузовых контейнеров самое необходимое - прежде всего питание к радиостанции и боеприпасы. Наши вещевые мешки потяжелели...

Парашюты и оставшийся груз тщательно спрятали з разных местах, замаскировали. Теперь можно бы и отдохнуть немного, да не дают покоя комары, которых в горячке первых минут приземления мы не замечали. Надо разводить костер. Что ж, заодно обсушимся и позавтракаем - обстановка в самом деле позволяет немного расслабиться.

Саша Стенин подает голос:

- Айда по дрова!

Набираем хворост, Саша разжигает костер, это он умеет

делать в любом месте, в любую погоду. Костер разгорается все жарче и жарче. Первым делом разуваемся, сушим сапоги, портянки. В походе сухие, правильно замотанные портянки - большое дело. Многому нас обучили во время подготовки: владению личным оружием, минированию, парашютным прыжкам, а тут выяснилось, что чуть ли не половина не умеет обращаться с портянками. Саша Стенин и Вася Смирнов показывают, как это нужно делать.

Поднимается солнце, туман рассеивается, становится теплее. Леня Садовик, раньше всех успевший обсушиться и переобуться, тихо напевает: "Садо, садо, садо виноградо..." - и начинает приплясывать. Этот парень во всем похож на цыгана: смуглый, горбоносый, кудрявый, большой знаток и любитель цыганской песни. Всегда веселый и жизнерадостный, он умел скрашивать нашу нелегкую жизнь и вскоре стал всеобщим любимцем.

На костре в котелках сварили крепкий чай, поели сухарей с салом и двинулись в далекий путь на север, в район действия, под Осиповичи. Возле деревни Брожи пересекли железную дорогу Бобруйск-Рабкор и решили устроить привал.

Время - двенадцать часов. Пора выходить на связь. Зализняк шифрует короткий текст радиограммы, Смирнов тем временем с помощью Стенина натягивает антенну. В эфир летят точки, тире, точки: "Приземлились благополучно. Двигаемся в район действия".

Отвечают: "Поздравляю с благополучным прибытием. Желаю успехов в боевой деятельности. Хозяин". Зализняк работает на ключе и записывает удивительно быстро и четко. Надежный радист.

Все хорошо. И погода теплая, и день солнечный, и дорога сухая, песчаная в сосновом бору. Вот только комары по-прежнему не дают покоя. От их бесчисленных укусов особенно страдают девчата. Идем по заброшенной лесной дороге. Неожиданно впереди, метрах в ста от нас, на дорогу вышли двое неизвестных. На плечах винтовки, за спиной вещевые мешки, одеты в гражданское. Шарый громко окликнул их, приказал остановиться. Но где там! Завидев нас, они пустились бежать. Шарый дал из автомата короткую очередь и еще раз предложил им остановиться. Но те уже скрылись в гуще леса.

- Чего не стреляли по ним? - спросил Шарого Лева Никольский.

- А если это партизаны?

Спустя несколько месяцев, мы узнали, что эти двое были Виктор Калядчик и Костя Сысой. Они не числились ни в каком партизанском отряде, но с самого начала немецкой оккупации

ушли в лес, раздобыли оружие, взрывчатку и занимались диверсиями самостоятельно. Встретившись с нами еще раз, ребята попросились в нашу группу, и мы их приняли.

Двигаясь напрямик по компасу, к вечеру вышли к какой-то деревне. Это был первый населенный пункт на нашем пути. Приняли решение зайти в селение, чтобы точнее сориентироваться и узнать, какая обстановка в немецком тылу.

Остановились в лесу, недалеко от деревни. Отдохнули, а ночью несколько человек, в том числе и я, во главе с Шарым отправились в разведку. Командир осторожно постучал в окно крайней хаты. Загремели запоры, и на пороге появился хозяин. На наш вопрос, нет ли в деревне немцев, он ответил, что в деревне ни немцев, ни полицаев сейчас нет. Деревня называется Макаровка. Ближайшие немецкие гарнизоны стоят в Глуше и в Богушевке. Наведываются сюда немцы довольно часто. Бывают и так называемые "добровольцы" из батальонов "Днепр" и "Березина".

- Что еще за "добровольцы"? - спросил Шарый.

- Ну, их так называют фрицы. Конечно, немногие из наших по доброй воле пошли на службу к гитлеровцам: у военнопленных ведь незавидная участь голодная смерть, расстрел или вот эти батальоны.

- Какое у них настроение?

- Настоящих врагов Советской власти среди них очень мало, при удобном случае, уверен, многие перейдут к партизанам.

Мы поблагодарили хозяина за эти сведения и, предупредив, чтобы он не болтал о нашем появлении, ушли в лес, к своим.

Товарищи наши немножко отдохнули, можно было двигаться дальше. Имея сведения о немецких гарнизонах, мы выбрали самое безопасное направление и снова двинулись в путь, ориентируясь по компасу. Не прошли и километра, как оказались в болоте - настоящем белорусском болоте, о котором до сих пор были только наслышаны. По колено в воде, а то и повыше шли всю ночь.

Ох и вымотало нас это болото! Как только вышли на сухое место, сразу сбросили вещевые мешки и легли на землю, тяжело дыша и обливаясь потом. Опять надо было разжигать костер, раздеваться, сушить одежду и обувь.

- Аида по дрова! - снова бросил клич Стенин. Несколько бойцов усталой походкой пошли вслед за ним и вскоре вернулись с хворостом. Стенин сделал небольшую горку из тонких сухих веток, поджег ее спичкой, и вот уже запылал большой жаркий костер... Бедные наши девчонки. Обе дрожат, губы посинели... Отходим в сторонку, даем им погреться и обсушиться первыми.

Пантелей не может стянуть намокшие хромовые сапоги. Просит помочь Леву. Тот неумело берется за сапог и тянет на себя.

- Да ты за пятку, за пятку, вот так, ну, давай, тяни сильнее...

Пантелей, уперевшись руками в землю, вытянул ногу. Лева из всех сил тянет. Наконец сапог снимается, и Лева под хохот окружающих падает на спину. Ко всеобщему удовольствию вся эта процедура повторяется еще раз.

Вдруг совсем близко раздаются детские голоса. Тихонько выходим на опушку леса! У костра сидят двое мальчишек и увлеченно разговаривают.

- Эй, хлопцы, - окликает их Шарый, - идите сюда!

Ребята встают и сначала с опаской, а затем с удивлением и радостью рассматривают нас, нашу военную форму, оружие.

- Червона Армия пришла!

- Нет ребята, мы выходим из окружения. Лица мальчиков тускнеют.

- Ну, как живем? - спрашивает Шарый.

- Якое там житье. Нема ничего, ни школы, ни кино, да и есть нечего, все бульба, да бульба.

- Бульбу варим, бульбу парим, бульбу так едим, - подшучивает Пантелей.

- Хотите? - предлагает один из ребят.

Бойцы долго упрашивать себя не заставляют.

Мальчишки дают каждому бойцу чуть обгорелые, горячие картофелины, и мы, перекатывая их с руки на руку, начинаем чистить. Кто-то вытаскивает из вещевого мешка маленький узелок с солью. Садимся у костра, обжигаясь, впервые пробуем белорусскую картошку. Вскоре она, благословенная, станет нашей основной, а порой и единственной пищей.

- Ну, як, смачна? - спрашивают ребята.

- Очень вкусная, - отвечаем дружно.

Перекусив вместе с ребятами, мы снова отправились в путь. Ночью перешли Варшавское шоссе, углубились километров на десять в лес и устроили привал. Вечером снова двинулись в путь и третьего июня поздно вечером прибыли на место встречи с группой лейтенанта Морозова.

Эта группа должна была вылететь позже нас и после приземления присоединиться к нам. Встреча была назначена в этом квадрате леса, но здесь никого не оказалось. Не оказалось в часовне и записки от Морозова. Мелькнула тревожная мысль: "Не случилось ли что с ребятами?" Впрочем, рассудив трезво, мы успокоились: никто заранее не мог назначить дату этой встречи, ведь места десантирования двух групп могли находиться на

расстоянии многих десятков километров. Сделанный по рации запрос рассеял наши сомнения - группа вылетела лишь этой ночью.

В лесу было тихо. Развели костер, обсушились, обогрелись. Утром, попив кипятку, решили идти в ближайшую деревню - продукты кончились. Заглянули в карту - ближе всех находилась деревня Сатринка. Шарый приказал отправиться пятерым: мне, Леве Никольскому, Саше Чеклуеву, Рае и Коле Суралеву.

В деревню мы зашли со стороны леса, познакомились с жителями. Мужиков в деревне не было. Старики, женщины, дети. Хлева пустовали - скотину забрали немцы.

Жители Старинки поделились с нами картошкой, больше у них ничего не нашлось. Мы рассказали им о зимнем наступлении наших войск под Москвой, о положении на фронтах. И хотя положение на фронтах было не из легких, мы были уверены: победа будет за нами. И эту уверенность старались передать нашим соотечественникам, оказавшимся в оккупации.

Попрощавшись с жителями деревни, мы вышли на огороды и не спеша направились к лесу. И в это время с ревом и лязгом в конец деревни вползла танкетка, а за ней и машина с немцами. Пришлось поторапливаться. По Суралеву, который немножко отстал, немцы выпустили несколько очередей из автоматов, однако преследовать не стали, и наша группа благополучно вернулась к своим.

- В деревне танкетка, машина и человек двадцать немцев, - докладываю Шарому. - Что будем делать?

- Бить, - отвечает Шарый. - Заминировать дорогу и бить из засады.

Схватив оружие и фугасы с минами, мы побежали к деревне. Но то ли нечем было поживиться в Старинке, то ли немцев напугало появление партизан - они быстро убрались. На дороге еще клубилась пыль, но машины уже были далеко от нас.

Утром 5 июня, убедившись, что на месте встречи связных от Морозова нет, мы оставили ему записку и пошли дальше на север, ближе к Осиповичам. На этот раз идти впереди с компасом был мой черед. Через четыре часа вышли из болота на сухое возвышенное место в сосновом бору. И тут наткнулись на спящего под огромной сосной бородатого человека. Голова у него была прикрыта кепчонкой, на боку висел наган в самодельной кобуре. Морозов? Нет. Тот молод, а этот уже в годах. Самуйлик, заместитель Морозова? Нет, тот значительно меньше ростом. Кто же? Садимся возле незнакомца и начинаем его тормошить. Тот просыпается, удивленно смотрит на направленные в его сторону дула автоматов.

- Кто такой? - спрашивает Шарый.

Незнакомец, оправившись от удивления и легкого испуга, с улыбкой внимательно глядит на нас прищуренными глазами и заявляет:

- Или не догадываетесь, кто в лесу живет? А там вон мои хлопцы.

И в самом деле, впереди слева из-за деревьев на нас смотрят стволы винтовок. Ясно, что партизаны.

- Ольховец Семен Миронович, - представляется нам незнакомец. - Командир партизанского отряда.

- Капитан Шарый Илья Николаевич - командир группы.

- А документы у вас имеются?

- Какие там документы, - со смехом отвечает Шарый, - нам не положено.

- Откуда прибыли? Да, видать, и недавно, больно уж все новенькое: и одежда, и оружие.

- Из Москвы, - говорит Шарый.

- Из самой Москвы! Вот это гости! Слышите, хлопцы, москвичи к нам прибыли! Ну и ну... Эй, Петро! - кричит Ольховец. - Приготовь чего-нибудь, небось проголодались разведчики с дороги.

- Да погоди ты, дай познакомиться. Есть кто с Урала? - спрашивает Петр Токарев.

- Есть один, вот знакомься - Саша Стенин из Свердловска, - отвечаю я ему.

- Саша с "Уралмаша", - шутит Токарев, подходит к Стенину, обнимает его за плечи и уводит к костру. - Пошли, земляк, потолкуем. Я из Челябинска.

Девчата садятся чистить картошку, ребята рубят и подтаскивают дрова, а Шарый с Ольховцем продолжают деловой разговор. Я слушаю.

- Семен Миронович, обрисуйте обстановку в районе, - просит Шарый.

- Пока спокойно. Немцы в основном в городах и на железнодорожных станциях. Ближайший крупный гарнизон в Осиповичах. Там оба военных городка заняты гитлеровцами.

- Часто навещают?

- Частенько. Пытаются установить "новый порядок", а для защиты этого порядка агитируют крестьян создавать так называемые отряды самообороны. Лозунг у них такой: "Трудовому крестьянину - своя земля".

- И что, клюют на это?

- Кое-кто клюет, но таких единицы, подавляющее большинство не верит в победу фашистов, да и мы не сидим тут

сложа руки. Боеприпасов мало, взрывчатки нет, но есть у нас одно неотразимое оружие - большевистское слово. Мы говорим крестьянам: "Земля была и останется вашей, а кому урожай достанется? Не о вас - о себе хлопочут фашисты".

- Ну, теперь, пожалуй, можно будет оживить эту работу - мы захватили с собой центральные газеты, брошюры, листовки.

- Вот это здорово!

- А как, партизан много в этом районе?

- Немного. Здесь небольшие отряды Шашуры, Кудашева, Кочанова, а за железной дорогой формируются, как я слышал, отряды побольше - там действует бывший председатель Осиповичского райисполкома Королев. На юге, в Белорусском Полесье, есть целый партизанский район, там организацией партизанских отрядов и их боевой деятельностью руководит Минский подпольный обком КП (б) во главе с Козловым Василием Ивановичем.

- Много ли бойцов в соседних отрядах? - спрашивает Шарый.

- Примерно сто человек.

- А как настроение?

- Ребята боевые, почти все кадровые, да вот увидите сами, познакомлю вас.

Семену Мироновичу за сорок. Он волжанин. В годы гражданской войны служил ротным комиссаром в 25-й Чапаевской дивизии. В мирное время был заведующим Осиповичским районным земельным отделом. Перед приходом немцев сразу ушел в лес и постепенно сколотил небольшой партизанский отряд, костяк которого составили попавшие в окружение красноармейцы. Отряд пережил трудную зиму сорок первого - сорок второго года, участвовал во многих стычках с карателями, понес значительные потери, но не потерял боеспособности.

- Сейчас благодать, - говорит Семен Миронович, - тепло, живем в буданах, на нас не капает, спим на матрацах, набитых сеном. Кругом непроходимые болота, немцам до нас не добраться.

Впервые за эти дни мы сытно поели, отдохнули и спокойно выспались в партизанских буданах из еловых ветвей. А утром приступили к строительству своих.

С нашим приходом настроение в отряде поднялось, да и мы, разумеется, были очень рады, что наконец-то встретились с партизанами. У нас были и боеприпасы и взрывчатка, был и опыт минирования, но мы не знали местности, не располагали данными об охране железной дороги. Теперь общими силами можно было провести достаточно крупные диверсии, и прежде

всего на оживленной железнодорожной магистрали Минск - Бобруйск.

В ночь на 8 июня впервые идем на железную дорогу. Она проходит от нас примерно в пятнадцати километрах на северо-востоке. Участвовать в операции хочется всем, но в этом нет необходимости. Идут Шарый, Максимук, Чеклуев и я, от партизан - Петр Токарев. Он хорошо знает местность и кратчайшим путем выводит нас к железной дороге.

Лунный свет тускло высвечивает четыре рельса. Долго стоим на опушке леса. Прислушиваемся, не идут ли охранники. Нет, кругом тихо, лишь надоедливо пищат и больно жалят комары.

Но тишина эта не успокаивает, напротив, нам она кажется противоестественной и поэтому беспокоит и настораживает. Неужели так просто, без помех можно заминировать дорогу, устроить крушение и уйти?

Но вот до нас доносится шум приближающегося поезда. Максимук обращается к Шарому:

- Чего ждем? Давайте минировать!

- Я предлагаю подорвать поезд, идущий на Бобруйск, а этот не стоит, скорее всего идет порожняк, - отвечает Шарый.

Мимо проносятся вагоны и платформы, и не успел еще стихнуть стук колес этого эшелона, как со стороны Осиповичей показался другой.

- Вот этот, пожалуй, подорвем! - говорит Шарый.

Петя и Саша остаются в охране, а мы с Максимуком и Шарым быстро разгребаем балласт под рельсом, закладываем фугас - связку брусков тола - закручиваем вокруг рельса шнур электродетонатора. Остается вставить капсюль-детонатор в отверстие одной из шашек и отойти в лес. Мы так и делаем.

Паровоз приближается. И вот под его колесами вспыхивает яркое пламя, раздается взрыв. С грохотом и лязгом, ломая шпалы, поезд проходит еще несколько десятков метров и останавливается. Охрана открывает беспорядочную стрельбу, а мы, не двигаясь, стоим у опушки леса, ошеломленные неудачей. Почему же не завалился паровоз? Впрочем, все ясно: положили мало взрывчатки, фугас установили на прямом участке пути.

К тому же нас, очевидно, видели с паровоза, и машинист успел замедлить ход.

Тем не менее результат все же налицо. Пройдет немало времени, пока ремонтникам удастся поставить паровоз и вагоны на рельсы, отремонтировать путь и открыть движение.

9 июня движение поездов возобновилось. В ту же ночь в семи километрах юго-восточнее Осиповичей нам удалось устроить новое, уже довольно крупное крушение, а вскоре еще такое же на

ветке Осиповичи - Слуцк.

В этих двух операциях мы учли свои ошибки. Теперь подкладывали под шпалу заряд тола не в три килограмма, как в первый раз, а десять-двенадцать, и для минирования выбирали место, где был крутой поворот дороги, чтобы состав сошел с рельсов, а мы не попали под свет паровозного прожектора при установке мин.

Вскоре весь небольшой запас взрывчатки, который мы сумели принести с собой, был израсходован, и нам пришлось отправиться за оставшимся грузом на место десантирования. А это - многие километры. С нами пошли несколько человек из отряда Семена Мироновича.

Два спрятанных грузовых контейнера нашли быстро и разложили их содержимое в вещевые мешки, а третий, в котором оставался комплект питания к рации, часть взрывчатки, гранат и мин, к нашему большому сожалению, исчез. Захватили также полотнища, стропы и лямки от парашютов. Это здесь большая ценность, местные жители охотно возьмут их в обмен на продукты. В конце июня вернулись в свой лагерь. Здесь нас ждала приятная новость - нашлась группа Морозова, девять человек. Федор Морозов, его заместитель Степан Самуйлик, Геннадий Зелент, Владимир Прищепчик, Иван Репин, Виктор Соколов, Михаил Золотов, Игорь Курышев, Нина Морозова. За короткий срок они сумели устроить три удачных крушения.

В последних числах в нашем лагере собрались представители нескольких партизанских отрядов. Командир одного из них - Шашура - доложил, что в двух соседних деревнях - Межном и Максимовских хуторах - немцы создают полицию.

- Полицаи эти именуют себя отрядами самообороны от партизан, кичатся своим "привилегированным" положением, бахвалятся, издеваются над местными жителями, обещают в ближайшее время покончить со "Сталинскими бандитами" - так они называют партизан. Ввиду того, что эти люди, поступив на службу к фашистам, сознательно встали на путь измены, я считаю необходимым ликвидировать предателей.

- А сколько их там? - спросил Шарый.

- Пока десятка два, но немцы продолжают вербовку.

- А как они укрепились?

- В том-то и дело, что пока никаких оборонительных сооружений они не успели возвести, - ответил Шашура.

- Тогда самое время разделаться с ними, - заключил Шарый.

На совещании было решено незамедлительно наличными силами окружить эти деревни и уничтожить полицаев. Разве можно допустить существование немецких опорных пунктов у

себя под боком?!

В этой операции участвовали отряды Ольховца, Кудашева, Кочанова, Шашуры. Общее руководство было поручено капитану Шашуре.

Местные партизаны прекрасно знали рельеф местности вокруг этих деревень, поэтому пулеметные точки были расставлены на возвышенных местах таким образом, что все пространство перед ними простреливалось перекрестным огнем. У нас пулеметов в то время не было, поэтому несколько бойцов из нашей группы с винтовками залегли во ржи между пулеметными точками.

Были сформированы две штурмовые группы. Одной из них командовал Шашура, другой - Шарый. В состав штурмовых групп вошли бойцы, вооруженные оружием ближнего боя: автоматами, гранатами, наганами, пистолетами.

Скрываясь во ржи, эти группы подошли вплотную к полицейским участкам. По сигнальной ракете бойцы одним броском достигли полицейских участков, стали у окон и дверей. Несколько человек, в их числе Саша Чеклуев и Саша Стенин, ворвались с гранатами в руках в помещение. Чеклуев крикнул:

- Сдавайтесь, гады!

Полицаи подняли руки. Еще несколько гитлеровских пособников были взяты в собственных домах, сараях и хлевах. Те, кто пытался спастись бегством, были уничтожены из засад.

Весть о ликвидации двух полицейских гарнизонов разнеслась по округе. Гитлеровцам не удалось восстановить полицию в этих деревнях, не удалось им ее создать и в других местах нашей зоны.

Контроль за населенными пунктами на обширной территории южнее Осиповичей до Варшавского шоссе полностью перешел в руки партизан, что обеспечивало нам свободу передвижения и позволяло маневрировать в пределах десятков километров. Последнее обстоятельство было тем более важно, что позволяло нашему радисту выходить в эфир то в одном, то в другом месте - запутывая гитлеровцев. А не интересоваться нами немцы не могли - диверсии на "железке" продолжались.

В конце июня мы решили побывать на железной дороге Осиповичи - Слуцк. Движение по этой одноколейке не было особенно оживленным, но пользовались ею немцы регулярно.

В ближайшей от лагеря деревне знакомому колхознику Семен Миронович приказал запрячь подводу. Мы - Ольховец, Петя Токарев, Саша Стенин и я садимся в телегу, туда же кладем два десятикилограммовых фугаса и не спеша, глухой лесной дорогой, хорошо знакомой Семену Мироновичу, едем к "железке", стараясь объезжать корневища деревьев - шум далеко разносится по

притихшему лесу.

Перед выездом на поляны останавливаем подводу, внимательно осматриваемся и прислушиваемся - нет ли засады. Лошадь спокойно прядет ушами. Тихо. Снова трогаемся в путь. Часа через два Семен Миронович натягивает вожжи.

- Приехали, хлопцы, выгружайтесь.

Мы снимаем фугасы. Подводу Семен Миронович загоняет в глубь леса, отпускает чересседельник, разнуздывает лошадь, задает ей свежескошенное сено.

И вот мы у цели. Залегаем в кустах и ведем наблюдение. Проходят обходчики. Вернутся они только через полчаса, за это время вполне можно успеть поставить мины. Так как движение на дороге было слабое, мы взяли с собой всего две мины - одну вибрационную, вторую нажимного действия - противопехотную. Мины решили поставить, хорошенько замаскировать, чтобы не обнаружили обходчики, и уйти, не дожидаясь подхода поезда. Мы знали: когда пойдет эшелон, от вибрации взорвется мина с часовым механизмом, а от прогиба рельса под тяжестью локомотива выдернется чека из противопехотной мины.

Саше Стенину минирование хорошо знакомо, сколько таких вот фугасов пришлось ему поставить на дорогах Подмосковья в октябре - ноябре 1941 года. Ему помогает Петя Токарев, хотя и новичок в минировании, но парень ловкий и расторопный.

Метрах в двухстах от Стенина приступили к минированию и мы с Ольховцом. Наша задача установить фугас с противопехотной миной. Ольховец разгребает землю, я отношу ее метров на двадцать от насыпи. В готовую ямку запихиваем под шпалу заряд, измеряем шаблоном зазор между шпалой и фугасом - маловато, надо еще подкопать. В этом деле ошибаться нельзя. Если зазор будет велик, прогиба шпалы под тяжестью паровоза может не хватить, чтобы выдернуть чеку, если мал самим можно подорваться. Наконец мина установлена и тщательно замаскирована. Место, где установлен снаряд, ничем не выделяется от окружающей местности, обнаружить его практически невозможно.

Фугасы сильные и взрывом разрушат приличный кусок железнодорожного полотна и насыпи. Паровоз на миг повиснет над воронкой, затем всей своей тяжестью рухнет, завалится на бок, за ним, налезая друг на друга, загремят под откос вагоны...

Отходим от полотна дороги на несколько метров. Я весь взмок от напряжения, Ольховец тоже вытирает пот со лба.

- Семен Миронович, ты иди к подводе, а я пойду к ребятам, посмотрю, что они там сделали, - говорю Ольховцу.

- Добре, - отвечает он и усталой походкой направляется в

сторону леса.

Саша Стенин с Петром стоят у насыпи.

- Ну, как дела? - спрашиваю.

- Мину поставили, только вот часовой механизм не сработал, вместо положенных шестидесяти секунд остановился через двадцать.

Я задумался. За оставшиеся до боевого взвода мины сорок секунд эшелон может проскочить, или же взрыв произойдет где-нибудь в хвосте поезда - это не годится, надо снова запустить механизм.

- Вот что, хлопцы. Вы идите к подводе, а я попробую что-нибудь сделать.

Токарев ушел, а Стенин не трогается с места. Знает, на что я решился, не хочет оставлять одного. "Уйди, Сашка, мало ли что бывает!" - говорю ему. Стенин неохотно спускается с насыпи, проходит метров десять вдоль полотна и останавливается. Я карабкаюсь на насыпь, нахожу присыпанную сверху песком мину, ударяю пальцем по ее корпусу. Наклоняюсь и слышу, как тикает часовой механизм - десять, двадцать, тридцать секунд. Все, теперь можно уходить, теперь мина станет на боевой взвод. Начал осторожно спускаться с насыпи, и в этот момент горячая упругая волна подхватила меня и бросила в болото. Я с трудом встал на ноги и первым делом почему-то ощупал голову - вроде цела. Подбежал Саша Стенин, вижу его испуганные глаза - ему повезло, он оказался в мертвой зоне. Вместе с ним нашли мой автомат, который сорвало с плеча взрывной волной, и пошли к подводе. Тело стало тяжелым, ноги словно ватными. Остановились, оглянулись назад - огромная воронка, искореженные рельсы, вывернутые шпалы. Навстречу бегут Семен Миронович и Токарев.

- Живы! Как вы нас напугали! - кричит Петя.

А я, признаться, и испугаться не успел - так все неожиданно и быстро произошло.

Усаживаемся в телегу. Нестерпимо болит голова, по правой щеке текут струйки крови: видно, задело балластными камешками. Телегу трясет, и каждый толчок отдается резкой болью в голове. Терплю, помалкиваю.

Вот и деревня, где брали подводу. Там тихо. Даже собаки не лают. Семен Миронович помогает хозяину распрячь лошадь, а Петро уже раздувает огонь в печке.

- Саша, дай воды, - говорю ему, - надо помыть голову, она вся в песке.

Стенин выносит во двор чугунок теплой воды, ковш, полотенце.

- А мыло взял? - спрашиваю.

- Да разве можно с мылом свежие раны?

- А чем же их еще обработать? Неси, Саша, неси.

Степан выносит кусок черного, скорее всего самодельного мыла. Я намыливаю голову. Саша стоит рядом, поливает и морщится, он-то знает, как саднят свежие раны даже от простой воды, а тут еще и с мылом.

Становится немного легче, но боль не утихает. Идем в хату. Саша откуда-то достает чистую косынку, повязывает мне голову, а сверху надевает шапку-ушанку.

- А это зачем? - недоуменно спрашиваю я.

- Помогает при контузии, - авторитетно заявляет бывалый солдат.

Садимся за стол. Токарев приносит сковородку с яичницей, поджаренной на свином сале, нарезает большие ломти хлеба. В другое время я бы, конечно же, не отказался от такого угощения, но сейчас не до него. До тошноты болит голова...

- Ну рассказывай, что ты там схимичил? - просит меня Семен Миронович. Он тоже взволнован случившимся, но виду не подает.

- Я сделал так, чтобы часовой механизм отработал положенное время.

- Чего же она тогда шарахнула?

- Мина, видимо, была неисправна.

В лагере я появился повязанный косынкой и в шапке. Ребятам сказал, что заболели уши. Они у меня и в самом деле долго болели. О случившемся знали толь ко я да еще четверо: Саша Стенин, Петя Токарев, Семен Миронович и Шарый.

Впоследствии, прежде чем самому отправиться на боевое задание или послать на дело бойцов, мины с часовым механизмом я лично проверял самым тщательным образом, и такого случая больше не повторилось.

Через день в обед мы услышали взрыв именно в том направлении, где был установлен фугас с пехотной миной. Местные жители вскоре подтвердили наши догадки: средь бела дня возле станции Деревцы произошло крупное крушение.

Хотя еще болели уши и чувствовал я себя не совсем здоровым, однако без дела сидеть не мог. Попросил Шарого отправить меня на задание. Тот согласился, приказав взять с собой Ольховца-Семен Миронович хорошо знал местность.

- Кто идет с нами? - обращаюсь к ребятам.

На диверсии ходили только добровольцы. На этот раз ими оказались все. Большая группа на подрыве не нужна, поэтому отобрали четырех человек: Сашу Чеклуева, Петра Токарева, Семена Самуйлика, опытного подрывника, участника войны в Испании, и Геннадия Зелента - бесстрашного, рослого парня из

группы Морозова.

Итак, нас шесть человек. Вполне достаточно для осуществления операции.

На подводе проехали значительную часть пути. Дальше начиналось заболоченное редколесье: до железной дороги Осиповичи - Бобруйск километра два надо добираться пешком. Что делать? Продвигаться по болоту в светлое время суток можно без особого шума, зато видно тебя как на ладони. Решили дожидаться вечера. Когда окончательно стемнело, двинулись в путь. Первым пошел Ольховец, мы, пятеро, след в след за ним. Идем медленно, стараясь не производить шума. Вот из тумана, словно висящая в воздухе, всплывает темная полоса насыпи, и вскоре наша группа выходит на более-менее сухое место. Садимся на землю, выливаем из сапог воду, отжимаем портянки.

Недалеко отсюда, по словам Семена Мироновича, есть довольно крутой поворот - железнодорожное полотно огибает излучину реки Синей, - стало быть, поезд при подходе к нам обязательно замедлит ход. На этот раз мы взяли фугас и электродетонатор с батарейкой от карманного фонаря. Заряд решили ставить в самую последнюю минуту. Это, конечно, довольно опасно, однако мы не могли рисковать драгоценным зарядом.

Фугас должны ставить я и Зелент. Ольховец и Чеклуев идут в охранение влево, в сторону Осиповичей, Самуйлик и Токарев - вправо. Задача охранения: открыть огонь по патрулю, если нас с Зелентом обнаружат и мы вынуждены будем спасать заряд или продолжать минирование.

Только успели занять свои места, как со стороны Осиповичей послышался шум приближающегося эшелона. Вдвоем с Геннадием подхватываем крепко увязанный фугас и карабкаемся на крутую насыпь. Поезд все ближе. Свет его прожектора где-то у нас за спиной, но здесь поворот, и нас не видно. Финками и руками быстро выбрасываем балласт между двумя шпалами, подсовываем фугас. Слева раздается треск автоматов, со свистом проносятся трассирующие пули - нас заметили. Однако мы не прекращаем работы. Еще несколько секунд - и скрученный тонкий жгутик проводов змейкой обвивает рельсы. Свет прожектора ложится на нас, но уже поздно - крушение неизбежно.

Мы с Геннадием едва успеваем перескочить на другую сторону полотна, как в темноте взметается вверх огромный столб огня, затем раздается грохот, лязг железа, трест ломающейся деревянной обшивки вагонов. Хорошо, что успели перебраться через насыпь, иначе оказались бы под обломками. Пробежав метров сто по ходу поезда, вновь карабкаемся к

железнодорожному полотну. Где-то в хвосте эшелона взвиваются вверх ракеты. Немецкая охрана, стреляя на ходу, бежит по насыпи в нашу сторону. Со свистом проносятся светлячки пуль. У нас с Зелентом только пистолеты, нам отбиваться нечем, зато наши товарищи огнем из четырех автоматов заставляют немцев остановиться. Мы кубарем скатываемся вниз. Вот и Самуйлик с Токаревым. Они залегли за небольшим холмиком возле канавы и стреляют короткими очередями. Нашему появлению ребята очень обрадовались: живы! Но мешкать нельзя, надо уходить. То и дело припадая к кочкам при вспышках ракет, под обстрелом гитлеровцев выходим на сухое место. Ольховцев и Чеклуев уже здесь. Все целы, никто не получил ни царапины. Операция завершилась успешно.

Несколько дней спустя мы узнали, что под откос вместе с паровозом пошло восемнадцать вагонов с военной техникой. Ни паровоза, ни вагонов гитлеровцы не стали поднимать - видимо, ремонтировать их уже не было смысла.

* * *

Следующей нашей боевой операцией стало нападение на торфозавод "Свобода". В нем участвовали отряды Кочанова, Шашуры, Ольховца и наша диверсионная группа.

На этом заводе немцы организовали добычу торфа для нужд рейха. На работу были мобилизованы жители близлежащих деревень. Наша разведка установила: немцев и полицаев на заводе около пятидесяти человек, и располагаются они в большом двухэтажном деревянном доме. Было решено с помощью проводника незаметно вплотную подойти к этой казарме, обложить ее со всех сторон и уничтожить фашистов и их прихвостней. Но бой мог затянуться - гарнизон хорошо вооружен, да и к тому же на станции Ясень, в трех километрах от торфозавода, дислоцировался отряд железнодорожной охраны, который мог попытаться оказать помощь осажденным. Следовательно, гарнизон необходимо изолировать.

На совете командиров, проведенном перед началом выступления, был разработан детальный план предстоящей операции. Отряду Кочанова и группе Шарого поручалось уничтожить завод со всеми его постройками и оборудованием. Отряд Шашуры на дороге от торфозавода к станции Ясень должен был устроить засаду, чтобы отсечь вражеский гарнизон, не пропустить к нему подкрепления. С началом боя на торфозаводе предполагалось произвести крушение первого же поезда, который пойдет со стороны Осиповичей. Проведение этой диверсии поручалось мне и Ольховцу.

Я и Семен Миронович очень хорошо понимали всю важность

поставленной перед нами задачи. Хотя наша диверсия и носила в данном случае, так сказать, побочный характер, однако от успешного проведения ее зависело многое. Кроме того, и сама по себе она могла нанести гитлеровцам немалый урон.

Выступили вечером. Не доезжая примерно километр до торфозавода, остановили подводы. Проводник повел туда штурмовую группу. Мы с группой засады пошли дальше, в сторону деревни Люлево. На подходе к железной дороге эта группа ушла влево, мы - вправо Вышли к опушке леса. Ого! Да здесь настоящий лесной завал. С трудом пробравшись через него, очутились на вырубке. Отсюда до полотна железной дороги рукой подать, метров пятьдесят, не больше.

Пока мы знакомились с местностью, на торфозаводе раздались первые автоматные очереди, взрывы гранат, вспыхнуло пламя. Операция началась. Охранники со стороны станции Ясень пробежали мимо нас к торфозаводу, а со стороны Осиповичей, как по заказу, послышался шум приближающегося поезда. Перестук колес стал учащаться. Видимо, машинист, заметив зарево пожара и рассчитывая поскорее проскочить опасное место, решил прибавить скорость. Спешили и мы. В данном случае маскировка фугаса была не нужна, только бы успеть установить.

Вдвоем с Ольховцем делаем подкоп, ставим фугас, затем батарейку с электродетонатором. Саша Стенин, Петя Токарев, Игорь Курышев, Саша Чеклуев - в охранении. Все готово. Едва успеваем отбежать под укрытие лесного завала, как раздается взрыв, паровоз проваливается в воронку, вагоны лезут друг на друга, сквозь грохот и лязг железа слышны крики фашистов.

Мы быстро уходим. Встречаемся с остальными на том же месте, где два часа назад расстались. Группа Шашуры тоже здесь. Из засады она частью уничтожила, частью рассеяла спешивший из Ясеня на помощь гарнизону торфозавода отряд фашистов. Шашуровцы захватили несколько пулеметов и автоматов. Отряд Кочанова уничтожил казарму с гитлеровцами. Группа Шарого перебила охрану, в канцелярии захватила важные документы.

Шарый весел и возбужден, большие карие глаза его блестят, голова гордо поднята - чувствуется, доволен...

С интересом слушаю его рассказ.

- К торфозаводу подошли в сумерках. Сосредоточились в каких-нибудь пятидесяти метрах от казармы Немцы снуют туда-сюда. Затаились. Но вот наконец и отбой; улица пустеет. Надо подождать час-другой, чтобы немцы крепко уснули. Но вот беда! Двое патрульных вплотную подошли к нам, заметили что-то, сорвали винтовки с плеч и с криком "Партизанен, партизанен!" пустились наутек. Пришлось открыть огонь. Немцы из казармы

тоже начали стрелять, рядом стали рваться гранаты. Завязалась беспорядочная перестрелка. Кто-то догадался принести со склада бидон керосина, матрацы, одеяла. Ничего не оставалось, как обложить казарму с тыльной стороны этим тряпьем, облить керосином и поджечь. Огонь быстро охватил сухие бревна стены, перекинулся на крышу. Вскоре весь дом запылал. Уцелевшие немцы попытались прорваться сквозь кольцо окружения. Не удалось. Перебили всех.

После того как ликвидировали гарнизон, взорвали машины, подожгли склады и другие помещения, захватили много трофеев. Рабочим приказали идти по домам. Трофеи погрузили на подводы и двинулись в обратный путь...

Так прошло почти полтора месяца нашей боевой деятельности. Сделано немало. В самом деле, стоило лететь за сотни километров, столько прошагать по чащам и болотам, чтобы воспрепятствовать нормальному снабжению немецко-фашистской армии. Спокойная эксплуатация гитлеровцами железной дороги на участках Осиповичи - Бобруйск, Осиповичи - Слуцк кончилась.

Облава

Наступило 15 июля 1942 года. В этот день впервые за время нашего пребывания в Белоруссии гитлеровцы предприняли против нас крупную карательную операцию. Накануне наш часовой на дороге Осиповичи - Коритно остановил молодую взволнованную женщину, которая, не назвав своего имени, потребовала встречи с Ольховцем или Шарым. Это была наша разведчица Зоя - Зинаида Францевна Жданова. Зоя была очень смелой женщиной, человеком, беззаветно преданным Советской власти. Рискуя собственной жизнью и жизнью своей малолетней дочери, она помогла многим военнопленным уйти из Осиповичей к партизанам, сумела вывести из Осиповичей жену и дочь Ольховца, которых немцы держали под постоянным контролем, рассчитывая на то, что Семен Миронович рано или поздно придет проведать свою семью.

Встретившись с Ольховцем, Зинаида Францевна передала ему бинты, лекарства и сообщила, что утром 15 июля против нас будет брошено несколько батальонов карателей с танками и авиацией. Гитлеровцам, сказала она, известно место расположения лагеря.

Мы ждали такой операции, рано или поздно она должна была состояться - не могло же немецкое командование примириться с тем обстоятельством, что железная дорога Осиповичи - Слуцк почти бездействует, а на железной дороге Осиповичи Бобруйск то и дело летят под откос поезда.

Гитлеровцам пришлось устраивать лесные завалы, вырубать

просеки, усилить охрану, снизить скорость поездов в ночное время, ставить впереди паровоза несколько платформ с балластом. Вынужденный ремонт путей, уменьшение скорости движения поездов - все это сильно снижало пропускную способность железных дорог. Присутствие партизан было как бельмо на глазу у немецкого командования, и сложа руки оно, естественно, не сидело. Однако ни усиление охраны, ни другие предпринятые гитлеровцами меры не могли остановить действий народных мстителей. За полтора месяца только две наши группы устроили двенадцать крушений, вывели из строя двенадцать паровозов, десятки вагонов, уничтожили сотни фашистов, много боевой техники и имущества. И этот ущерб был нанесен немецко-фашистской армии почти без потерь с нашей стороны.

Вполне понятно, что гитлеровцы в создавшихся условиях предпримут все от них зависящее, чтобы одним мощным ударом покончить с партизанами, раз и навсегда пресечь их деятельность.

Но нас ничем нельзя было запугать. Даже в день проведения карательной операции мы решили идти на железную дорогу. Наши отряды еще вчера вечером ушли из старых лагерей и теперь были в относительной безопасности.

На этот раз группу подрывников возглавил капитан Шарый, хотя это и не входило в его обязанности. Дело в том, что по обоюдному согласию диверсиями в основном занимались мы, заместители, я и Самуйлик, а Шарый и Морозов разведкой. Капитану через Зою, которая работала в то время счетоводом в радиоузле, удалось наладить хорошую связь с осиповичскими железнодорожниками, и от них мы стали получать сведения о железнодорожных перевозках немцев. Это были бесстрашные, беззаветно преданные Советской власти люди. Через них и узнала Зоя о прибытии карателей из Бобруйска.

Морозов и Самуйлик по-прежнему тяготели к участку железной дороги между Осиповичами и Верейцами, где им удалось совершить несколько удачных крушений сразу же после приземления под Мезовичами. Маршрут, по которому ходили на боевые задания ребята, был самым длинным, кроме того, нужно было переходить железную дорогу Осиповичи - Слуцк. Однако это их не останавливало.

На пути к железной дороге лежали деревни Побоковичи и Репища. В Побоковичах Морозов и Самуйлик часто заходили к очень приветливой и гостеприимной Елене Викентьевне Лиходиевской. Родилась она в бедной крестьянской семье, учиться ей пришлось мало, рано довелось познать тяжелый крестьянский труд. Лишь после установления Советской власти

жизнь стала понемногу налаживаться. Пришло время - вышла замуж. Появились дети.

Летом сорок первого Елена Викентьевна с мужем находилась в Крыму. Работала в колхозе. Была ударницей. Трое детей оставались в деревне на попечении матери. Началась война. С большими трудностями Лиходиевской удалось вернуться в родную деревню. К счастью, мать и дети были живы.

Елена Викентьевна часто бывала в Осиповичах и обычно заходила к своей подруге Марии Яковлевне Кондратенко, имевшей тогда пятерых детей. Между женщинами установилось полное доверие. Ни та, ни другая не допускали и мысли о возможном поражении Красной Армии и готовы были принять участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Обе женщины стали нашими надежными помощниками.

Первые задания, которые поручались им, сводились к доставке боеприпасов и медикаментов, всего того, что нам было необходимо для повседневной боевой деятельности. Эти задания были сопряжены с большим риском как для Кондратенко, которая добывала боеприпасы и медикаменты и хранила их у себя, так и для Лиходиевской, которая выносила боеприпасы и медикаменты из города.

Полицейские посты, как правило, проверяли, что несут в Осиповичи и с чем выходят из города. Елену Викентьевну выручали ее смелость, самообладание. На постах она часто отделывалась шуточками. Для немцев у нее всегда были приготовлены яйца, а для полицаев самогонка. Это служило своего рода пропуском.

Впоследствии, понимая, какой опасности подвергаются эти женщины и их дети, мы отказались от таких поручений. Разведка стала основной задачей для Елены Викентьевны и Марии Яковлевны.

Самоотверженность этих женщин, их стойкость и мужество восхищали всех, кому довелось знать их, встречаться с ними.

В то время в деревне жилось плохо, немцы забирали все подряд, без разбора: зерно, картошку, домашнюю птицу, скот. Но еще труднее жилось в городе. Паек Иосифа Максимовича, мужа Марии Яковлевны, когда он стал работать проводником на поезде, был и скуден и плох: четыре килограмма муки грубого помола из смеси гречихи и овса в месяц, немного маргарина, яблочного повидла и ржаного хлеба с опилками. Если бы Мария Яковлевна не подрабатывала шитьем и стиркой, семье пришлось бы плохо. А ведь отважной белоруске приходилось выполнять и наши задания...

* * *

Диверсия на железной дороге удалась и на этот раз - пустили под откос эшелон с боевой техникой. К трем часам утра мы были уже у дороги Осиповичи Старинка, в районе старого лагеря. Углубившись в лес метров на триста, разожгли костер и приготовили не то поздний ужин, не то ранний завтрак. Шарый и Смирнов отправились к дороге, а мы, поудобнее расположившись возле догорающего костра, заснули.

Наши дозорные были уверены, что увидят немцев еще издали, и вся группа успеет перейти шлях и уйти из зоны облавы. Но вышло все по-другому.

Разбудили нас короткие автоматные очереди, а вскоре прибежали и Шарый со Смирновым.

- На шляху немецкая кавалерия, подъехали, черти, вплотную, бесшумно. Теперь мы в зоне облавы, и надо как-то выбираться, - сказал Шарый.

- Что-то они слишком рано начали операцию, - видимо, рассчитывали нас застать в лагере спящими, - произнес я.

Шарый и Смирнов, когда увидели конников, могли повернуть назад и уйти незамеченными, но они поступили по-другому. Подпустили немцев вплотную, ударили по ним из автоматов - и к нам.

Со стороны шляха доносилось урчание машин, крики, повелительные команды. Шарый предложил ускоренным маршем выйти на дорогу Межное - Тарасовичи: возможно, она еще не занята противником. Бегом миновали покинутый накануне лагерь, перешли по кладям через осушительную канаву и оказались на знакомой поляне. Сюда мы часто выходили, чтобы погреться на солнышке, полакомиться земляникой.

Лесом по зимнику быстро продвигаемся к дороге. Но там уже немцы. Заметив нас, они делают несколько выстрелов, но в лес не идут. Гитлеровцы уверены, что деваться нам некуда. Мы уходим вправо, в заросли кустарника, и советуемся, как быть. Шарый предлагает разбиться на две группы и попытаться отсидеться в болоте или незаметно пересечь шлях. Я с ним согласен: у маленькой группы больше шансов на успех С Шарым идет Максимук, Смирнов, со мной - Лева Никольский, Саша Стенин и Коля Суралев.

Над лесом появляются несколько самолетов. Вот они один за другим устремляются в пике, сбрасывают бомбы, снова разворачиваются и снова пикируют. Бомбы падают на наш старый лагерь. Какая честь! Четыре самолета обрабатывают пустое место! Теперь, очевидно, немцы пойдут развернутой цепью, чтобы уничтожить уцелевших после бомбежки партизан.

Шарый со своей группой намерен углубиться в заболоченный

лес и отсидеться там, а мы решили попытаться перейти через дорогу Межное - Тарасовичи.

Пройдя километра два вправо, выходим к дороге. Но здесь парные патрули, а в засаде броневик Не пройти. Ну что ж, "ня бяды", как говорят белорусы. Попробуем в другом месте. Где-то недалеко должен быть мостик. Может быть, под ним проползем. Делаем небольшой крюк по болоту и выходим точно к этому мостику.

Патрули проходят аккуратно через каждые пять-шесть минут. Этого времени нам вполне достаточно, чтобы перебраться на противоположную сторону дороги, лишь бы не было засады там, за мостом. Пропустив патруль, проползаем под мостиком и прячемся в кустарнике. Ну вот и все. Можно идти в новый лагерь Теперь мы в безопасности, но так и подмывает посмотреть со стороны, что тут делают немцы. Углубляемся метров на сто в лес, затем сворачиваем влево и идем вдоль дороги. Проходим метров четыреста и видим большую машину-фургон с кольцеобразной антенной на крыше и около нее группу фашистов. Антенна вращается, значит, ведет поиск. "Зря крутите, фрицы, сегодня на связь мы не выходим, и приехали вы понапрасну. А может быть, и хорошо, что приехали?" подумал я и приказал:

- Приготовить гранаты!

Через несколько секунд окружающую тишину вспарывают четыре взрыва. На нас сыплются сорванные осколками листья и сосновые иголки. Уцелевшие немцы начинают беспорядочно стрелять, радиопеленгатор горит.

К утру пришли в новый лагерь. Нас встретили радостными возгласами и объятиями - живы! Неизвестна пока судьба Шарого, Смирнова и Максимука. Они вернулись в лагерь вечером. Теперь все были в сборе. Во время облавы мы не потеряли ни одного человека. На другой день от местных жителей нам стало известно во всех подробностях, как была организована и как проходила облава. Рано утром участок леса Борки - Большая Дубровица - Бортны - Коритно окружили несколько батальонов эсэсовцев и подразделения полицейских. Ровно через пятнадцать минут четыре пикирующих бомбардировщика атаковали наш лагерь, очевидно, координаты его были хорошо известны гитлеровским пилотам. После бомбежки противник развернулся в цепи и, прочесывая окруженный треугольник, двинулся в сторону лагеря. На этот раз фашистов и их прихлебателей было много, и они не побоялись ни леса, ни болота. Но как велико должно было быть разочарование карателей, когда, выйдя к нашим буданам, они не обнаружили там ни одного партизана.

Сообщение бобруйской газетенки "Новый путь" о том, что

южнее Осиповичей наконец-то разгромлен партизанский лагерь и ликвидирована группа советских парашютистов, многие из которых захвачены в плен, разумеется, являлось сплошным вымыслом. Впрочем, выдумка выдумкой, но сообщение-то было вполне официальное. Значит, если партизан больше нет, то в районе можно восстанавливать "новый порядок" грабежа и разбоя.

Вскоре рота немцев из Бобруйска приехала в деревню Тарасовичи за продуктами. Отряд Шашуры залег в засаде. У Шашуры не было ни мин, ни взрывчатки, поэтому он послал гонца в лагерь. Однако когда мы подошли, возвращающиеся немцы уже поравнялись с местом засады, и заминировать дорогу нам не удалось. По машинам открыли дружный огонь из пулеметов и автоматов, но фашисты на предельной скорости промчались мимо. Ни одну машину подбить не удалось, но немцы, кроме награбленных продуктов, привезли в Бобруйск и с десяток трупов своих солдат.

Это не послужило им уроком. Вскоре взвод эсэсовцев-самокатчиков из Осиповичей был направлен в нашу зону. От наших разведчиков в городе мы заранее узнали маршрут их движения и устроили засаду.

Дорога Межное - Тарасовичи - узкая насыпная дорога в заболоченном редколесье. Наблюдатель махнул белой тряпочкой, и несколько бойцов во главе с Шарым залегли под старым полуразрушенным мостом. Основные силы расположились рядом в лесу.

Немцы на велосипедах выехали из-за поворота. Их нестройная колонна быстро приближалась к нашим позициям. Эсэсовцы были в мундирах с засученными рукавами, за плечами карабины и автоматы. Впрочем, это не имело никакого значения. Пока они затормозят да спешатся, мы успеем скосить их автоматным огнем Оружие они не успеют применить.

Мы взвели автоматы, решили подпустить их поближе, и вдруг в лесу прогремел винтовочный выстрел: кто-то из наших нечаянно нажал на спусковой крючок. Этого оказалось достаточно, чтобы фашисты побросали велосипеды и моментально скрылись в лесу. Мы успели дать всего лишь несколько коротких очередей.

Развернувшись в цепь, мы прочесали лес и болото по обеим сторонам, до самого поворота, но ни одного гитлеровца не обнаружили. Зато подобрали более двадцати новеньких двухколесных машин, которые нам очень пригодились для поездок на железную дорогу. Велосипеды в отличие от лошадей не требовали ни корма, ни пастбищ, а надувные резиновые шины их без шума перекатывались через корневища деревьев. Что же

касается эсэсовцев, то вскоре выяснилось, что они были уничтожены отрядом Коченова в десяти километрах от места засады. Жертв с нашей стороны не было.

После этих двух неудачных попыток немцы продолжительное время не осмеливались ездить в нашу зону.

И все-таки на некоторое время нам, десантникам, пришлось уйти из Осиповичского района. Кончилась взрывчатка, давно иссякло питание рации, а наши попытки достать батареи не увенчались успехом.

Мы решили двигаться в Полесье и там с помощью партизан восстановить связь с Хозяином, получить груз, а затем вернуться и продолжать нашу обычную работу.

В отряде Храпко под Бобруйском нам помогли обменяться с Хозяином несколькими радиограммами. Мы получили очень ценную информацию: в начале июля с двумя сопровождающими для нас выброшен груз. Назвали также район выброски и фамилии сопровождающих - Бычков и Арлетинов. Но как их теперь найти, ведь прошел почти месяц? В указанном месте, как мы и предполагали, никого обнаружить не удалось. Однако в конце концов все закончилось благополучно.

Саша Бычков и Костя Арлетинов удачно приземлились, хорошо припрятали грузовые мешки и несколько дней ждали нас на месте встречи. Затем решили разыскать группу сами. Встретились мы с ними в партизанской зоне в деревне Крюковщина. Радости не было предела. Костя с Сашей пережили много трудностей: и голодали, и мерзли ночами, но груз - боеприпасы, продукты и табак сохранили полностью. Свое задание они выполнили прекрасно. Молодцы!

Саша Бычков - высокий, широкоскулый волжанин из Балакова; взгляд строгий, требовательный, уголки губ чуть опущены. Закончил школу младших командиров и имел воинское звание сержант. Фронтовик; подтянутый, аккуратный, с хорошей военной выправкой.

Костя Арлетинов, на вид совсем еще мальчик, маленький, с узкими покатыми плечами и близко поставленными друг к другу серыми глазами, был одним из тех, про которых говорят: "на глаз остер, на язык востер". Веселый, жизнерадостный, не унывающий ни при каких обстоятельствах, он сразу же пришелся, что называется, ко двору, к тому же, как выяснилось, Арлетинов вместе со многими из нас участвовал в памятном бое под Сухиничами.

Мы были рады такому пополнению.

На следующий день после встречи без особого труда по засечкам на деревьях, сделанным Бычковым и Арлетиновым,

разыскали грузовые мешки. Содержимое их разложили по вещмешкам, и снова, лесами и болотами, ориентируясь по компасу, направились в Осиповичский район.

Утром вышли к Варшавскому шоссе. Пропустив колонну машин, благополучно пересекли полосу асфальта и углубились в лес. У всех чесались руки - хотелось напомнить о себе врагу. И в самом деле, запас патронов теперь у нас достаточно большой, есть мины, взрывчатка, гранаты да и бойцов достаточно.

Словно отгадав наши мысли, Шарый предложил устроить засаду. Оставив вещевые мешки в лесу и захватив с собой две мины, тол, боеприпасы, мы вернулись к шоссе. Внимательно осмотрели асфальт, но, к сожалению, не обнаружили на нем выбоин - значит, заминировать не удастся. Что делать, как остановить машины? Стали прикидывать возможные варианты.

- Может быть, телеграфный столб на дорогу свалить. - предложил Лева.

- А он повиснет на проводах, - возразил Стенин. - Вот если бы у нас был трос...

Решили свалить на шоссе высокую сосну, наклоненную в сторону дороги. Сделать это вызвались мы с Максимуком. Парашютными стропами крепко привязали к стволу две четырехсотграммовые шашки тола, установили капсюль-детонатор с бикфордовым шнуром. Шарый тем временем выслал наблюдателей, а остальным приказал залечь и замаскироваться.

По знаку наблюдателей мы подожгли бикфордов шнур, отбежали и тоже залегли.

Шум машин становился все слышнее. Вот они уже совсем близко. Когда дерево, скошенное взрывом, медленно, словно нехотя, стало падать на шоссе, часть машин автоколонны уже проскочила опасное место. Остальные начали тормозить. Одна из них вильнула вправо и завалилась в кювет, на нее легла вершина сосны.

В это время прозвучала команда Шарого: "Огонь! - и мы дружно ударили из автоматов и винтовок.

Однако фашисты довольно быстро опомнились, повыскакивали из машин и открыли ответный огонь. Какое-то время мы вели перестрелку, пустили в ход гранаты, затем нам пришлось уходить. Фашисты еще долго не могли успокоиться, стреляли по лесу, но мы уже были далеко.

В этой засаде все действовали слаженно и организованно, но более всех отличилась, пожалуй, Рая Пряжникова.

Рая к тому времени хорошо освоила ручной пулемет и так привыкла к нему, что никакого другого оружия признавать не хотела.

В этом бою она вела огонь по противнику расчетливо, экономно - короткими и точными очередями.

Шарый, когда все бойцы собрались, обратился к девушке:

- Ты, как я вижу, одна воевать решила?

- А что? - ответила Рая.

- Не слышала команды отходить?

- Слышала, но не хотела стрельбу прекращать, уж больно удобное место попалось!

- Ну ладно, на этот раз прощаю, а вообще так поступать нельзя. А теперь отдай пулемет кому-нибудь из ребят.

- Зачем?

- Да не волнуйся, вернут тебе пулемет. Сейчас по болоту идти, а у тебя сапоги тридцать пятого размера.

Шарый и все остальные понимали, что девушке нелегко носить пулемет, поэтому всегда старались помочь ей, но сама она никогда не подавала вида, что ей трудно.

Говорила Рая басом, отрывистыми фразами, курила махорку, словом, во всем старалась быть похожей на ребят. В деревнях к мужикам обращалась примерно так:

- А ну, ешь твою двадцать, дай закурить.

И те торопливо протягивали ей кисет. Кремень и кресало всегда были при ней.

...Пользуясь нашим отсутствием, немцы снова осмелели, стали появляться в деревнях Осиповичского района Дело в том, что вслед за нами из района ушли отряды Шашуры, Кудашева и Коченова. Им приказали идти в Полесье.

Сразу же по возвращении мы приступили к диверсиям на железной дороге, возобновили передачу разведданных. Работать стало труднее. Нашу рацию немцы держали под контролем. Чтобы не подвергнуться внезапному нападению, мы вынуждены были часто менять место расположения. Для партизанского отряда Ольховца это было неудобно. Поэтому в середине августа нам пришлось отделиться от партизан. С нами от Семена Мироновича ушел Петя Токарев - разумеется, с согласия командира.

Теперь наша небольшая, но зато надежная, проверенная в боевых операциях группа кочевала с места на место в районе Максимовских хуторов. С отрядом Ольховца мы поддерживали постоянную связь.

В течение второй половины июля и августа 1942 года группа совершила еще четыре успешные железнодорожные диверсии, доведя общий счет пущенных под откос вражеских эшелонов до семнадцати.

* * *

В начале сентября вернулись отряды Кудашева, Кочанова и Шашуры. Для нас это было важным событием, нас стало больше, мы стали сильнее. По этому случаю вечером 5 сентября все отряды собрались возле нашего лагеря. На маленькой, очень красивой лесной поляне, окруженной высокими соснами, разложили большой костер, приготовили ужин, хорошенько подкрепились, послушали патефон. Его раздобыл где-то Кочанов и везде носил с собой - как бы трудно порой ни приходилось в походах. Были в его отряде и гармошка с гитарой.

- А ну, гармонист, давай плясовую, - кричит кто-то.

В середину круга, подталкиваемый Васей Смирновым, выходит Игорь Курышев.

Игорь, невысокий, щуплый, очень спокойный и выдержанный паренек, плясать умел ну прямо на загляденье, как настоящий артист. Впрочем, это и неудивительно: до войны он занимался в хореографическом кружке у себя в Монине под Москвой.

Гармонист заиграл "Цыганочку".

Сначала медленно, как положено, Игорь начинает пляску, затем все быстрее, быстрее...

Не выдерживает и Самуйлик - обычно серьезный, неулыбчивый, зараженный общим весельем, он тоже входит в круг.

Игорь с Семеном пляшут долго, не уступая друг другу, пляшут так, что и нам хочется в круг, да, как говорится, не по Сеньке шапка.

Потом ребята сплясали еще "Барыню" и "Яблочко" и заслужили громкие аплодисменты.

Песни... Здесь, за линией фронта, они как-то по-особенному согревают души. На этот раз под аккомпанемент гармошки запевает Вася Зализняк. Поют все, слушателей нет. В ночной тишине звуки музыки и слова песни, верно, разносятся далеко-далеко, но мы спокойны. По данным разведки, в ближайшее время карательных операций в нашем районе не ожидается. А этот лагерь мы оставим завтра же утром.

С особым подъемом поем нашу любимую:

Слушают отряды песню фронтовую
Сдвинутые брови, твердые сердца.
Родина послала в бурю огневую,
К бою снарядила верного бойца...
Ох какая встреча будет у вокзала
В день, когда Победой кончится война,
И письмо родное мать поцеловала,
И над самым сердцем спрятала жена

Конечно же, всем нам очень хотелось дожить до этих встреч,

остаться не только в памяти родных и близких людей, но и увидеть своими глазами то послевоенное будущее, которое нам представлялось удивительно прекрасным. С такими мыслями мы пели в вагоне эту песню, уходя в немецкие тылы под Москвой, пели в вагоне поезда, уносившего нас навстречу памятному бою под Сухиничами, пели и здесь, в лесах Белоруссии.

Вспомнили также и спели всем хорошо известные старинные русские песни "Раскинулось море широко", про Ермака и Стеньку Разина. С песней о Волге я в мыслях уносился на родину, и воскресало прошлое - когда мы, мальчишки, на закате солнца выходили в лодке на зыбкую багряную дорожку реки и тоже пели про удалого Степана и других героев давно минувших дней...

А потом слушали, как поет Леня Садовик. Он знал множество цыганских песен, прекрасно играл на гитаре и пел самозабвенно, отдаваясь песне всей душой. Слушать его было огромным наслаждением. Вот только не знали мы тогда еще, что слушаем Леню в последний раз...

А восходящее солнце между тем уже позолотило верхушки сосен. Наступал новый день.

Собрав свои нехитрые пожитки, мы ушли на новое место. Снова поставили шалаши из еловых веток, натянули сверху плащ-палатки, окопали вокруг, чтобы дождевая вода не подтекала внутрь, застелили пол лапником и сеном. Последние дни беспрерывно шли дожди, стало холодно и очень неуютно. Наверное, от этого и на душе было как-то нехорошо.

Вечером 8 сентября Леня Садовик и Геннадий Зелент попросились на железную дорогу.

- Куда же вы в такую погоду? - пытались их отговорить наши девчата. Но уговоры не подействовали. Ребята настолько втянулись в свою опасную и трудную работу, что ни дня не могли просидеть без дела, их словно магнитом тянуло на "железку". Шарый и я хорошо понимали ребят, сами в душе чувствовали то же самое. Поэтому и не запретили.

Леня с Геннадием взяли десятикилограммовый фугас, мину и с наступлением темноты тронулись в путь. Нам оставалось только ждать. Ждать и надеяться, что операция пройдет благополучно. Поначалу ничто не предвещало дурного исхода, наоборот, казалось, что погода поможет - ребятам в такое ненастье легче будет подобраться к полотну железной дороги и устроить крушение.

Но ровно через час вечернюю тишину разорвал треск автоматных и пулеметных очередей. И почти сразу же все стихло. Мы почувствовали недоброе. Весь вечер и всю ночь никто не сомкнул глаз, надеялись и ждали: вот-вот вернутся товарищи. Но

они не вернулись.

А случилось вот что. Возле деревни Ставищи, на картофельном поле, немцы устроили засаду. Ничего не подозревавшие ребята подошли к месту засады вплотную. Огонь был открыт без предупреждения. В несколько секунд все было кончено.

Чуть позже нам стало известно, что в засаде участвовали охранники со станции Деревцы, а с ними у нас были старые счеты. Именно под Деревцами был ранен Геннадий Зелент - пуля попала в глаз и вышла за ухом, и погиб Володя Прищепчик. Произошло это так.

После подрыва эшелона под Тальной на железной дороге Минск - Осиповичи группа в составе Самуйлика, Золотова, Зелента и Прищепчика перешла железную дорогу Осиповичи - Слуцк возле станции Деревцы, углубилась в лес и расположилась на отдых. На рассвете ребят окружили гитлеровцы. Прозвучала короткая команда:

- Рус, сдавайсь!

Володя первым открыл огонь из винтовки, за ним Самуйлик из автомата. Немцы залегли, притаились. Огонь не открывали, видно, решили взять наших живьем.

Самуйлик правильно оценил обстановку и подал команду идти на прорыв.

Ребята вскочили, прорвались через фашистские цепи и, отстреливаясь, стали уходить. Прищипчик был ранен в ноги, упал и подняться уже не смог. Пока были патроны, Володя отстреливался, а потом... О чем он думал, когда вытаскивал гранату? О том ли, что вот умирает в восемнадцать лет, не повидав отца и сестер, которые были совсем недалеко от этих мест, или о чем другом - никто этого никогда не узнает. Когда немцы стали окружать его, он рванул чеку.

Володя Прищепчик погиб. Рядом с ним упало несколько фашистов.

К началу войны Володя окончил среднюю школу. Вступил в комсомол. Был настоящим патриотом своей Родины. Когда началась война, Владимир попросился в армию. Его послали в Москву, на курсы по подготовке к действиям в тылу противника. В группе, которую возглавлял Шарый, вместе с Леней Садовиком Прищепчик ходил в тыл противника под Москвой, участвовал в бою под Сухиничами, был смелым и очень выдержанным бойцом. И вот Володи не стало. Его убили охранники из Деревцов.

Решение о ликвидации гарнизона на станции было принято, однако силенок у нас для осуществления этой операции явно недоставало. Но здесь произошло событие, которое все

расставило по своим местам - наши ряды неожиданно пополнились целым взводом свежих бойцов. А это уже позволяло рассчитывать на успех.

Прав оказался тот крестьянин, из Макаровки, который сказал, что немногие из военнопленных действительно добровольно стали на путь измены и записались в батальоны "Березина" и "Днепр". Шарый не забыл этот разговор и сразу же после того, как мы обосновались под Осиповичами, стал искать возможность установления контактов с военнопленными. И вскоре достиг успеха. 10 сентября на нашу сторону перешел взвод из батальона "Березина".

Не могу сказать, что наши бойцы очень обрадовались этому событию. Решение было несомненно рискованным. В группу, которая насчитывала менее тридцати человек, мы приняли примерно столько же хорошо обученных кадровых солдат с двумя пулеметами. Будь у них недобрые намерения, могло бы произойти непоправимое.

Вновь прибывшие оказались дисциплинированными, исполнительными бойцами и, казалось, были очень довольны крутым поворотом в своей судьбе. Но на войне главное испытание - бой. Как-то они поведут себя в деле?

Операция по разгрому гарнизона станции Деревцы была назначена на 14 сентября. "Добровольцев" решили взять с собой.

Вышли из лагеря поздним вечером. В полной темноте прошли деревню Ставищи. За околицей наша разведка обнаружила брошенную телегу и сбрую. Войлочная подкладка чересседельника была еще теплой. "Неужели кто-нибудь из полицаев?" подумал Самуйлик. - Если предатель успеет предупредить гарнизон, операция будет сорвана, а этого допустить нельзя.

Не дожидаясь подхода основных сил, разведчики на велосипедах устремились вдогонку. Впереди на пригорке на фоне ночного неба стал вырисовываться силуэт всадника. Он ехал рысью. Самуйлик и двое "добровольцев" решили держаться от него на таком расстоянии, чтобы тот не мог увидеть или услышать преследователей. За Михалевщинами, где прямая дорога ведет на Осиповичи, а другая круто сворачивает влево на Деревцы, разведчики прибавили ходу и вскоре догнали всадника. Им действительно оказался полицай, который, увидев троих неизвестных в форме власовцев, не изъявил никакого беспокойства - принял за своих.

- Далеко ли путь держишь? - обратился к нему Самуйлик по-белорусски.

- В Деревцы, - ответил полицай. - Дело важное, есть сведения,

партизаны идут на станцию, - сказал, соскочив с коня, предатель.

- Вот оно что! А какой там нынче пароль и отзыв?

- Зачем вам это, ведь вы со мной поедете?

- Нет, так нельзя. Мы устроим засаду, задержим бандитов и будем ждать подкрепления из гарнизона.

- Понятно. Пароль "Берлин", отзыв "Минск".

На этом разговор закончился. Труп предателя разведчики отнесли в болото и стали дожидаться своих.

К Деревцам подошли в полночь. Отряд притаился в лесу недалеко от немецкой казармы. Мне с группой подрывников и бывших власовцев пришлось сделать небольшой крюк, чтобы обойти казарму и выйти к железной дороге. Нам было поручено порвать телефонную связь с Осиповичами, взорвать семафор, входные и выходные стрелки со стороны города, занять здание вокзала и в случае необходимости встретить огнем полицаев, которые могли подойти из деревни Деревцы на подмогу гарнизону, или отступающих из казармы фашистов. Диверсия должна была надолго прервать нормальную эксплуатацию железной дороги Осиповичи - Слуцк. Имелась и более конкретная цель - не допустить переброски подкрепления из Осиповичского гарнизона.

Сигналом для начала атаки основных сил должен был послужить первый взрыв на железной дороге. Выставив охранение, мы приступили к делу.

- Петя, полезай на столб, - приказал я Токареву.

- Один момент!

Петр сбросил сапоги и быстро взобрался на столб. Усевшись на перекладину, ножницами для стрижки овец стал срезать провода. Они с визгом скручивались в спираль и падали на землю недалеко от столба.

За это время остальные бойцы подготовили и поставили фугасы. По команде все одновременно зажгли бикфордовы шнуры и укрылись за кирпичной будкой. Прогремели взрывы, и вслед за ними мы услышали треск пулеметов и автоматов. Шарый начал атаку. Вскоре ответили немецкие пулеметы и "шмайссеры". Тем временем мы ворвались в здание вокзала. Здесь, кроме дежурного телефониста, никого не было. Тот выхватил пистолет, но его опередил Чеклуев.

Бой за казарму был очень тяжелым. Немцы сопротивлялись отчаянно и вели плотный заградительный огонь. Фронтальная атака привела бы к большим потерям, поэтому Шарый принял решение послать с тыла полувзвод - пароль и отзыв известны, а немцы, несомненно, ждут подкрепления.

"Добровольцы" беспрепятственно проникли в казарму. Это и

решило исход боя. Часть гитлеровцев была перебита, часть успела выскочить из окон. Полицаи из деревни на помощь прийти не осмелились, а тех немцев, что бежали от казармы к вокзалу, расстреляли из пулемета Курышев с Морозовой, которые были отправлены в засаду.

Мы уничтожили узел связи и подожгли вокзал. Казарма уже горела. В лагерь вернулись на рассвете. Вернулись без потерь.

А "добровольцев" и трофеи наша группа вскоре передала партизанам. Для выполнения своих прямых задач у нас было достаточно бойцов и оружия.

* * *

Начиналось осеннее ненастье, в лесу стало сыро и холодно. Мы по-прежнему ходили на "железку", добывали в деревнях продукты. Приближение зимы все ждали с тревогой и беспокойством. Под Москвой мы уходили в немецкие тылы на полторы-две недели и возвращались до крайности усталыми, простуженными, но зато несколько дней спокойно отдыхали, а здесь нет и не может быть ни покоя, ни отдыха, тут от войны никуда не уйдешь. Всех словно разом охватило желание хоть немножко побыть на Большой земле, отдохнуть, набраться сил. Такое же настроение было у бойцов и командиров соседних отрядов.

На очередном совещании командиров партизанских отрядов приняли решение двигаться на соединение с частями Красной Армии. Правда, разрешения Хозяина мы не могли запросить, не было питания к рации. Нам, десантникам, казалось, что в отношении нас по крайней мере никаких возражений быть не должно. Все вполне естественно - группа уходит в тыл, выполняет задание и возвращается. Ни трудности перехода, ни расстояние бойцов не пугали. А до фронта в то время была не одна сотня километров.

Стало быть, в путь. Ближайшая цель - пересечь дорогу Осиповичи - Бобруйск, а там, за "железкой", с помощью местных партизан связаться с Хозяином и получить официальное разрешение на возвращение.

Поздно вечером 16 сентября мы отправились в дорогу. Дождь лил непрестанно. В кромешной темноте перешли железную дорогу и возле деревни Гарожа остановились отдохнуть. Разожгли костры, подсушили портянки, одежду, но поспать так и не удалось - холодно и сыро. Одежда же у нас только летняя, а с обувью и вовсе плохо - многие без сапог, в лаптях, а это значит, что ноги никогда не просыхают.

На следующий день вышли к реке Свислочь. Река глубокая, вброд не перейти. Надо сооружать плоты, такая возможность есть

- возле реки сложены большие штабели двухметровых бревен. Но надо работать тихо, недалеко за рекой большая дорога, и по ней то и дело проносятся машины, а саму переправу отложить до ночи Очень кстати пришлись парашютные стропы С их помощью мы перетянули плоты на тот берег. Правда, началась переправа не очень удачно. Закрепить стропы вызвались Максимук и Костя Сысой. Отталкиваясь шестами, они вывели плот на середину реки. Пантелей попытался достать шестом дно, резко наклонился, и, не найдя опоры, полетел в воду. С большим трудом Косте удалось втащить его обратно на плот - Пантелей не умел плавать. До берега, хоть и с трудом, но все же добрались.

Однако в целом переправа прошла успешно. На дороге движение машин к тому времени прекратилось, и мы ее спокойно перешли. Остановились на отдых в деревне Игнатовке. Попросили хозяев протопить печь, чтобы можно было высушить мокрую одежду, переспали в тепле, а на другой день вечером прибыли в деревню Маковье. Там встретились с партизанами. С их помощью установили связь с Хозяином. Наше предложение возвращаться через линию фронта не встретило поддержки - далеко и рискованно; зато обещали прислать в ближайшее время питание к рации, одежду, обувь, взрывчатку и боеприпасы. Узнали мы также, что есть общее указание партизанам: оставаться в тылу врага, активизировать боевую деятельность, усилить удары по врагу. Этот приказ - в этом мы скоро убедились - подкреплялся все увеличивающейся поставкой народным мстителям оружия, боеприпасов, взрывчатки - Центральный штаб партизанского движения работал очень энергично.

В эти особенно тяжелые месяцы войны наше командование, пожалуй, и не могло принять другого решения - враг блокировал Ленинград, рвался к Волге, пробился на Кавказ. Там, в Москве, прекрасно понимали эффективность партизанской войны. Получив четкое и ясное указание Центрального штаба партизанского движения, отряды Ольховца, Шашуры, Кудашева и Кочанова после короткого отдыха отправились в старый район действия. Попрощались мы с ними очень тепло и сердечно. Все-таки несколько месяцев работали вместе, крепко подружились. Особенно жалко было расставаться с Семеном Мироновичем. Он и по возрасту многим из нас годился в отцы, а его боевой опыт, опыт политработника, знание людей, района действия очень бы нам пригодились и в дальнейшем. Да, Семен Миронович был человеком большого ума, большой души и пользовался у нас огромным уважением.

Под Пуховичами

Итак, мы остаемся в глубоком тылу врага, чтобы заниматься

диверсионной работой на железной дороге Минск - Бобруйск. Кроме диверсионной деятельности, Хозяин потребовал от нас вести разведку на Пуховичи. До войны там был военный городок. Постройки полностью сохранились, и в этих зданиях постоянно квартировали немецкие воинские части. Одни часто сменялись другими. Одни выбывали, другие прибывали Наша задача состояла в том, чтобы знать, какая часть и откуда прибыла, какая и в каком направлении выбыла.

Вскоре в ближайшей к Пуховичам деревне мы нашли надежных людей и стали получать от них необходимую информацию.

В ожидании груза занялись устройством базы. Для этого было выбрано заболоченное место между деревнями Лозовое и Полядки. Туда начали свозить картошку и другие продукты на случай зимовки. Здесь, в районе Гроздянки, Маковья, была обширная партизанская зона, которую успешно контролировали крупные партизанские отряды Королева, Флегонтова, Тихомирова, Ливенцева. Для нас это было чрезвычайно удобно. Еще нигде до сих пор в Белоруссии мы не чувствовали себя в безопасности, ни разу не ночевали в деревнях, не мылись в бане, забыли, что такое чистое белье и обмундирование. Нет, здесь нам положительно все нравилось!

Шарый с Морозовым занялись разведкой, а мы с Самуйликом стали готовиться к диверсиям на железной дороге. Перед тем впервые за время пребывания в Белоруссии помылись в бане. Отправились на первый пар с Чеклуевым и Стениным. Чеклуев все почесывался да приговаривал: "Не одна меня тревожит, десять на десять помножить" Баня топилась по-черному. Зажгли коптилку, разобрались, где ковш, где вода. Одежду повесили на жерди у самого потолка - ее надо было прожарить.

Стенин поддал пару. Забрались на полок и начали обрабатывать друг друга вениками. Мыла не было, но из бани вышли с ощущением необычайной легкости во всем теле. Недаром говорят: "Баня парит, баня правит, баня все поправит". После бани привели в порядок обмундирование и пошли устраиваться на новом месте Местом жительства для нас теперь стала деревня Маковье. Расселились мы в ней по 2-3 человека в хате.

Подготовку к очередным боевым операциям начали со знакомства с районом действия по карте, изучали возможные маршруты выхода к железной дороге. Результаты оказались не очень приятными. До участка железной дороги Осиповичи - Минск было не менее тридцати километров напрямую. Двигаясь по этому маршруту, необходимо пересечь дорогу Свислочь -

Липень и реку Свислочь. Самуйлик для действий на "железке" избрал хорошо знакомый ему район Талька Верейцы. В этих местах он устроил несколько крупных крушений, однако и этот маршрут был тоже не из легких.

Пришлось задуматься о средствах передвижения. Ясно было, что без лошадей не обойтись. Перед войной в Белоруссии квартировали кавалерийские части. При отступлении выбракованных лошадей оставили в колхозах. В лесах и болотах часто попадались луки от седел, на которые мы до сих пор не обращали внимания. Теперь мы стали их подбирать, но это было только полдела, значительно труднее оказалось оборудовать седла - не было сыромятины, ремней для подпруг, стремян и уздечек. С большим трудом мы нашли необходимые материалы и сделали несколько седел. Подобрали и несколько кавалерийских лошадей. Теперь появилась возможность совершать за короткое время дальние рейсы - вплоть до ближайших подступов к железной дороге.

С нетерпением ждем груз. Обещали сбросить в ночь на 27 сентября. В условленном месте зажгли костры, но самолет так и не появился. В следующую ночь над нами дважды прошел "Дуглас". Ни одного парашюта в темноте мы не заметили, но груз, оказывается, все-таки выбросили, прямо возле нашей деревни. В ночь на 2 сентября снова выбросили груз с сопровождающими Георгием Шихалеевым, высокого роста, рыжеватым,, круглолицым парнем, и Георгием Плотниковым, невысоким, плотным и сильным бойцом.

Наконец-то у нас пополнились запасы патронов и гранат, и, что особенно важно, нам прислали сапоги и питание к рации. К сожалению, батареи быстро садятся, надолго ли хватит двух комплектов?

Наш отряд теперь насчитывал более тридцати человек, что позволяло заниматься и разведкой, и диверсиями на железной дороге. Поэтому небольшую группу во главе с Пантелеем Максимуком удалось безболезненно выделить и направить в прежний район действия - южнее Осиповичей. Эта группа должна была подготовить запасную зимнюю базу. Захватив с собой взрывчатку и боеприпасы, Максимук с товарищами на другой же день после получения груза отправились в обратный путь. Мне с группой бойцов было поручено сопровождать их, чтобы помочь перебраться через железную дорогу. Мы тоже взяли с собой мины и килограммов двадцать взрывчатки с тем, чтобы обосноваться на некоторое время в районе "железки" и устроить крушение. Пока у нас были самые скудные сведения о деревнях, расположенных между рекой Свислочь и железной дорогой, но мы знали:

партизанских лагерей в этой зоне нет.

Из Маковья выехали часов в пять вечера, часть на крестьянских подводах с возчиками, которые должны, были довезти ребят до реки и вернуться обратно, а несколько человек, в том числе Чеклуев, Стенин, Никольский, Арлетинов, Морозов и я двинулись верхом.

Без приключений проехали Лозовое, Бозо, Вязовницу. Дальше пошли места более опасные: дорога Свислочь - Липень немцами использовалась довольно интенсивно. По ней то и дело проносились машины с солдатами, проходили обозы. Но сейчас, поздней ночью, здесь было спокойно. Отпустив возчиков, у деревни Малиновки мы вышли к реке Свислочь. Никаких средств для переправы нам на этот раз найти не удалось. Подручного материала хватило лишь на сооружение маленького плотика, на котором переправили на ту сторону одежду, обувь, оружие и взрывчатку. Держась за плот, переправился и Максимук. Остальным пришлось перебираться вплавь или верхом. Впрочем, это было одно и то же - из воды торчали только уши да ноздри коней, а прильнувшие к крупам лошадей верховые были по шею в воде. В целом переправа прошла хорошо, только очень продрогли. Одевшись в сухое, погнали коней рысью; пешие, держась за стремена, бежали рядом. Согрелись. Часов в пять утра устроили привал. Лошадям задали овса, а сами, натянув палатки и тесно прижавшись друг к другу, легли спать. Бодрствовать остались только постовые. Впрочем, место было настолько глухое, что эта мера предосторожности, возможно, была и лишней. Но, как говорится, кашу маслом...

В полдень один за другим начали вставать. Лошади давно уже покончили с овсом и стояли, переваливаясь с ноги на ногу, не было только почему-то коня Левы Никольского.

- Лева, а где же твой жеребец? - спросил его Костя Арлетинов.

- Что значит где. Я его привязал, как и все, - сказав это, Лева оглянулся. Но его черного вислогубого флегматичного мерина и в самом деле поблизости не оказалось.

Лошадь вскоре нашлась. Ушла она недалеко. На конце уздечки болталась крепко привязанная тоненькая веточка репейника.

- Знаешь что, Лева, если не хочешь ходить пешком, для привязи выбери в другой раз что-нибудь поосновательнее, чем куст лопуха, - не удержался я от замечания.

К слову сказать, на первых порах случалось с Никольским кое-что и похуже. То заснет преспокойно на посту, то забудет на привале бесшумную приставку к винтовке. Однажды он забыл даже винтовку, оставил в деревне, куда ездил за продуктами:

поставил ее возле двери, поел хлеба с молоком и преспокойно ушел.

И только на полдороге к лагерю вдруг ощутил, что ему чего-то недостает. Храбрый он был парнишка, беззаветно храбрый, готовый идти на любую, самую рискованную операцию, но на этот раз все у него внутри оборвалось. "Теперь-то уж меня не простят, и помирать мне позорной смертью", - подумал он и что есть сил побежал назад, в деревню. Влетел в избу с гранатой в руке:

- Где винтовка?

- Вон твоя стрельба, - ответил хозяин, указав в угол.

Лева схватил винтовку и снова побежал. Пришел в лагерь, когда все уже спали. Часовому объяснил свое опоздание тем, что объелся и промучился животом.

Что поделаешь, солдатами становятся не сразу, а в ту пору Леве Никольскому и восемнадцати не было.

Осеннее солнце поднялось уже довольно высоко, роса давно высохла. Лева с Костей начали готовить обед, а остальные по очереди пасли лошадей или чистили оружие. В путь тронулись около пяти часов вечера. Не заходя ни в одну из деревень, глубокой ночью возле деревни Гарожа вышли к железной дороге. Попрощались с группой Максимука. На краю сделанного немцами завала, в сотне метров друг от друга две группы бойцов встали в охранение. Наши товарищи спокойно перешли железную дорогу и пропали из виду, а мы углубились на несколько километров в лес и расположились на отдых. В эту ночь, да и весь следующий день движения по железной дороге не было. Видимо, где-то партизаны устроили крушение. Движение возобновилось только к вечеру, да и то лишь в сторону Осиповичей. Оставив лошадей и все лишнее имущество в лесу, мы двинулись к "железке". Прошли завал и в течение примерно двух часов вели наблюдение. Несколько раз, стуча коваными сапогами, через почти равные интервалы времени прошла охрана. Поезда пока не было, но он мог появиться в любую минуту - надо двигаться ближе к полотну железной дороги.

На этот раз взяли с собой мины с электродетонаторами замедленного действия, так как поезда стали ходить с двумя-тремя платформами впереди. И не ошиблись. Фугас взорвался под паровозом Крушение удалось. Паровоз и восемь вагонов были разбиты. При крушении погибло много вражеских солдат и офицеров, следовавших на отдых. Движение на железной дороге гитлеровцам удалось восстановить только к вечеру следующего дня.

Пока ремонтники разбирали вагоны и восстанавливали путь,

мы побывали в нескольких ближайших к железной дороге населенных пунктах. Зашли в Ражнетово-1. Полиции в деревне не было. Жители встретили нас очень радушно. От них мы узнали, что полицейских управ нет и в других ближайших деревнях Залесье, Александровке и Мотовиле. Заночевали в лесу, а на другой день снова пришли в деревню И снова узнали много интересного.

Во-первых, что в окрестных лесах можно найти луки от седел, деревенские мальчишки даже обещали нам помочь в поисках. Во-вторых, что возле деревни Гарожи в лесу когда-то были большие склады артиллерийских снарядов В боях с наступающими фашистами использовать их полностью, видимо, не удалось, и склады были взорваны. Снаряды взорвались не все, часть из них силой взрыва отбросило на десятки и сотни метров. И наконец те же мальчишки под большим секретом сообщили нам, что поблизости, в лесу, скрывается беглый немецкий солдат и ищет встречи с партизанами.

Этими сведениями мы воспользовались немного позже, а пока решили устроить очередное крушение. Поздно вечером проехали Залесье, Александровку и между станциями Ясень и Татарка оказались недалеко от железной дороги. Место открытое, для подхода неудобное. Хорошо еще, что луны не было.

Минировать на этот раз вызвались Лева Никольский, Коля Суралев, Миша Золотов и Федя Морозов.

Минирование прошло удачно. Где-то через час в сторону Бобруйска проследовал эшелон, и... и ничего. Мина не сработала.

- Лева, а батарейку проверил? - спрашиваю Никольского.

- А зачем ее проверять, ведь только что прислали!

- А все-таки?

- На язык попробовал, щиплет.

Обычно батарейки мы проверяли лампочками, но на этот раз такой проверки не сделали, и вот результат. Как теперь быть? Заряд жалко, а снимать его теперь опасно: чуть тронешь провод - может сработать детонатор. На такое дело послать кого-либо, сказав: "Иди сними заряд", - я не мог. Лева, чувствуя за собой вину, заявил, что пойдет снимать сам. Можно было и мне пойти с ним, но я решил отпустить его одного, пусть исправит свою ошибку, испытает еще раз свое мужество, это пойдет ему только на пользу.

Лева пополз к полотну.

- Сначала вытащи из фугаса детонатор, а потом отсоедини батарею, - шепотом напутствовал я его, хотя он прекрасно знал, в каком порядке надо проводить разминирование.

Батарея и в самом деле оказалась слабой. Спасенный заряд

вскоре вновь был использован. Минировали опять Никольский и Суралев. Ими был подорван эшелон с военной техникой, следовавший в сторону Бобруйска. А для Левы Никольского этот случай с миной стал переломным. После него он избавился от детской беспечности и рассеянности, стал хорошим бойцом.

Основной запас взрывчатки группа использовала, но мины, батарейки и несколько шашек прессованного тола у нас еще оставались. Возвращаться за взрывчаткой в Маковье было очень далеко, и поэтому мы решили заняться выплавкой тола из снарядов. Мы знали, что плавленый тол детонирует от взрыва прессованного. Погода для начала октября стояла просто прекрасная, и провести еще несколько дней в лесу можно было совершенно спокойно.

Снаряды доставили из-под Гарожи, навьючив ими лошадей, и в лесном лагере закипела работа. Ни корыта, ни бачка под руками не было - снаряды разогревали прямо на костре. Этим делом занимались попарно, поочереди, а остальные бойцы в это время в безопасном месте оборудовали седла.

Движение поездов пока не возобновилось, и мы съездили в деревни Журавец, Ясень, Александровку - населенные пункты, примыкающие к самой железной дороге. В этих деревнях партизаны появлялись редко, и нам удалось в них раздобыть кое-что из военного обмундирования, а главное, разжиться темно-синими суконными казакинами. Они были на подкладке, наглухо застегивались крючками и пришлись нам очень кстати.

Весь день шестого октября мы провели в Ражнетове-1. С большим трудом вспоминая немецкие слова, Я написал дезертиру-немцу записку, чтобы он пришел в деревню. Под вечер мы с ним встретились. И вот тут мне пришлось пожалеть о том, что в школе да и в институте я не особо налегал на немецкий язык. Знать бы тогда, что он со временем пригодится. И, напрягая, память, я произнес:

- Гутен морген, гутен таг.

Ребята рассмеялись, засмеялся и немец. И тут оказалось, что он вполне сносно, хоть и с сильным акцентом может говорить по-русски.

- Здравствуйте, - произнес он и улыбнулся.

Это был молодой человек лет двадцати пяти, с хорошей военной выправкой, но худой, грязный и бледный. Старый потрепанный мундир висел на нем как на вешалке. Оружия при немце никакого не было Из его рассказов следовало, что он антифашист. Не желая воевать против нашей страны, две недели тому назад он сошел с эшелона, идущего в сторону Бобруйска, и подался в лес. В деревнях появлялся редко, опасаясь, что его

могут схватить полицаи или жандармы. Рассчитывал с помощью местных жителей встретиться с партизанами и теперь очень рад, что встретился.

- Для чего? - спросил я.

- Чтобы воевать с фашистами.

- Почему мы должны верить вам?

- Я передам важные сведения, которые могут быть использованы командованием Красной Армии.

- Какие именно?

- Нумерацию, вооружение, численность войсковых частей, расположенных в Марьиной Горке и Пуховичах.

Кто же он такой - враг или друг? Если друг, будет у нас больше на одного безоружного бойца, если враг, то каковы его намерения? Надо доставить перебежчика в партизанскую зону и там хорошенько во всем разобраться. Кстати, и отдохнем несколько дней в теплых избах. Честно говоря, за эту неделю изрядно устали. Хотя днем и тепло было, зато ночами холод пробирал до костей.

Послали разведку к реке Свислочь - в той стороне виднелось зарево от огромных костров. Разведчики вскоре вернулись. Оказалось, что это наши товарищи во главе с Шарым уничтожают запасы дров, заготовленных оккупантами. Через некоторое время они появились в нашем расположении.

- Из чего же плоты будем делать? - поздоровавшись, спросил я у Шарого.

- На плоты оставили. А дрова... Не оставлять же их немцам.

- А что, собираются вывозить?

- Уже возят. Вернее, вывозили. На тракторных санях, а потом уж перегружали на машины.

Шарый еще накануне заминировал дорогу и взорвал трактор, а теперь вот догорают дрова. Скоро от огромных штабелей останутся только кучи золы...

Я доложил Шарому, что нам удалось подорвать два воинских эшелона, отметил мужественный поступок Никольского. Капитан похвалил меня и ребят за то, что заготовили взрывчатку, а когда подвели к нему дезертира, поморщился и произнес:

- Не имела баба хлопот, да купила порося! На черта он нам нужен?

- Ганс утверждает, что может дать важные разведданные, - заметил я.

- Послушаем, - сказал Шарый и спросил немца: - Что вы можете сообщить?

И тот неторопливо стал перечислять наименования, нумерацию, численность и вооружение войсковых частей,

размещенных в Марьиной Горке и в Пуховичах.

- Очень интересно, - заявил Шарый, - спасибо. - И пожал Гансу руку. Тот сразу повеселел. Затем Шарый взял меня под руку и отвел в сторону.

- Все, что он сказал, соответствует самым свежим данным из других источников. Это подозрительно.

- Почему?

- Ведь он дезертировал две недели назад. Неужели за это время не произошло никаких перемещений войсковых частей?

- Могло и не произойти.

- А если произошло, то знать об этом, находясь в бегах, немец не мог, если, конечно, он не вражеский лазутчик.

- Верно. Это же нетрудно проверить.

- Сейчас мы тронемся в путь, будем вести за ним тщательное наблюдение. Возможно, он чем-нибудь выдаст себя.

Договорились мы и еще кое о чем.

Ганс быстро освоился со своим положением. Уже на переправе через Свислочь он хлопотал, как и все, с интересом работал на сборке плота, стараясь быть на виду у Шарого. А когда переправились, перешли шлях и устроились на отдых в деревне Игнатовке, проявил вдруг чрезмерное любопытство к нашему маршруту, то и дело заглядывая в развернутую Шарым карту. Он спрашивал, какие населенные пункты мы должны пройти, далеко ли до лагеря. Если Ганс немецкий агент, то поведение его непонятно. Разведчик вел бы себя иначе. А может быть, он специально прикидывается простаком? Или считает нас круглыми дураками?

Шарый между тем, не высказав, казалось, Гансу и тени неудовольствия, подробно и охотно рассказал о нашем маршруте. В вещевых мешках бойцов нашелся и комплект белья, и портянки, и костюм. Гансу перед сном предложили переодеться, что он сделал с большой охотой.

- Эй, Петро, - крикнул Шарый Токареву, - выброси это барахло, - и кивнул на тряпки Ганса.

Однако барахло выброшено не было, оно попало в другой дом, и там его тщательно осмотрели, но каких-либо уличающих немца документов обнаружить в одежде не удалось.

- Ну а теперь спать, - скомандовал Шарый, - Ганс, Петро - на печку!

Шарый и еще несколько бойцов легли на полу.

Среди ночи Токарев обул сапоги Ганса и вышел по нужде.

Ганс в это время, возможно, и не спал, но не проявил никакого беспокойства - не лапти же обувать бойцу, чтобы сходить на двор. Вскоре Петро вернулся, зябко поеживаясь, три

раза кашлянул в кулак, поставил на место сапоги, забрался на печь и тихо улегся. Все мы за этот день очень устали и не хотелось среди ночи затевать допрос. Достаточно было дать понять Шарому, что в сапоге оказался изобличающий документ, что и сделал Токарев тихим покашливанием.

Еще до рассвета в домах, где остановились наши бойцы, хозяйки стали готовить завтрак - где картошку, где драники - своими продуктами мы не располагали, поэтому никаких претензий к ним быть не могло, накормили нас чем могли, и на том спасибо. После завтрака, когда начало светать, мы ушли в лес. На первом же привале Шарый подозвал к себе Смирнова, Морозова и меня и велел привести Ганса.

Тот, ничего не подозревая, сидел на пеньке и насвистывал какую-то мелодию. Ни слова не говоря, Шарый развернул бумагу, которая была обнаружена у немца, и показал ему. Ганс побледнел, рванулся, но крепкие руки Васи Смирнова не позволили ему даже сдвинуться с места.

- В этом документе, - начал Шарый, - написано, что обер-лейтенант Ганс Мюллер направлен с особо важным заданием к партизанам, и всем немецким учреждениям и частям вермахта надлежит оказывать ему всяческое содействие. В чем заключалось ваше задание?

Мюллер поднял на Шарого полные ненависти глаза и произнес:

- Я вам ничего не скажу.

- Что так?

- Все равно вы меня расстреляете.

- Почему? Если вы располагаете важными сведениями, например, в какие районы, в какие отряды направлены ваши люди, с какой целью их послали, мы сохраним вам жизнь и с первым же самолетом переправим в Москву. Подумайте.

На этом разговор закончился. Шарый распорядился увести пленного.

Когда мы остались одни, подошли и другие бойцы.

- Что с ним церемониться, - заявил Лева, - расстрелять его, и все дела.

- Это не годится, он может дать важные показания, да и не нам этим заниматься. Мое предложение - сдать его партизанам, - сказал я. Шарый согласился.

Примерно через неделю после возвращения в Маковье Шарый предложил мне съездить в разведку под Марьину Горку. За прошедшее время там могли произойти изменения - одни части могли сменить другие. Решили ехать на телеге. Запрягли тройку лошадей. Со мной поехали Саша Чеклуев, Миша Золотов и Саша Стенин.

Путь был не близкий - километров тридцать пять, поэтому до места добрались уже к вечеру Золотову пришлось остаться с лошадьми, а мы втроем зашли к нашей связной. От нее узнали интересную новость: при крушении поезда с ранеными под Осиповичами в ночь на 2 октября 1942 года разбилось восемь вагонов. По слухам, при этом крушении погибло восемьдесят солдат и офицеров противника. Получивший при этом тяжелые увечья генерал скончался. Это была наша работа.

Уже в полной темноте один из партизан отряда "Правда" проводил нас в свой штаб. Данные нашей разведчицы подтвердились. Здесь нас приняли очень хорошо, накормили самих, дали лошадям овса, что было для них редким лакомством, и утром мы выехали в Маковье. Шарый составил текст радиограммы, дал прочитать мне. Затем Зализняк зашифровал ее и передал Хозяину: "В Марьиной Горке расположилось 1800 курсантов зенитно-артиллерийской школы No 0/П-41 Там же находится гренадерский полк No 2635 п/п 11024. На станции Талька гитлеровцы разгрузили 32 вагона с авиабомбами". Сообщили также о результатах диверсии на железной дороге.

Подарки к Октябрю

Нынче в Маковье вечеринка На потолочной балке просторной

избы висит маленькая керосиновая лампа В полумраке, в табачном дыму кружатся пары. Девушки и молодые солдатки не чураются партизан и весело отплясывают "Лявониху", падеспань, польку, словом, местные танцы. Наши пока приглядываются Танцы заканчиваются, начинается пляска. Тут уж наши товарищи овладевают кругом и вниманием женской половины. Ну как не заметить лихого плясуна Игоря Курышева, неутомимого Семена Самуйлика, щеголеватого Федю Морозова с бакенбардами и шпорами...

Утомленные и возбужденные расходимся по домам только в первом часу ночи..

На следующий день, 21 октября, снова отправились на "железку". Взяли с собой только мины, батарейки, детонаторы, несколько шашек прессованного тола и детонирующий шнур. Плавленый тол у нас был припрятан под Ражнетовом. Поздно вечером вышли к железной дороге. На этот раз добрались быстро - ехали верхом. Через Свислочь переправились на лодке, лошадей пустили вплавь.

Движение поездов на этом участке было очень слабым - один-два эшелона в день. Очевидно, где-то поблизости партизаны устроили большое крушение. Чтобы еще больше застопорить движение, мы решили взорвать железнодорожный мост между станциями Татаркой и Ясенью - на восстановление его, особенно если взорвем каменные опоры, немцам придется потратить много времени и сил.

Нет движения - нет и обходчиков: мост не охраняется. Перерезав проволочное заграждение, заложили два фугаса в опорах моста, соединив их детонирующим шнуром. Зажгли бикфордов шнур и отошли в безопасное место. Вскоре раздался оглушительный взрыв, в разные стороны полетели куски шпал, рельсов, камни... И стало тихо. На месте моста зиял огромный провал.

В свой лагерь мы приехали часов в шесть утра, отдохнули у костра и вернулись в деревню. Позавтракали в разных домах и собрались на окраине. От местных жителей узнали, что поблизости, в Панских Татарковичах, у немцев есть небольшое подсобное хозяйство. Там трактор, молотилка, десять баварских тяжеловозов, пароконные фурманки. Нетрудно было сообразить, что там, где трактор и молотилка, должны быть и приводные ремни, которые были ним позарез нужны для изготовления седел.

- А как охрана? - спросил я.

- Не больше десятка немцев и полицаев. Вооружены карабинами. Правда, рядом станция Ясень, подмога может подойти быстро, - ответил из жителей - высокий седой старик.

- Ну как, ребята? Мы же на лошадях, уйдем в случае чего, - обратился я к товарищам.

Операция была весьма заманчивой, поэтому никаких возражений не последовало. Только в какое время сделать налет, днем или ночью? Ночью там в темноте, пожалуй, и не разберешься, лучше, наверное, средь бела дня, когда немцы не ждут.

- Так вот, друзья мои. Налет сделаем днем, выедем из леса с шумом, гиком, стрельбой, пускай охрана разбежится, черт с ней, нам важно разгромить хозяйство, забрать имущество. Согласны?

- Согласны, - дружно ответили бойцы.

Когда мы влетели на ток, немцев и полицаев там и след простыл, рабочие, бросив трактор и молотилку, тоже разбежались.

- Лева, Костя, срезайте все ремни. Стенин, Смирнов, запрягать лошадей. Остальным насыпать в мешки овес, живо! - скомандовал я.

Ребята с удивительной ловкостью и быстротой запрягли десять упитанных короткохвостых першеронов в пароконные немецкие фурманки, нагрузили их овсом, подожгли конюшню, солому, необмолоченный овес в скирдах и машины. Жалко было только трактор ХТЗ, угнать бы его. Но нет, не получится, скорость у него мала, все равно придется бросить - погони не миновать. В Ясене уже подняли тревогу, началась стрельба. Не задерживаясь больше ни минуты, галопом погнали лошадей в упряжках, за ними поскакали верховые. До леса оставалось не более двухсот метров, когда, поднимая клубы пыли, нас стали настигать несколько мотоциклов и машина с солдатами.

- Стой, - приказал я, - огонь по первой машине!

Не слезая с коней, мы стали отстреливаться из автоматов, и передний мотоцикл завалился. Подводы уже въехали в лес, мы пустили коней в галоп и вскоре их догнали. Раненых и убитых среди нас не было. Немцы еще продолжали стрельбу, но преследовать дальше не стали.

Вскоре мы вернулись в Маковье. Шарый немножко пожурил нас за эту рискованную операцию. В самом деле, если бы немцы оказали организованное сопротивление, нам бы несдобровать. Но операция удалась - налет был неожиданным и дерзким, а победителей, как говорится, не судят. Трофеями нашими капитан был доволен. Пять першеронов и пару фурманок мы оставили у себя, а остальных лошадей обменяли у крестьян на кавалерийских. Три фурманки отдали королевцам. Теперь у нас появились всевозможные ремни, и изготовление седел пошло полным ходом. С этим надо было поторапливаться. Скоро

праздник - 25-я годовщина Октября, и событие это хотелось отметить делом.

Местом своего расположения мы теперь избрали деревню Полядки, поближе к железной дороге. Одновременно наша группа являлась и сторожевым постом партизанской зоны - южнее нас партизанских баз и лагерей не было. Шарый с радистом Зализняком, Ниной Морозовой, которая стала помощницей радиста, и небольшой охраной продолжали жить на лесной базе, недалеко от Полядок.

Впрочем, Зализняк часто наведывался к нам в деревню. И каждый раз просил взять его на "железку". Но мы в эти дни диверсионной работой не занимались, поэтому Василию приходилось довольствоваться нашими рассказами о прошлых операциях. Он слушал и с сожалением произносил каждый раз: "Эх жаль, что меня не было с вами". Василий любил послушать, но умел и сам рассказывать. В речи его русский и украинский языки смешивались в один какой-то очень сочный, звучный и немного смешной язык. В конце концов мы его обычно просили спеть украинские песни, и лишь в полночь кто-либо из бойцов провожал Зализняка на базу.

В конце октября от Максимука пришел связной. Ему без карты и компаса пришлось пройти несколько десятков километров, пересечь тщательно охраняемую железную дорогу, переплыть реку Свислочь. Это было по плечу только такому опытному бойцу, как Костя Сысой, - он партизанил с 1941 года.

Группа Максимука, как доложил Сысой, за прошедший месяц сумела нанести немалый ущерб противнику: пустила под откос два воинских эшелона, устроила три засады на Варшавском шоссе.

- А как база? - спросил Шарый.

- Под Тарасовичами мы построили две землянки и сделали запасы картошки и муки.

- Надолго ли хватит этих запасов?

- Пожалуй, месяца на два.

- Ну что ж, очень хорошо.

Вскоре нас опять потянуло к "железке", да и время подстегивало. До праздника оставалось совсем немного. Двадцать девятого октября мы уже были в Ражнетове-1 - решили устроить очередное крушение или, если удастся, взорвать еще один мост возле станции Татарки. Во второй половине дня выехали к лесному завалу. У лошадей осталось двое: Коля большой (Кадетов) и Коля маленький (Кашпоров), недавно принятые в отряд.

Никольский, Арлетинов, Смирнов, Суралев, Курышев,

Чеклуев и Стенин пошли со мной. Одолев завал, мы довольно долго изучали систему охраны. На этот раз хорошего было мало. По путям проходили патрули немцев по шесть человек, вооруженные ручными пулеметами и автоматами, а при них на поводке - овчарка. Пусть бы охрана была и больше, это неважно, но одна овчарка, натасканная на запах тола, могла испортить все дело. Оставалось только одно - заминировать полотно перед самым подходом поезда. Распределив между собой обязанности, стали ждать. Но за всю ночь не прошло ни одного поезда. Движение началось только утром. Вместе с началом движения возобновилось и патрулирование. Уходить, ничего не сделав, было не в наших правилах. Стали думать, как устроить крушение средь бела дня.

Лева вызвался ставить мину: как обычно, пропустить охрану, выскочить к полотну, быстро установить фугас и бежать в укрытие. Мне, однако, эта идея не очень понравилась.

- Не забывай, Лева, что светло, может быть, успеешь заминировать, и поезд подорвется, но сам-то уже не уйдешь, до завалов почти сто метров. Нет, надо что-то другое придумать.

- А что, если завязать бой с охраной, - предложил Смирнов, - и в это время заминировать полотно?

- Прекрасно, но патрульные дадут ракету, поезд остановится, и мину снимут.

- Пусть снимают, - сказал Суралев, - мы поставим для приманки небольшой фугас, а основной заряд установим правее, за поворотом.

- Хорошо, - согласился я. - Так и сделаем. А теперь давайте договоримся: Никольский, Смирнов и Суралев ставят основной заряд. Мы со Стениным приманку. Остальные во главе с Чеклуевым идут вдоль завала, ни на шаг не отставая от охраны. При подходе поезда состороньБобруйска Чеклуев завязывает бой с охраной. Минеры, пока будет идти перестрелка, должны успеть поставить фугасы. Слышишь, Николай?

Когда стал подходить поезд, патруль оказался в двухстах-трехстах шагах от нас со Стениным. Группа Чеклуева открыла по ним огонь, завязалась перестрелка. Мы с Сашей вышли на полотно, начали минировать. Кто-то из немцев, залегших по ту сторону полотна, засек нас, и над нашими головами засвистели пули. Пришлось прятать голову за рельс и работать в не очень удобной позе. Стенин не выдержал, положил автомат на рельс и начал бить длинными очередями. Паровоз, подав тревожный гудок, стал сбавлять скорость. Из заднего вагона на ходу выскочили охранники и поспешили на помощь патрулю. По ним ударила из автоматов группа Саши Чеклуева, а мы со Стениным

что есть мочи побежали к лесному завалу.

Теперь надо дать возможность охране снять фугас. Чеклуев прекращает стрельбу - пусть немцы думают, что партизаны ушли. Вот раздаются ликующие возгласы гитлеровцев - фугас обезврежен, поезд может продолжать движение. На наших глазах он постепенно набирает скорость, мимо нас проносятся последние вагоны, и тут раздается мощный взрыв.

В лесу встречаем Леву Никольского, Васю Смирнова и Колю Суралева - они ставили десятикилограммовый фугас.

- Молодцы, ребята! - говорю я. - Под откос полетели паровоз и не меньше двенадцати вагонов. Операцию разыграли как по нотам. Великолепный подарок к празднику!

Дело сделано. Теперь можно заехать в Ражнетово-1, перекусить, а затем возвращаться в Полядки. Все очень утомились и озябли, и лишь возбуждение от недавнего боя и радость победы поддерживали в нас силы и бодрость. Ни с чем не сравнить ощущение, которое испытываешь, когда выходишь из боя целым и невредимым. Мы привыкли к опасностям, и когда их не было, жизнь становилась какой-то тусклой, неинтересной. Вот почему нас вновь и вновь тянуло на дело, связанное с риском, опасностью для жизни, ибо это и была наша жизнь.

Когда мы вернулись в Полядки, нам пришлось окунуться в новые заботы. Ездить на лошадях хорошо, но ведь их надо кормить, да и самим надо чем-то питаться. Трофейный овес уже кончился. Пришлось за продуктами и фуражом съездить в одну из отдаленных деревень, примыкавшую к немецким гарнизонам. В деревне мы собрали жителей, рассказали им о событиях на фронтах Великой Отечественной войны, о самоотверженной борьбе партизан. Сказали и о помощи, в которой они нуждаются. Никто из жителей не остался равнодушным к нашей просьбе, и подводы стали быстро нагружаться.

Мешки с овсом и житом затаривали на земле. Иногда грузить их на подводу приходилось Леве с Костей. И нельзя было удержаться от смеха, видя, как они, словно заправские грузчики, пытаются взвалить тяжелый мешок на спину и сбросить на воз. Мешок увлекал их за собой, они падали, чертыхались, поднимались, и все начиналось сначала - городским ребятам никогда до этого не приходилось заниматься подобной работой.

Кроме фуража и продуктов, мы попросили у жителей деревни также керосина, скипидара и древесного спирта. Дело в том, что мной с недавних пор овладела одна идея: выскочив из леса верхом на конях, закидать проходящий эшелон бутылками с горючим и сжечь его. Охрана при этом, конечно, откроет огонь - что ж, надо будет хорошенько подумать, как избежать потерь. А

пока на заброшенных стареньких строениях на окраине Полядок мы отрабатывали конструкцию зажигательных средств.

Прежде всего горючая смесь должна быть в бутылках - бутылку легко кидать, она бьется, горючее разливается и охватывает большую площадь. Придумали также класть в бутылки паклю - она хорошо прилипает к дереву и металлу, но самое главное - в ней хорошо держатся кусочки белого фосфора. Фосфор на воздухе вспыхивает, загорается керосин. Теперь в это место можно кидать бутылки с любым горючим: бензином, скипидаром, спиртом. Иные посмеивались над нашей затеей, но большинство считало, что эксперимент удался, дело за практической его реализацией.

Так незаметно в хлопотах и заботах прошло несколько предпраздничных дней. Наступило 6 ноября. Хозяйка квартиры, которая всегда относилась к нам очень хорошо, с утра была уже в хлопотах - видимо, хотела угостить нас как-то по-особенному. Завтра в избе, где мы жили со Стениным и Чеклуевым, должен собраться к обеду весь наш отряд. Называть группой его уже не следует. Нас более тридцати человек. Отряд наш хорошо вооружен, имеет связь с центром, время от времени получает груз с Большой земли, является боевой, дисциплинированной единицей и пользуется большим авторитетом среди местных жителей. Многие из них просятся к нам, но мы берем далеко не всех. Для новичков нужно оружие. Хозяин нашего дома на днях раздобыл где-то три винтовки и несколько сот патронов. Это было очень кстати. Накануне праздника мы зачислили в отряд несколько человек, в том числе Андрея Гришановича из Полядок, которого знали как преданного Родине, смелого парня. Новички в торжественной обстановке перед строем приняли партизанскую присягу.

К обеду 7 ноября собрались все наши товарищи. Посередине большой комнаты стояли сдвинутые друг к другу некрашеные, но чисто выскобленные столы и скамейки. На столе немножко водки, соленые огурцы, грибы и только что испеченные, с пылу, с жару, румяные пшеничные пирожки с мясом.

Из-за стола встал наш командир - капитан, нет, уже не капитан, а со вчерашнего дня - майор Шарый. Он зачитал радиограмму Хозяина, полученную 6 ноября. В ней говорилось:

"Группа пришла к 25-й годовщине Октября с большими успехами в боевой деятельности. За время пребывания в тылу противника вы нанесли врагу существенный урон, устроив двадцать два крушения немецких воинских эшелонов, от вас регулярно поступают важные разведывательные данные. Поздравляю личный состав с 25-й годовщиной Октября, желаю

дальнейших успехов в деле разгрома немецко-фашистских войск... Передаю приказ войскам Западного фронта от 1 ноября 1942 года. За мужество и отвагу, проявленную в боях с немецко-фашистскими захватчиками, наградить:

Орденом Красного Знамени:
Шарого Илью Николаевича,
Фазлиахметова Фарида Салиховича,
Максимука Пантелея Григорьевича,
Самуйлика Степана Алексеевича,
Чеклуева Александра Васильевича,
Стенина Александра Алексеевича,
Курышева Игоря Александровича.
Орденом Красной Звезды:
Никольского Льва Константиновича,
Суралева Николая Яковлевича,
Смирнова Василия Дмитриевича,
Соколова Виктора Сергеевича.
Поздравляю с высокими наградами. Хозяин".

Закончив чтение радиограммы, наш командир произнес тост, который начал так: "Друзья мои, боевые товарищи.. "

Действительно, мы были друзьями, боевыми товарищами. Чтобы познать человека, говорят, надо съесть с ним пуд соли. Может, это и так в обычных житейских условиях, а вот на войне люди познаются быстрее. Познаются по поведению в сложной обстановке, по боевым делам. На войне каждый на глазах. Поэтому и суть человека, его душа видна сразу каждому.

Боевой друг не бросит в беде, выручит в трудную минуту, вытащит с поля боя, если ты ранен. Эта вера друг в друга и была основой нашей боевой жизни и деятельности.

Шарый поздравил награжденных, пожелал всем успеха в боевых делах и предложил выпить за нашу победу. Выпили, закусили и, как всегда бывает в таких случаях, захотелось песен. Тут уж не растерялись Лева Никольский и Костя Арлетинов. Вместе с нами от души веселился наш командир. В нем как-то удивительно сочетались отчаянная храбрость, сила воли, доброта и непосредственность. С таким командиром можно было идти в огонь и в воду.

...А какой радостью наполнялись наши сердца, когда мы получали весточки от друзей по нашей войсковой части, работавших в немецком тылу за многие сотни километров от нас.

26 ноября через наше расположение прошла группа из Кричевского района Белоруссии. Она благополучно переправилась через Березину и двигалась теперь на запад, в новый район действий. Нельзя было не восхищаться этим рейдом.

Бойцы должны были пройти пешком сотни километров мимо десятков вражеских гарнизонов накануне наступающей зимы. Где-то они будут отдыхать в походе, где укроются в голом лесу в случае преследования? . . Кто-то из них передал мне письмо от Нади Беловой - одной из тех девчат, что провожали нас в Белоруссию.

"Привет, Фарид! Здравствуйте, Шарики!

Не помню точно, какие ребята там у вас есть, но все-таки очень хотелось бы всех повидать. Пробыли мы здесь больше чем полгода. За это время потеряли многих своих товарищей и вот вчера тоже похоронили Володю М. и Грицко В. двух лучших товарищей и бойцов. Нет с нами и нашей Лели (Колесовой). Больно и обидно, но все же мы не падаем духом и продолжаем вести борьбу с фашистами и их приспешниками.

Фарид, передай от меня поздравление Шарику с повышением и наградой и самые лучшие пожелания.

Привет вам, ребята, от наших девчат и ребят. Может быть, встретимся здесь, в Белоруссии. Ну, бывайте здоровы. С приветом, Надя".

Дружба, боевая дружба... Все в жизни проходит, но она остается. До сих пор я храню это и другие фронтовые письма как самые дорогие реликвии.

Трудное время

Наступила поздняя осень. Земля застыла. На ней так и остались бугорки и ямки от конских копыт - снег все еще не выпал. Ездить на некованых лошадях стало невозможно. Ушло порядочно времени на то, чтобы подковать коней и пополнить запасы горючей смеси. Но вот наконец выпал снег, установился санный путь, река Свислочь замерзла. Можно ехать на железную дорогу.

Едет нас двенадцать человек на шести подводах. Шесть оседланных лошадей идут на привязи рядом с упряжкой. Ночью перешли по льду реку, не останавливаясь, миновали Брицаловичи и только в Мотовиле накормили лошадей и дали им отдохнуть. Самим было не до отдыха. Надо срочно выяснить обстановку в районе, мы давно здесь не были, за это время она могла измениться. Так оно и оказалось. В Ясени стоит батальон гитлеровцев, в Татарке - около роты полицаев и немцев. Задача: охрана подступов к железной дороге, уничтожение партизанских подрывных групп.

Из Мотовилова повернули на запад, к дому лесника, расположенному севернее Ражнетова-1 - место наиболее удобное для отдыха и наиболее безопасное - лес рядом. Недалеко отсюда были спрятаны бруски плавленого тола - они нам понадобятся,

чтобы устроить крушение на железной дороге. За взрывчаткой отправились Чеклуев и Стенин. Вернулись они крайне огорченными - взрывчатки на месте не оказалось. То ли немцы ее нашли, то ли партизаны - трудно сказать. Но факт оставался фактом - операцию в том объеме и порядке, как было задумано, осуществить уже не удастся. Что делать? Придется ехать под Гарожу, найти там снаряды и выплавить тол. Порешив на этом, расположились отдыхать в доме лесника.

В протопленную печь хозяйка поставила хлеб, и по теплой избе поплыл неотразимо приятный запах, знакомый каждому, кто жил в деревне. Этот запах самой что ни на есть мирной жизни уносил далеко от войны, успокаивал и убаюкивал. Ребята, расположившись кто на полу, кто на лавках, задремали. Никто, конечно, не разувался и не раздевался.

Но долго отдыхать нам не пришлось. В хату вбежал взволнованный часовой:

- Тревога! К хутору идут немцы!

Я бросился к крыльцу и увидел на расстоянии не более двухсот метров развернувшуюся цепь гитлеровцев. Их было много, не меньше сотни. Гитлеровцы, видимо, рассчитывали прихлопнуть нас на хуторе, и это им почти удалось. Поздно обнаружили врага часовые, поздно...

Мы выскочили во двор. С флангов тут же открыли огонь два вражеских пулемета, у надворных построек стали рваться мины. Наше спасение - лошади. Они стояли запряженные, чтобы в случае опасности не канителиться с упряжью. Но, испуганные взрывами мин и стрельбой, лошади сорвались с привязей.

С большим трудом нам удалось вывести за ворота несколько подвод, и, рассыпавшись веером, мы погнали лошадей в сторону леса. Хорошо еще, что снега было мало и сытые кони быстро уносили нас прочь. Над нами свистели пули и осколки мин. Убило моего гнедого мерина, который был под седлом и бежал на привязи. Убило лошадей Левы Никольского и Николая Кадетова. К лесу дошли только три упряжки, но люди, к счастью, не пострадали. Лошадей пришлось распрячь и взять под уздцы.

Опасаясь преследования, спешим скорее пересечь бездействовавшую до сих пор железную дорогу Осиповичи - Могилев. Но на этот раз по ней курсирует бронепоезд и ведет по лесу беглый артиллерийский огонь.

Вынужденная остановка. Проверяю наличие бойцов. Нет пока Андрея Гришановича и Кости Сысоя, они оставлены в засаде. Беспокоит, нет ли погони, не наступают ли немцы на пятки? Крепко они нас прищучили, черт подери!

Приказываю Крышеву и Золотову вернуться назад,

постараться найти Андрея и Костю, установить, далеко ли фашисты. Кашпорова, Кадетова, Никольского и Арлетинова посылаю вдоль линии посмотреть, нет ли где трубы под насыпью.

Со Стениным, Чеклуевым и остальными ребятами ведем наблюдение за бронепоездом. Он медленно двигается то в одну, то в другую сторону, паровоз окутан клубами пара. Минут через десять возвращаются Лева с Костей. Они сообщают, что слева есть труба, через которую можно перебраться на ту сторону. Это уже неплохо, но что делать с лошадьми? Не оставлять же их немцам?

Вслед за Никольским и Сысоем прибежали Курышев и Золотов. Андрея и Костю они не встретили, но обнаружили, что фашисты по нашим следам вошли в лес. Вот почему прекратился минометный огонь и замолк бронепоезд. У немцев, видимо, есть радиосвязь.

- Друзья мои! - обратился я к бойцам. - Положение наше сложное. Дорога каждая минута. Приказываю: пешие быстро вправо, в трубу - и на ту сторону. Чеклуев, выводи конников. Найдите место с низкой насыпью, разгоните лошадей в галоп и перескочите, чтобы немцы и глазом моргнуть не успели, а там выйдете на наш след, и пойдем вместе.

Получилось все хорошо. Пешие прошли незамеченными. Конников немцы обстреляли, но обнаружили они их поздно, и ребята успели скрыться в лесу. Артиллерия и минометы гитлеровцев заработали позже, вероятнее всего, тогда, когда эсэсовцы и полицаи вышли к бронепоезду. Но огонь немцы вели наобум, и нам он не причинил никакого вреда.

Под утро следующего дня мы благополучно прибыли в Полядки. Было досадно, что диверсия сорвалась, что потеряли несколько лошадей и седел, но самое печальное было то, что мы ничего не знали о судьбе Кости Сысоя и Андрея Гришановича. Ребята как могли старались объяснить родителям и сестрам Андрея, почему его нет с нами, успокаивали... Но те, конечно, тревожились безмерно ведь для Андрея это было первое боевое задание.

Костя Сысой вернулся в Полядки на следующий день. Они с Андреем, находясь в охранении, вовремя заметили растянувшуюся в цепочку группу противника, которая двигалась в обход дома лесника с левого фланга. Вскоре стало ясно, что перед ними полицаи. Укрываясь за стволами деревьев, Сысой и Гришанович открыли огонь из винтовок. Полицаи залегли, началась перестрелка. Но долго сдерживать их ребята не могли. Выйдя из боя, Костя и Андрей разошлись на всякий случай в разные стороны. Андрей в лесу был ранен в ногу осколком мины, двигаться не мог и спрятался в стогу сена. Его нашли на другой

день бойцы из отряда Королева.

Сысой и Гришанович своими действиями, можно сказать, спасли нашу группу. Поставленную цель - отрезать нам пути отхода - гитлеровцы и полицаи выполнить не смогли.

Когда я рассказал Шарому об обстоятельствах провала операции, он немного подумал и с полной уверенностью сказал:

- Немцы получили информацию прямо отсюда, из Полядок!

- Я тоже так думаю, но кто это мог сделать? Здесь в деревне мужчин-то раз, два и обчелся. Хозяин наш? Но ведь он сам нам достал винтовки и патроны...

- Перед вашим выходом на задание хозяин не отлучался из дому?

- Перед выходом - нет, а вот после - этого я не знаю.

На этом наш разговор закончился, но зерна сомнения в душе были посеяны: кто же все-таки предатель? Кто из этих обитателей маленькой деревушки в десять-двенадцать домов, с которыми, казалось, мы жили очень дружно?

Выяснить это удалось лишь спустя много лет. И вот что нам стало известно.

Как только мы выехали к железной дороге, хозяин нашего дома торопливо запряг лошадь и, с опаской оглядываясь по сторонам, тихо выехал за околицу. Когда крайние дома деревни утонули в ночной темноте, он погнал лошадей рысью. Не останавливаясь, проехал деревню Погорелое и, лишь подъезжая к полицейскому посту, на въезде в местечко Лапичи, натянул вожжи.

Постовым полицаям он предъявил аусвайс и, нахлестывая усталого коня, проехал прямо к зданию комендатуры.

Комендант стоя выслушал сообщение предателя о том, что группа партизан выехала к железной дороге в район станции Татарки, посмотрел на часы и коротко бросил:

- Когда именно?

- В десять вечера.

Комендант отошел от висевшей на стене карты района, сухо предложил доносчику выйти из кабинета и по телефону сообщил начальнику Осиповичской службы безопасности:

- Известный вам диверсант Высокий Федор с группой в одиннадцать человек сегодня в 22.00 на шести санных подводах и с шестью верховыми лошадьми выехал под Татарку. Группа поставила себе целью устроить крушение поезда и сжечь эшелон, забросав его бутылками с горючим. Сейчас, по моим предположениям, группа находится в районе деревни Игнатовки.

В течение целой минуты трубка молчала, затем последовало четкое распоряжение:

- Выслать в район Игнатовки взвод полиции, встать на след группы, обнаружить ее и уничтожить.

Начальник СД положил трубку и стал неторопливо обдумывать план операции. Для того чтобы разделаться с диверсантами, у него было достаточно сил и средств. Группа оторвалась от своих, углубилась на несколько десятков километров в зону, которую партизаны не в состоянии контролировать. И он принял решение. О том, какое именно, можно догадаться, приняв во внимание ход дальнейших событий.

Очевидно, от него последовал приказ гарнизонам станций Татарка и Ясень усилить охрану железной дороги, устроить засады на подступах к полотну; роте эсэсовцев выйти в район предполагаемого появления группы и в случае ее обнаружения ликвидировать диверсантов. На худой конец - прижать их к железной дороге Осиповичи - Могилев и, отрезав тем самым пути отхода, пустить по этой дороге бронепоезд.

Что ж, говоря откровенно, у начальника службы безопасности были все основания полагать - на этот раз с Высоким Федором будет покончено.

Если группа сможет оторваться от полицаев, ее встретят эсэсовцы. Сумеет уйти от преследования на юг - попадет на засаду железнодорожной охраны, на север - наткнется на бронепоезд.

Однако все повернулось иначе...

Предатель между тем возвратился в Полядки. Жители деревни не заметили ни его отъезда, ни возвращения Люди спали спокойным сном. Они были уверены, что в их маленькой деревушке не может быть изменника.

Никто тогда не мог знать, как месяц тому назад этот человек с тремя винтовками и патронами, которые вез партизанам, попал в руки фашистов. Он не принял честной смерти и встал на путь измены. Его отпустили, оставив при нем оружие, которое он и передал в наш отряд.

Начальник лапичской полиции, получив приказание коменданта, поднял взвод на ноги. Полицаи, не зная еще, куда и зачем надо ехать в эту непроглядную темень, чертыхаясь, стали садиться в крытую брезентом большую грузовую машину.

Уже в пути им объяснили поставленную задачу: найти и уничтожить группу партизан-подрывников. От Орчи ехали медленно, с включенными фарами. Начальник полиции сел рядом с водителем и внимательно смотрел по сторонам, пытаясь найти то место, где партизаны перешли большак Осиповичи - Свислочь. Проехали мимо Игнатовки, по никаких следов по правую сторону не обнаружили.

Возле деревни Липень полицаи напали на след, пересели на санные подводы и осторожно, с остановками, опасаясь засады, поехали по следу. Перед рассветом, развернувшись в цепь, вошли в деревню Мотовило. Партизан здесь не было. След саней поворачивал на запад. Начальнику полиции не терпелось узнать, где сейчас партизаны. Он понял, что те вынуждены будут устроить дневку - не пойдут же они среди белого дня на железную дорогу.

Двух деревенских девчонок он с запиской "Где партизаны?" отправил в дом лесника, где, по его предположению, должны были остановиться "бандиты", и наказал, чтобы они немедленно вернулись с ответом. Расчет был такой: если на хуторе партизаны, девчонок они не отпустят, если нет, то те вернутся с ответом на интересующий его вопрос. Итак, через час все будет ясно.

Сидевшие в секрете в лесу Костя Сысой и Андрей Гришакович переглянулись.

- Не иначе разведка, - произнес Костя.

- Какая там разведка, это же девчонки, - возразил Андрей.

- Ты посмотри, как они торопятся, оглядываются по сторонам. Это неспроста.

- И в самом деле, что за нужда в такую рань выходить на дорогу? Что будем делать?

- Задержать? Нет, не годится, - начал вслух рассуждать Костя, - мы в секрете. Пропустить тоже нельзя. Давай их пуганем!

- Как?

- Умеешь выть по-волчьи?

- Не пробовал, но если надо...

Услышав страшный вой, девчата повернули назад и побежали. С расширенными от страха глазами, запыхавшиеся, извалявшиеся в снегу, они своим видом и сбивчивым рассказом вызвали лишь смех у полицаев. Ну что с них взять, с этих соплюшек...

В деревне вскоре появились подводы с гитлеровцами. Командир эсэсовцев подозвал к себе начальника полиции и сообщил:

- Партизаны, вероятнее всего, находятся на хуторе лесника. Наша рота в 10.00 выходит из Ражнетова-1 и атакует хутор с юга. Вам надлежит не позже 9.30 устроить засаду на опушке леса севернее хутора.

Начальник полиции с трудом собрал своих, уставших от ночного похода, вояк. Настроение у них было не совсем боевое. Одно дело отсиживаться в укрепленном гарнизоне, и совсем другое - вести бой с хорошо вооруженными, решительными и находчивыми десантниками.

Но приказ есть приказ. И полицаи потянулись лесом на северо-запад. Они бы и добрались до места в назначенное время, да на пути оказалось непредвиденное препятствие - партизанская засада.

С эсэсовцами полицаи все же встретились, получили от них взбучку за то, что не выполнили поставленную задачу, и, прочесывая лес, вместе с немцами вышли к бронепоезду, но партизаны словно сквозь землю провалились.

Отряд "Москва"

Вот и зима, вернее, первый зимний месяц. Погода стоит неустойчивая. После морозов в начале декабря, сейчас, в конце, оттепель; моросит дождь, гололедица. Наш отряд по-прежнему стоит в Полядках. Бываем и в Лозовом, и в Маковье. Узнаем у партизан сводки с фронтов. Питание к рации на исходе, поэтому сводки не слушаем, ждем груз, а его все нет и нет. Не получали помощи с Большой земли в последние два месяца и партизаны. Видимо, обстановка на фронтах не позволяет выделить для нас самолеты. Взрывчатки больше нет. Теперь занимаемся только разведкой. Морозов занялся восстановлением связи с Осиповичами. Кроме того, ведем разведку на Марьину Горку. Выручают нас лошади. Если бы их не было, не удалось бы нам каждую неделю сообщать Хозяину свежие данные.

В условиях зимы немцы и их пособники начали действовать против партизан более активно.

Реки и болота замерзли. Непроходимые до сих пор места стали доступными для врага. Оголенные леса - плохая защита для нас. То и дело происходят стычки с противником. Партизаны в начале декабря столкнулись с гитлеровцами в Бозке, Казимировичах. Нашему отряду пришлось защищать от немцев и полицаев деревню Погорелое. Это совсем недалеко от Полядок.

Днем 11 декабря партизаны вели бой где-то в районе Игнатовки. Оттуда доносились характерные звуки немецких крупнокалиберных пулеметов. Мы находились в полной боевой готовности и в случае надобности могли в любую минуту прийти на помощь партизанам.

Из партизанского отряда Королева к нам на смену для охраны деревни Погорелое прибыл взвод бойцов, а мы остались охранять Полядки. Обстановка, как я уже сказал, в нашем районе осложнилась, но зато в эти дни мы получили радостные известия. Под Сталинградом фашистов бьют. С 19 ноября по 11 декабря уничтожено 95 тысяч солдат и офицеров, взято в плен 72 тысячи - цифры внушительные. Видимо, 220-тысячная группа армий генерала Паулюса накануне полного уничтожения. Может быть, оттуда, от далекой Волги, начнется поворот войны в нашу пользу.

Были хорошие новости и местного значения. 25 декабря неожиданно вернулся Пантелей Максимук. Уходил он с небольшой группой: Георгий Шихалеев, Александр Бычков, Константин Сысой, Петр Токарев. Теперь у него бойцов втрое больше.

Пантелей обрисовал обстановку в Осиповичском районе. Каких-либо постоянно действующих отрядов или групп в районе нет, бывают лишь наездами, немцы и полицаи не делают вылазок из своих гарнизонов. Группе Максимука удалось создать базу под Старыми Тарасовичами.

Нас стало около сорока человек. Командиром отряда оставался Шарый, меня назначили комиссаром, Максимука - начальником штаба. Наш отряд стал называться "Москва".

На следующий день к нам неожиданно приехал командир партизанской бригады Алексей Кондиевич Флегонтов.

Мы все с большим уважением относились к этому опытному командиру и организатору. Флегонтов был кадровым военным. Его кавалерийский отряд в составе ста пятидесяти бойцов был направлен в тыл врага по решению Центрального штаба партизанского движения. Без боя через витебские "ворота" отряд прошел на оккупированную территорию Белоруссии и в августе - ноябре 1942 года совершил рейд, который закончился в Червенском районе Минской области. Здесь на базе партизанских отрядов "Боевой", 752-го, имени И. В. Сталина, "Пламя", "Красное знамя" была создана партизанская бригада "За Родину". Командиром этой бригады и стал Алексей Кондиевич Флегонтов.

Флегонтов предложил и нашему отряду войти в состав бригады. Но мы, подумав и взвесив все "за" и "против", решили все-таки сохранить самостоятельность.

- Как насчет груза, майор? - обратился я к Шарому. - Нужна взрывчатка, боеприпасы, питание к рации и зимнее обмундирование. В пиджачках и казакинах уже холодновато стало.

- Обещают прислать, но срок не устанавливают. Вроде и погода благоприятствует полетам. Да, я не успел тебе сказать самое главное. Хозяин требует от нас свернуть диверсионную деятельность и считать основной своей задачей разведку.

- Почему, разве он не понимает, что именно диверсиями можно нанести противнику наибольший урон с наименьшими потерями с нашей стороны?

- Все это так. Однако, как ты и сам видишь на примере соседних бригад, партизаны имеют сейчас прямую связь со штабом партизанского движения, получают взрывчатку, оружие, боеприпасы. Хорошо освоили диверсии на железной дороге. У них

больше сил и возможностей, чем у нас. Ты, наверное, уже слышал, как недавно бригада Тихомирова вышла к железной дороге, устроила крушение и затем артиллерийским и пулеметным огнем уничтожила эшелон противника.

- Слышал. Но у партизан ведь - а в большинстве своем это местные жители много знакомых в гарнизоне, они разведкой могут заниматься лучше нас.

- Могут и занимаются. Но у них одни источники, у нас должны быть другие. Чем больше источников, тем легче командованию убедиться в достоверности данных. Кроме того, в работе разведчиков- далеко не всегда все идет гладко.

- Ладно! Убедил, майор. Какие объекты разведки?

- По-прежнему Осиповичи и Марьина Горка.

- Но отсюда очень далеко до Осиповичей - наши связные по ту сторону железной дороги.

- Согласен. Нам придется вернуться в свой район. Правда, в треугольнике Слуцк - Осиповичи - Бобруйск нет партизан, а нам придется там жить и работать. Что ж, будем себя вести тихо, мирно, и, глядишь, нас не станут беспокоить.

- Шутишь?

Шарый лишь рассмеялся в ответ.

В последних числах декабря мы получили радиограмму: "Разрешаю передислоцироваться под Осиповичи. Хозяин".

Эту радиограмму опытный радист Зализняк принял с большим трудом.

О полученном приказе знали только Шарый, я и Максимук. К выезду стали готовиться, как на очередную крупную операцию, которая требовала всех наличных сил. Для этого надо было привести в полный порядок санные упряжки, седла. Предстояло за каких-нибудь 8-10 часов совершить бросок в шестьдесят, а возможно, и в восемьдесят километров.

Из соображений безопасности день отъезда и маршрут был также известен только троим. Но чутье никого не обмануло, ни наших бойцов, ни местных жителей, с которыми мы просто сроднились. Все чувствовали, что мы уезжаем навсегда и сюда больше не вернемся.

Пришли проводить нас и лозовские, и полядские девушки. Оказалось, что хлопцев наших уважали и любили, и было кому повздыхать и даже поплакать на проводах. Очень много этому способствовал Федя Морозов, красноречивый агитатор, лихой кавалерист в папахе набекрень, при сабле и шпорах. Он легко сходился с людьми, умел быстро располагать их к себе. Частенько, хоть, понятно, и с некоторыми преувеличениями Федя на деревенских вечеринках повествовал о геройских подвигах

наших бойцов. Молодежь его слушала затаив дыхание и верила каждому слову.

Вместе с провожающими мы пообедали. С наступлением сумерек вышли на улицу. Пора трогаться в путь. Запряженные и оседланные лошади зябко вздрагивают, фыркают и поводят ушами.

- По коням! - раздается зычная команда Шарого.

- За мной, ребята! - командую своим конным разведчикам и скачу не оглядываясь. Рядом со мной Чеклуев на своей серой кобыле, следом Стенин, Смирнов, Максимук.

- Куда путь держим? - спрашивает Чеклуев.

- На юг, в старый район, Саша.

- Чего так?

- Получен приказ.

До железной дороги ехали очень быстро - никто из вражеских агентов не успел бы донести своим хозяевам о нашем перемещении. Сытые, застоявшиеся кони легко одолели тридцать пять километров за каких-нибудь три часа. Вот и железнодорожный переезд. Возле него будка. Смирнов и Стенин доложили, что в ней никого нет. Значит, можно переезжать. Только успели проскочить несколько подвод, как со стороны Осиповичей подошел поезд. Вагоны мелькали один за другим, но немцы, видимо, не успели как следует рассмотреть, что за подводы стоят у переезда.

Вечером 29 декабря мы приехали в Старые Тарасовичи. Пантелей пригласил нас в хату, в которой он, очевидно, бывал и раньше. Кроме пожилой женщины, которая, поздоровавшись с нами, сразу же ушла за занавеску у печки, в избе оказалась еще одна - молодая. Она сухо кивнула нам и стала молча собирать на стол. На вид ей было не более 23-25 лет. Чернобровая, черноглазая, с упрямо поджатыми тонкими губами, она, казалось, была не рада гостям. Пантелей же хоть и старался показать себя в этом доме хозяином, но это у него плохо получалось. Мы распрощались и ушли. Договориться о постое я послал Бычкова с Щихалеевым.

Время около десяти часов. Спать бы сейчас, да не спится, что-то тревожит, а что, и сам не пойму. Решил зайти к Шарому. Там были Зализняк, Нина Морозова и Вася Смирнов.

Они уже поужинали, но, похоже, тоже не торопятся укладываться спать.

- Спел бы что-нибудь, Василий, - прошу Зализняка.

Вижу, попал под настроение. Василий подумал немного и затянул: "Стоит гора высокая, а пид горою гай..." Остальные подхватили: "Зеленый гай, густененький, тай вправди зимний

рай..."

Ушел я к себе растроганный, полный благодарности за то неизъяснимое удовольствие, которое доставил мне Василий Зализняк своими песнями. Вышел на крыльцо - под ногами скрипит снег, на небе высыпали звезды. Тихо. Только кое-где изредка всхрапывают кони. Парами ходят часовые. Начальником караула сегодня назначен Шихалеев. Ему приказано с рассветом выслать по дорогам конные дозоры, передать всем: лошадей запрячь, оседлать, быть в полной боевой готовности.

Ночь прошла спокойно. Только изредка со стороны Варшавского шоссе доносились одинокие выстрелы и короткие пулеметные очереди - видно, постреливали в гарнизонах, так, на всякий случай...

Утром мы с Максимуком и Шарым съездили на новую базу. Максимук показал нам погреб с картошкой и овощами и несколько землянок. В нетопленых землянках со стен и потолка свисал гирляндами иней. Надо протопить землянки как следует, тогда можно перебираться и на жительство. Сказано - сделано. В течение дня наши "зимние квартиры" оттаяли, стены и потолки подсохли, и мы, переночевав еще одну ночь в деревне, справили новоселье.

Как теперь быть с самым главным, как наладить связь с Хозяином и получить груз? Мы прекрасно знали, что на юге, в Белорусском Полесье, находится Минский подпольный обком партии, и крепко надеялись, что его секретарь В. И. Козлов поможет нам установить связь.

С одним из уполномоченных подпольного обкома мы с Семеном Мироновичем познакомились еще летом прошлого года в Альбинске. Принял он нас тогда очень хорошо. Внимательно выслушал отчет о боевых делах, подробно расспросил о наших нуждах. Поинтересовался, есть ли у нас родные, где они живут, и обрадовал тем, что можно писать письма домой и получать ответ по адресу: БССР, база Козлова. Поэтому принимаем решение направить в Полесье радиста Зализняка с надежной охраной, а самим возобновить прерванные связи с разведчиками в Осиповичах и наладить новые.

На следующий день вечером группа в шесть человек на двух подводах выехала в далекий путь. Василий Зализняк был бодр и весел, его общими усилиями одели в самое теплое - нашли шапку-ушанку, полушубок и даже валенки. В охране поехали Василий Смирнов, Саша Стенин, Нина Морозова, Валя Смирнова и Виктор Калядчик. Виктор пришел в отряд с группой Максимука. Он еще в сорок первом году и в начале сорок второго исколесил район за Варшавским шоссе и прекрасно знал там все дороги и

тропинки.

Ребята благополучно проехали мимо немецких гарнизонов, без помех пересекли Варшавское шоссе и остановились на ночлег в деревне Макаровке. О том, что произошло дальше, рассказали на другой день Саша Стенин и Вася Смирнов.

Рано утром, только еще начинало светать, окна хаты, где ночевали ребята, осветились вспышкой ракеты, со двора донесся звон металла, проскрипела калитка. Осторожно открыв дверь, Смирнов вышел в сенцы. Сквозь дверную щель пристально пригляделся и увидел под навесом вооруженных людей в белых халатах. Он тихонько вернулся в хату, разбудил всех и рассказал о том, что видел. Зализняк надел полушубок, взял в руки пистолет и вышел на крыльцо. Он был уверен, что имеет дело с партизанами и поэтому на вопрос: "Кто такие?" спокойно ответил:

- Партизаны из отряда Шарого.

И тут же раздался выстрел. На какое-то мгновение наступила тишина, затем с улицы донеслась повелительная команда: "А ну, выходи, мать вашу так!"

- Мы поняли, - рассказывал Смирнов, - что Зализняк убит. Выскочим из хаты - тоже попадем под огонь. Пустили в ход гранаты. Я бросил первую в окно, потом еще одну из сеней, и мы выбежали из избы. В один миг перепрыгнули через забор и огородами ушли в лес.

Гибель радиста была для нас тяжелой утратой. До сих пор мы не имели только питания к рации. Теперь у нас не стало и радиста. Связь с Хозяином оборвалась.

Сколько усилий потребуется, чтобы ее восстановить! Попытаться связаться с одной из наших групп, имеющих рацию? Но известные нам группы действуют в Кричевском районе, очень далеко отсюда. Может быть, мы найдем наших в Полесье?

Невесело мы встретили новый, 1943 год.

Что случилось, то случилось, а работать продолжать надо. Снова небольшие группы стали выезжать на связь под Осиповичи, на поиски оружия, боеприпасов и за продовольствием. Гитлеровцев это вводило в заблуждение. Они думали, что в районе Тарасовичей действует крупное партизанское соединение. Нам передали, что гарнизон Глуши очень обеспокоен нашим появлением, в Осиповичах этим также были крайне встревожены. Однако пока никаких вылазок против нас противник не предпринимал.

Ребята где-то нашли станковый пулемет без станины, весь ржавый. Пришлось вспомнить, что я когда-то закончил школу станковых пулеметчиков. "Максим" заработал. В деревенской кузнице мы изготовили к нему нечто вроде станины, потом

установили его на возок, а вскоре испробовали пулемет и в деле.

В нашей зоне время от времени стали появляться партизаны из-за "Варшавки" и с севера, из района Гродзянки - Маковье. У них пока все было спокойно.

В первых числах января неугомонный Самуйлик заявил Шарому:

- Пойду на подрыв.

- А взрывчатка?

- На той стороне "железки". У меня припрятано там десять килограммов тола.

- Где думаешь устроить крушение?

- Попробую на том месте, где переезжали.

- Когда вернетесь?

- Дня через два-три.

С наступлением вечерних сумерек Степан Самуйлик, Виктор Соколов, Иван Репин, Михаил Золотов на двух санных подводах выехали из села на север.

Прошло и два, и три, и четыре дня, но группа не вернулась. Что с ней? Особенно мы забеспокоились, когда узнали, что седьмого января в Осиповичах выгрузились два эшелона регулярных войск. Эти войска с частями СС и фельджандармерии направились на Свислочь.

В Полесье

Утром 8 января Шарый пригласил к себе меня и Максимука.

- Есть предложение всем отрядам двигаться в Полесье. Там подпольный обком партии, там наши старые друзья Шашура, Кудашев. Возможно, встретим какую-нибудь из наших групп. Наладим связь, получим радиста и вернемся сюда. Как вы думаете?

Возражений не было. Правда, Максимук попросил оставить с ним небольшую группу, чтобы отряд был постоянно в курсе событий в этом районе. Шарый согласился, но с условием продолжать вести разведку на Осиповичи и время от времени присылать связных с наиболее важными разведданными. Кроме того, мы не теряли надежды, что вскоре вернется группа Самуйлика и Максимук информирует его о нашем решении двигаться в Полесье.

Итак, Пантелей Максимук с небольшой группой бойцов, главным образом из местных, остался в Осиповичском районе, а мы с основным составом отряда отправились на юг.

Как обычно, впереди двигалась конная разведка, за ней - санные упряжки. Снега было мало, отдохнувшие лошади шли резво. Проехали деревни Глуша, Двор Глуши у Варшавского шоссе, затем Римовцы, Макаровку, где погиб Зализняк, и

остановились в Залесье. Здесь отдохнули, накормили лошадей и к обеду уже были в Крюковщине - партизанской зоне Полесья. У партизан узнали, что Шашура в Зеленковичах. Оставив отряд в Крюковщине, Шарый, Чеклуев и я выехали к нему. Встреча была очень радостной, но помочь он нам, к сожалению, ничем не мог: рации у него не было. Зато здесь мы встретили Костю Островского, командира группы из нашей части. Группа его действовала южнее. Рация у него была, однако питания к ней тоже не оказалось.

И лишь через несколько дней в Сосновке, с помощью Минского подпольного обкома радисту Островского Ивану Атякину удалось передать нашу радиограмму. В ней содержались наиболее свежие разведданные, сообщение о гибели Зализняка, просьба выслать груз и радиста, называлось место нашей дислокации. Тут же получили ответ: "Беспокоились за вашу судьбу. Радиста вышлем, ведите разведку на Осиповичи и Бобруйск: нумерация частей, численность, воинские перевозки, вооружение. Пользуйтесь рацией Островского. Хозяин".

Наконец-то после длительного перерыва связь была восстановлена. Событие значительное. Опять мы при деле. Будем заниматься разведкой, спрессовывать полученные данные в короткие сообщения и, пользуясь партизанской рацией, передавать их Хозяину.

В свое время мы имели возможность послушать сводки с фронтов Великой Отечественной войны, теперь такой возможности нет. Узнаем последние новости в партизанских отрядах. Наши войска прорвали фронт южнее Воронежа. Освобождено 600 населенных пунктов. Окруженные под Сталинградом немецкие войска методически уничтожаются. Из 220 тысяч осталось 80. Скоро им крышка. Это здорово!

А наше положение между тем становилось все труднее. Продовольствие подошло к концу, не говоря уже о фураже. Лошадей отдавали крестьянам, обменивали их на волов. Питались в основном картошкой. Ни лука, ни чеснока добыть было невозможно, трудно стало с солью, поэтому у людей началась цинга - кровоточили десны, качались зубы. Между тем зима вступила в свои права, грянули сильные морозы, подули колючие ветры. А тут еще и сыпной тиф. Появились больные и среди местных жителей, и среди партизан. Нас пока, как говорится, бог миловал, но уберечься вряд ли удастся - живем в деревнях скученно и от вшей избавиться нет никакой возможности, хоть и бываем в бане, прожариваем там белье. Зато с фронтов поступают приятные вести. Наши войска в районе Ленинграда продвинулись на 14 километров в глубь немецкой

обороны, заняли города Шлиссельбург, Сенявино. Хорошо!

20 января из Крюковщины мы переехали в Вятер. Деревушка небольшая, на краю партизанской зоны. Немецких гарнизонов поблизости нет. Не болеют пока здесь и тифом. Положение деревни удобно еще и тем, что отсюда недалеко до Бобруйска, нетрудно на лошадях добраться и до партизанских отрядов.

Группа Островского сейчас находится в деревне Дуброво, с ней мы поддерживаем постоянную связь. Шарый с небольшой группой бойцов под Бобруйском. А мне приходится заниматься самыми разными делами: обеспечением отряда продовольствием, фуражом, следить за порядком и дисциплиной. Пока все идет нормально, но люди очень скучают от безделья.

Приехал Шарый и привез крайне неприятное известие: в Глусск, то есть в наш район, ждут прибытия карателей. На севере еще в начале января 1943 года против партизанских бригад Королева и Флегонтова немецко-фашистское командование бросило 22 тысячи отборных войск, танки, самолеты, артиллерию. Партизаны с тяжелыми боями вынуждены были отойти за Березину.

На днях семь немецких самолетов бомбили партизанские деревни Зеленковичи и Зубаревичи. Похоже, гитлеровцы готовятся к решительным действиям. А может быть, наоборот, силенок маловато у них для карательных экспедиций, вот и пустили самолеты? Во всяком случае, бомбардировка двух деревень насторожила партизан. Они были готовы встретить противника. Прошел также слух, что бомбили и Крюковщину, но вернувшийся из Осиповичского района Максимук опроверг это.

С театра военных действий продолжают поступать хорошие сводки. Окруженные под Сталинградом немецко-фашистские войска на грани полного уничтожения. Войска Северо-Кавказского и Воронежского фронтов с боями продвигаются вперед.

Приняли решение сделать вылазку - с продуктами стало совсем плохо, да и люди засиделись. Съездить решили в деревню Оземля, что за железной дорогой Бобруйск - Рабкор, в зоне, контролируемой немцами. Еще раз почистили, смазали оружие и в морозный полдень выехали санным обозом. На первой подводе я с Сашей Бычковым, вслед за нами, попарно, Саша Стенин и Николай Кадетов, Коля Кашпоров и Лева Никольский, Костя Арлетинов и Коля Суралев.

Мы были уже на середине села, когда навстречу нам на рысях с противоположного конца деревни выехал санный обоз. Бычков первым заметил, что там сидят люди в зеленых шинелях. Расстояние между нами около полукилометра. Немецкий обоз

встал, гитлеровцы соскочили с подвод и побежали в укрытие. Из-за дома заговорили сразу два пулемета. "Опередили, черт побери, - успел подумать я, - теперь ничего не останется, как разворачиваться да уходить поживее".

- Саша, дай огонька!

Пулемет Бычкова коротко простучал и почему-то тут же умолк. Отстреливаясь из автоматов и винтовок, мы погнали подводы к ближайшему дому. Оставалось всего лишь несколько метров до укрытия, и тут немецкий пулемет ударил по лошади. Конь упал. Бросив повозку, мы с Бычковым успели уйти за дом, а по саням прошла еще одна очередь.

- Все живы?

- Живы!

- Ну и слава богу! Саша, а что это у тебя пулемет не стреляет?

Бычков снял диск, подергал затвор - бесполезно.

- Лева, дай шомпол, - попросил Бычков.

Шомполом он выбил гильзу из патронника, поставил диск, дал по немцам очередь, и пулемет снова умолк. Гильза застряла в патроннике. Все ясно: патронник раздут, и затвор не выбрасывает гильзы.

Потеряв цель, немцы прекратили стрельбу. Перестали стрелять и мы - жалко патронов.

- Зачем вы сюда приехали, хлопцы? - ни к кому в особенности не обращаясь, спросил я.

- За солью, вестимо, - угрюмо ответил Арлетинов.

- Ну тогда вот что. Бычков и ты, Костя, обойдите дома в нашем тылу и наберите соли. Только смотрите, чтобы аккуратно, на добровольных началах! У крайнего дома обождите нас, а мы тут придержим немцев. Никольский, Кашпоров! Вы у нас самые меткие стрелки. Выбирайте позиции поудобнее и берите на мушку неосторожных фрицев; спусковые крючки особо нажимать не торопитесь, нам спешить некуда. А мы тут посидим в тенечке, перекурим...

В Вятер вернулись уже в потемках. Разобрали пулемет, и точно, патронник сильно изношен, да и ствол ни к черту не годен. На этот раз все обошлось. А если бы этот пулемет был главным оружием в стычке с противником?

На другой день, 3 февраля, в Залесье от партизан мы узнали, что со сталинградской группировкой немцев покончено. Генерал-фельдмаршал Паулюс сдался в плен. Наши войска освободили города Майкоп и Белорецк.

А мы вот уже два месяца занимаемся только разведкой. С питанием к рации по-прежнему тяжело, многие данные, добытые с большим трудом, устаревают, становятся никому не нужными.

Забот между тем не убавляется. Людей надо кормить, обувать, одевать независимо от того, много или мало работы. А это трудно. Рацион питания очень скудный.

В довершение ко всему заболел тифом радист Атякин. Связь с Большой землей оборвалась окончательно.

В десятых числах февраля мы перебрались еще южнее - в деревню Дуброво, где стояла группа Островского. Вместе все-таки лучше. В Дуброво по всем признакам колхозники до войны жили неплохо. Во многих домах буфеты, никелированные кровати с пружинными матрацами, везде чистота, уют. Деревня в партизанской зоне, немцы здесь не появлялись ни разу.

Атякин преодолел кризис, теперь есть надежда, что он поправится и скоро мы снова сможем связаться с нашим командованием.

* * *

Уже во второй декаде февраля в Белорусском Полесье началась весна. Наступили теплые, солнечные дни, на дорогах появились протаины, зазвенела капель. Стали подумывать об очередной диверсии на железной дороге.

12 февраля я поехал в Рудобелку к Шашуре, в то время уже командиру бригады. У него выпросил несколько электродетонаторов, батареек и шашек прессованного тола. Это было очень важное приобретение. Теперь бы раздобыть взрывчатку, и можно идти на подрыв.

Взрывчатку в большом количестве нельзя ни попросить, ни одолжить - ее надо найти. После долгих и упорных поисков нам удалось решить и эту проблему.

Как-то в конце февраля я, Чупринский, Суралев и Бычков поехали к деревне Буда. В лесу нашли несколько лук от седел. Бычкова с Суралевым я с этим грузом отправил обратно в Дуброво, а сам с Титом Чупринским поехал дальше, под Затишье. По рассказам жителей, здесь, в лесу, до войны были склады артиллерийских снарядов. При отступлении их взорвали, но наверняка что-то осталось.

Взрывной волной снаряды разбросало на несколько сот метров, и нам с Титом пришлось довольно долго ходить по мелколесью, прежде чем мы наткнулись на несколько бурых от ржавчины "сигар". Первым снаряды увидел Чупринский. Он поднял один из них и в обнимку со снарядом начал кружиться, затем бережно, как ребенка, положил его на соломенную подстилку саней. Снаряды, впрочем, оказались без взрывателей и поэтому были вполне безопасны.

- Ну, комиссар, кто нашел первым?

- Ты, Тит, ты!

- Правильно, значит, я им и хозяин. Вот приедем, выплавлю тол и пойду на "железку".

- Что, один пойдешь или возьмешь кого?

- Возьму, пожалуй, Николая Кадетова, Колю Кашпорова.

- Согласен, но людей маловато. Возьми еще Гуськова, Корзилова, кстати, приглядишься к ним, посмотришь, чего стоят в деле.

Гуськова и Корзилова мы взяли в отряд уже будучи в Дуброве. Это были ребята из нашей части, из группы Вайнблата, погибшего вскоре после приземления в стычке с немцами в июне 1942 года.

Гуськов был тихим, немногословным пареньком; впоследствии он стал отличным пулеметчиком. Корзилов выделялся среди бойцов своей пышной, кудрявой шевелюрой, был по натуре очень мягким и добрым человеком и имел, пожалуй, лишь одну слабость: любил, чтобы его время от времени похваливали. Оба они были прекрасными товарищами.

Что касается Чупринского, то он прилетел в Белоруссию с группой Сонина. После его гибели попал к Островскому, с его согласия перешел к нам. Высокий, широкоплечий, с решительным и в то же время очень эмоциональным характером, Чупринский, словно магнит, притягивал к себе людей. Тита я знал еще по Москве, там он работал шофером и вывозил нашу группу на Центральный аэродром, перед нашим вылетом в Белоруссию. Деятельная натура Чупринского не могла смириться с простой шоферской работой, и он попросил направить его в тыл врага.

Когда мы прибыли в лагерь, подводу сразу же обступили бойцы. Не нужно было никаких приказов. Всем отрядом стали дружно выплавлять тол из снарядов. Работа спорилась, и уже к вечеру следующего дня были готовы несколько глянцеватых светло-серых брикетов плавленого тола весом по 5-б килограммов каждый.

В субботу 20 марта группа Чупринского уехала к железной дороге. Я и Стенин проводили ребят до переправы через реку Птичь у Копаткевичей. К железной дороге они должны были выйти в районе Мышенки.

Через три дня группа Чупринского вернулась с задания. Крушение устроить не удалось - помешала сильная охрана. Тит был очень недоволен собой, тяжело переживал неудачу. Человеком он был храбрым, но нетерпеливым и горячим.

Вскоре за снарядами отправилась группа в составе Саши Бычкова, Коли Кадетова, Виктора Калядчика. Ребята привезли почти полсотни снарядов разного калибра, и вновь разгорелся жаркий огонь под баком с водой, опять деревянные формы стали

наполняться плавленым толом...

А забот все больше и больше В отряде тиф. Атякин пошел на поправку, но заболел Саша Чеклуев, мечется в бреду. За ним ухаживают Саша Стенин, Валя Смирнова и Шура Захарова - она из группы Островского, - сидят по очереди около него, поправляют одеяло, прикладывают ко лбу прохладную тряпку, постоянно рискуя заболеть сами. К счастью, Чеклуев стал поправляться, и надобность в добровольных сиделках отпала.

Наша хозяйка Ольга Васильевна Скора раздобыла где-то клюквы и сахарина: Сашке сейчас есть не хочется, только пить. Почти у всех ребят цинга. Привезли врача. Но что он может сделать? Прижигает десны какой-то кислотой, но это мало помогает. Свежих бы овощей сейчас, но зелени пока нет. Когда удается какими-то судьбами раздобыть лука, выдаем его самым тяжелым.

Но март на исходе, скоро сойдет снег, зазеленеет трава, а там, глядишь, и свежий щавель появится, салат, лук, и здоровье бойцов пойдет на поправку. Радист Атякин после тяжелой болезни встал на ноги. Связь с Центром, хотя и нерегулярная, но была. От Шарого из-под Бобруйска поступали свежие разведданные. Важнейшие из них передавали Хозяину. Островскому в период с 26 марта по 5 апреля обещали прислать груз. Вот радость была бы!

Груз грузом, разведка разведкой, но теперь у нас имелся запас взрывчатки, и мы решили идти на железную дорогу. Вызвались на это дело почти все, пришлось отбирать наиболее опытных.

30 марта я сформировал группу подрывников. В нее вошли Чупринский, Смирнов, Стенин, Суралев, Никольский, Арлетинов. Состав группы был не случайным. К тому времени мы очень подружились с Титом Чупринским. Он был хорошим товарищем, простым, искренним, готовым всегда поддержать тебя в трудную минуту Крепко дружили между собой и два Николая - высокий Кадетов и маленький Кашпоров. Лева Никольский и Костя Арлетинов не могли жить друг без друга - куда один, туда и другой.

Позавтракали и, не задерживаясь, выехали в Копаткевичи. Там оставили подводы, на лодках переправились через реку Птичь, а за рекой, в деревне Слободка-1, взяли новые подводы. Не доезжая до железной дороги 6-7 километров, отпустили возчиков и пошли дальше пешком.

До Слободки с нами ехала и группа Максимука. Там она отделилась с тем расчетом, чтобы выйти к железной дороге западнее нас. Мы же решили идти к деревне Мышенке, где

Чупринский уже сделал одну неудачную попытку.

В конце марта в Москве еще лежит снег, бывает, прихватывает довольно крепкий морозец, а здесь, в Белоруссии, снег сошел даже в лесу. По влажному мху через дремучий сосновый бор идти одно удовольствие К утру следующего дня вышли к завалу. Дальше, до самого полотна, полоса шириной метров сто, полностью очищенная от леса и кустарника. Движение налажено, хотя поезда проходят и не часто. Впереди паровоза немцы прицепляют две-три платформы с балластом, охрана эшелона в заднем вагоне. Пути сильно охраняются. Несколько гитлеровцев двигаются гуськом вдоль полотна на расстоянии 10-15 метров друг от друга. Сначала в одну сторону, затем - через тридцать минут - в другую, и так беспрерывно.

Решили на этот раз действовать неоднократно проверенным способом: подсунуть заряд в самую последнюю минуту перед подходом поезда. Стало быть, надо найти надежное укрытие у самого полотна железной дороги. Довольно быстро обнаружили подходящих размеров воронкообразную яму, но она вся до краев была наполнена водой, долго в ней не усидишь. Надо искать что-то другое.

Упорные наши поиски увенчались успехом. К железной дороге тянулась неглубокая лощина, по которой все еще текла вешняя вода. Вода уходила в трубу под железнодорожным полотном. Созрел довольно рискованный план, но осуществить его в эту ночь мы уже не успели - начало светать. Холодный влажный ветер, который шумел в лесу всю ночь, теперь поутих, но зато начался мелкий надоедливый дождичек. Вернувшись в лес, мы выбрали место повыше, натянули в виде навеса плащ-палатки, стряхнули от дождевых капель и постелили на землю еловый лапник. Саша Стенин развел костер, остальные натаскали целую гору хвороста и валежника, чтобы хватило на весь день. Подсушили одежду, портянки и легли спать. Часовые, сменяя друг друга, поддерживали огонь. Во второй половине дня вскипятили в котелках коричневатой вешней воды, впитавшей в себя запах прелых березовых листьев и хвойных иголок. Попили этот чай с сухарями и отправились к железной дороге. Снова подошли к завалам и еще раз обсудили план намеченной операции. Решили, что подорвем эшелон, идущий на запад. Поставим детонатор замедленного действия и десятикилограммовый фугас на полотне железной дороги возле трубы, где мы будем ждать подхода поезда. Стенин, Никольский, Арлетинов охраняют минеров. Охране вступать в бой с обходчиками только в том случае, если те обнаружат минирующих. Минировать со мной пойдут Чупринский, Суралев

и Смирнов. А пока надо подготовить нишу под заряд, убрать лишний балласт с полотна. Может случиться, что кому-то из обходчиков захочется заглянуть в трубу, тогда придется еще и отбиваться...

Когда начало темнеть, Суралев и Чупринский взяли бруски плавленого тола, Смирнов - две шашки прессованного, батарейку и электродетонатор. Через три-четыре минуты ложбинкой незаметно подошли к трубе. Она была небольшого диаметра, в ней можно было только сидеть, да и то лишь согнувшись, а под ногами текла вода.

Суралев и Смирнов стали наблюдать за охраной, а мы с Чупринским присели на бруски тола. Вскоре послышались шаги приближающихся обходчиков. Момент решающий, если они заметили что-то подозрительное, то спустятся, проверят. Мы замерли с автоматами в руках. К счастью, все обошлось. Кованые сапоги гитлеровцев гулко простучали у нас над головой, и шаги стали удаляться. Смирнов и Суралев снова вылезли из трубы. Наконец послышался перестук колес. Поезд! Вдвоем с Чупринским быстро выгребли балласт из-под шпал в нескольких метрах от трубы. Смирнов и Суралев подтащили фугасы, и мы их поставили на место. Балласт убрали в трубу, провод электродетонатора надежно обвил рельс...

Поезд совсем близко. Мысль работает лихорадочно: что делать? Сейчас выскочить из трубы, побежать - заметит машинист, притормозит, крушения не будет. Остаться в трубе в момент взрыва - смертельно опасно. Не успел я прийти к какому-нибудь решению, как раздался оглушительный взрыв. Я выскочил из трубы и что есть силы побежал лощинкой к завалам, за мной - остальные. Паровоз, словно споткнувшись, упал на противоположную сторону полотна. Вагоны полезли друг на друга, начали валиться вправо и влево. Вспыхнула разбившаяся цистерна с горючим.

Отдышавшись, направились к месту сбора. В ушах все еще стоял звон. Более рискованной операции, чем эта, я не помню...

Всю ночь просидели у костра. Возбуждение не улеглось, спать никому не хотелось. На рассвете глухим сосновым бором двинулись в обратный путь.

Туман постепенно рассеялся, наступило солнечное утро 1 апреля. На привале Лева Никольский выбрал огромную сосну, срезал финкой верхний неровный слой коры и начал что-то вырезать. Когда он закончил, мы подошли, прочитали: "В 20.00. 31 марта 43 года группа Федора под Мышенкой пустила под откос воинский эшелон фашистов. Смерть немецким оккупантам!"

Голодные и усталые, утром 3 апреля мы вернулись в Дуброво.

В тот же день попросились на железную дорогу Бычков и Морозов. С ними отправились Виктор Калядчик и еще несколько ребят. Их постигла неудача. Электродетонатор сработал, взорвались и шашки тола, но плавленый тол не сдетонировал.

Удрученный неудачей, вернулся и Максимук. Фугас с противопехотной миной обнаружили обходчики и стали снимать. Максимук с ребятами открыли огонь по охране, убили несколько фашистов, но заряд спасти не удалось.

Пантелей сообщил, что под Калиновичами выгрузились каратели и заняли несколько прилегающих деревень. Есть опасение, что двинутся в наш район. Я принял решение направить туда разведку. Вызвались на это дело Кадетов, Кашпоров и Гуськов. Рано утром верхом они выехали в деревню Бояново. Позже Гуськов рассказал нам, что там произошло.

В деревне все было спокойно. Женщины с деревянными бадейками на коромыслах сновали от жилья к колодцу. В домах топились печи. По улице бродила отощавшая за зиму скотина, пощипывая только что пробившуюся траву. Разведчики постучали в ближайшую к лесу хату. Вышла хозяйка. На вопрос: "Нет ли в деревне немцев или полицаев?" - ответила, что нет, и пригласила зайти в избу. Потом несколько раз выходила во двор, с беспокойством осматривалась по сторонам, но ничего подозрительного не заметила.

А между тем отряд карателей огородами подобрался к надворным постройкам ее дома.

Когда бойцы стали выходить из хаты, Коля Кадетов сразу же заметил фашистов и, вскинув ручной пулемет, стал стрелять в упор. Вслед за ним открыли огонь Гуськов и Кашпоров. Ребята защищались отчаянно, но силы были слишком неравны. Ранили Колю Кашпорова. Кадетов успел крикнуть ему, чтобы отходил за укрытие, и тут же был прошит пулеметной очередью. Отстреливаясь из-за домов, разведчики стали уходить вдоль села, и тут Колю Кашпорова настигла вторая пуля...

Каждый по-своему переживал потерю товарищей. Но сильнее всех, наверное, гибель ребят отозвалась в сердце Тита Чупринского, который был особенно дружен с Кадетовым и Кашпоровым. Чупринский ходил мрачнее тучи, глубоко посаженные глаза его ввалились, на Гуськова порой он смотрел так, будто тот был в чем-то виноват.

- Ты уж, Тит, не держи на меня зла, - обратился я к нему, - ведь это я их послал.

- Ну что ты, комиссар, разве я не понимаю... Умом, умом понимаю, а вот сердцем не могу. Не могу поверить, что нет их больше...

Фашистские каратели выкопали яму в неоттаявшем еще грунте и закопали Николая Кашпорова и Николая Кадетова по шею в землю. И только много дней спустя жители деревни Теребово смогли похоронить их на своем кладбище.

8 апреля на центральной площади в Дуброве состоялся митинг, посвященный памяти Николая Кадетова и Николая Кашпорова. Собрались партизаны и местные жители. На митинге мы поклялись отомстить фашистам за гибель товарищей. В тот же день несколько групп подрывников отправились на железную дорогу. Группы возглавили Саша Чеклуев, Пантелей Максимук и Саша Бычков.

Удар по аэродрому

10 апреля из-под Бобруйска вернулся Шарый. Он привез самые свежие сведения о дислокации воинских частей противника в Бобруйске и воинских перевозках по железной дороге. Шарому и сопровождавшим его Калядчику и Сысою удалось обнаружить под Бобруйском тщательно замаскированный аэродром гитлеровцев, местонахождение которого очень интересовало командование фронта. Этот аэродром разыскивала и группа Островского, но у Шарого было больше связей в Бобруйске, и выполнить поставленную задачу ему было легче. Да и местность под Бобруйском прекрасно знали наши разведчики - Калядчик и Сысой.

Сразу после возвращения Шарого Атякин передал радиограмму Хозяину. В ней были сообщены точные координаты аэродрома, количество и типы самолетов, которые на нем базировались, и время, когда большинство из них находилось на стоянках.

На радиограмму Атякина последовало указание: "Выйти на связь через час, будут распоряжения".

Ровно через час поступил приказ Шарому и Островскому: "Завтра в 21.30 обозначить границу аэродрома четырьмя кострами. В случае невозможности указать цель ракетами".

Были у нас, конечно, и ракетницы, но костры все-таки предпочтительнее: их далеко будет видно на равнинной местности в районе аэродрома. Разжечь костры тоже дело нехитрое, но вот сидеть возле них и поддерживать огонь гитлеровцы нам вряд ли позволят - по периметру аэродрома сторожевые вышки с пулеметами.

Договорились с Островским о совместных действиях и устроили жеребьевку. В шапку положили только два билета: "Север, Запад" и "Юг, Восток". Нам досталось разводить костры на северном и западном углах аэродрома, Островскому - на восточном и южном. Шарый предупредил Островского, что на

доставшихся ему участках лес далековато, метрах в пятистах от аэродрома, и великодушно предложил обменяться. Тот, конечно, отказался.

К аэродрому выехали верхом. В нашей группе - двадцать, у Островского пятнадцать конников. На половине пути передохнули и накормили коней. В район аэродрома приехали с южной стороны. На другой день еще засветло Шарый с Островским сверили часы. Виктор Колядчик остался с Островским как проводник, а наша группа пошла дальше в обход аэродрома. На западном углу Шарый часть бойцов оставил с собой, а мою группу Сысой вывел на северный.

Зажечь костры мы договорились ровно в 21.30, как приказано. Начали заготовлять дрова. Топор и тесаки здесь не годились - звуки ударов далеко разносятся по окрестности. Это, разумеется, насторожило бы аэродромную охрану. Работать можно было только ножовкой, да и то на приличном расстоянии от аэродрома.

Когда стемнело, мы со всеми предосторожностями метрах в двухстах от аэродрома соорудили конусообразную горку дров и залегли рядом, за бруствером канавы. Время 21.20. Томительно тянутся последние минуты. А в лесу тихо, тихо и на аэродроме. На темном фоне неба видна сторожевая вышка. Там вспыхивает огонек. Нет, это не выстрел, наверное, зажигалка. Все хорошо, нас не обнаружили.

Чеклуев с паклей, смоченной керосином, лежит возле кучки дров.

Время 21.30.

- Саша, зажигай!

Тут же вспыхивает огонь, и Чеклуев скатывается за бруствер. Следом загораются еще три костра.

На вышке заработал пулемет. Он бьет трассирующими по костру, и пули с визгом рикошетят от бруствера.

- Огонь по вышке! - командую я и ложусь с автоматом рядом с пулеметчиком Курышевым.

Несколько очередей - и вражеский пулемет умолк. Подложили в костер крупные поленья. А наших самолетов все нет.

У Островского, очевидно, разгорелся настоящий бой. В той стороне били автоматы, глухо стучали немецкие пулеметы, взрывались гранаты.

На какой-то миг все смолкло, и тут послышалось ровное гудение самолетов. Затем над аэродромом повисли осветительные бомбы и раздались первые взрывы.

Мы поспешили отойти к лесу - неровен час, угодишь под

бомбы своих же самолетов. Аэродром пылал. В воздух взлетали обломки строений, самолетов, взрывались бочки с горючим, огромные столбы пламени взметались в небо...

На свою базу в Дуброво мы вернулись на следующий день к вечеру, вернулись без потерь.

Со дня проведения операции под Бобруйском прошло трое суток. Жизнь в лагере текла размеренно, своим чередом, как вдруг в мою хату ворвались Лева Никольский, Игорь Курышев и Костя Арлетинов. Уселись на лавку и заговорили все разом.

- Осточертела воловятина!

- Рыбки хотим!

- Птичь кишмя кишит рыбой, а мы тут ворон считаем.

- Дай нам взрывчатки, и мы привезем ее целый воз.

- Взрывчатка, вы знаете, нужна для других, более важных целей, может, перебьемся? - охладил я пыл своих подчиненных.

- Оно, конечно, так, с одной стороны, жалко тола, но если посмотреть с другой стороны - на носу праздник, - возразил Костя Арлетинов.

- У нас есть снаряды, и тола нам нужно немного - граммов триста, - добавил Игорь.

- Вот это уже на что-то похоже, - согласился я. - Давайте попробуем.

- И ты поедешь?

- Ну как я могу отпустить вас одних, чего доброго еще покалечите друг друга.

- Хитришь, комиссар, - улыбаясь, произнес Костя, - самому небось хочется на речку.

В ответ я только рассмеялся Да, люблю половодье, резкий влажный весенний ветер, люблю большую воду. И в самом деле, почему бы не съездить? Река рядом, лошади есть, лодку найдем.

Ранним утром на двух подводах мы тронулись в путь. Проехали зазеленевший лес и изумрудно-зелеными лугами выехали к реке. Она еще не вошла в свои берега и разлилась широко-широко по низкому левобережью Прошли метров с триста вдоль правого берега и обнаружили кем-то оставленную лодку. Лева с Костей, как заправские рыбаки, стали на весла и вышли на стрежень. Глубина, показывают, такая, что весло не достает дна Мое дело простое. Прикрепить к головке четырехдюймового снаряда кусок прессованного тола в сто граммов, вставить в нее капсюль-детонатор, поджечь бикфордов шнур и бросить снаряд. Зажигать бикфордов шнур от спички - не самый удобный способ. Поэтому, размочалив оплетку и оголив пороховой стержень, подношу к шнуру цигарку. Раздается знакомое шипение, и я бросаю снаряд в воду. Проходит несколько секунд, и вот в том

месте, где упал снаряд, взметается вверх бурун воды.

Вскоре на поверхность всплывают такие рыбины, которых Лева, страстный рыболов, пожалуй, даже в магазине не видел: метровые щуки, сомы, лещи. Вот это да! Торопливо, рискуя опрокинуть лодку, Лева сачком вылавливает оглушенную рыбу, а Костя изо всех сил старается подвести лодку поближе к добыче. Еще несколько снарядов, еще немного работы - и наша лодка причаливает к берегу. Набиваем еще живой, трепещущей рыбой два мешка и радостные, довольные едем в Дуброво. Завтра Первое мая. Будет знатное угощение для бойцов.

День Первого мая выдался теплым и солнечным. Партизаны и жители деревни собрались на площади на митинг. Митинг открыл Шарый. После него с коротким докладом выступил Костя Островский. В темно-коричневой кожанке, в кожаной фуражке и в брюках, подшитых хромовыми леями, он был очень похож на комиссара времен гражданской войны. Островский поздравил собравшихся с праздником, подвел итоги работы боевых групп и зачитал приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

В конце митинга было принято единодушное решение послать товарищу Сталину приветствие от партизан и жителей далекой от Москвы белорусской деревни Дуброво.

* * *

...Числа десятого мая Чупринский зарезал вола, выменянного на такую же тощую лошаденку. Мясо, как обычно, раздали бойцам.

"Отоварившись", ребята разошлись по домам. Последними, прихватив с собой воловий хвост, ушли Лева, Костя и Игорь, которые стояли на одной квартире. Они что-то задумали.

Через некоторое время деревня огласилась отчаянными воплями и коровьим ревом. Крики и рев раздавались в той стороне, где квартировали три друга. Так как я оказался поблизости, то мне ничего не оставалось, как зайти во двор и выяснить, отчего такой шум. Не успел я закрыть калитку, как ко мне вся в слезах подбежала хозяйка квартиры и, указывая на ухмылявшихся ребят, завопила:

- Хулиганы, бандиты, душегубы, что наделали, что наделали, вот, побачьте сами!

Возле закрытых ворот хлева, вижу, лежит окровавленный хвост. Я вопросительно взглянул на хозяйку.

- Бачите, теперь бачите, что сделали эти изверги, - хвост у коровы оторвали, - и она снова принялась плакать навзрыд и причитать.

Я строго посмотрел на Костю и Леву, те нагло, с вызовом, продолжали улыбаться. Неслыханно! Как будто для них это было

обычным делом - отрывать коровам хвосты.

- А ну-ка, хлопцы, попытайтесь объяснить свой бессмысленный поступок!

- Что нам с этой коровы, молока не видим, даже кислого, - за себя и за Леву ответил Арлетинов.

- При чем же тут животное, оно не виновато, что хозяйка не дает вам молока.

- Оно, конечно, так, но, с другой стороны, как надо было нам поступить, как проучить ее, то есть хозяйку, за скупость? Вот мы и придумали.

- Вдвоем?

- Нет, втроем, с Курышевым тоже посоветовались...

- Вы вот почему-то смеетесь, а смешного во всем этом мало. Придется вас арестовать и посадить на гауптвахту.

- За хвост? - поинтересовался Лева.

- Не за хвост, а за недостойное бойцов Красной Армии поведение. Предлагаю сдать оружие!

Ребята молча сняли с плеч автоматы, отстегнули ремни и начали не спеша складывать оружие и амуницию на крыльцо. Тут хозяйка мстительно посмотрела на них и немного успокоилась. После этого она подошла к воротам хлева, раскрыла их, ахнула и присела, схватившись за голову. Заглянул в сарай и я. Там, лениво помахивая хвостом, спокойно жевала жвачку пестрая коровенка. Никаких телесных повреждений у нее не было.

А произошло вот что. Ребята от скуки и желая за скупость проучить хозяйку, муж которой, по слухам, служил где-то в полиции, решили устроить спектакль Взяли воловий хвост и, выбрав подходящий момент, зажали его между створками ворот. Игорь держал хвост с той стороны ворот и как можно правдоподобнее старался подражать реву терзаемой скотины, в то время как Лева с Костей изо всех сил тянули хвост в другую сторону. На рев коровы выбежала из избы хозяйка, и тут же, как по команде, Лева с Костей покатились по земле с хвостом в руках...

Тут она и взвыла на всю деревню. Никольского, Арлетинова и Курышева пришлось примерно наказать за эту проделку. Ну а что касается хозяйки, то она после этого трагикомического случая стала более внимательной к своим постояльцам.

Под Марьиной горкой

Со дня на день с огромным нетерпением ждем самолет. Уже неоднократно назначались даты, но по каким-то причинам самолет не высылали. И лишь в ночь на 19 мая над нашими кострами с приглушенными моторами появился самолет с Большой земли. Раскрылись купола парашютов - один, два, три...

семь! На одном из них приземлился невысокого роста сухощавый мужчина лет тридцати. Это был Николай Гришин - долгожданный радист. Почти полгода мы не имели регулярной связи, и вот наконец-то она восстановится.

Радио для нас было не только средством связи с Большой землей, с Отчизной, с ее армией и тылом. Что греха таить, при наличии связи нам казалось, что мы не можем оказаться в безвыходном положении - будь мы в осаде, в окружении, нам сумеют оказать помощь, выручат из беды. Эта невидимая нить, связавшая нас с Родиной, прибавляла нам силы, уверенности, отваги и мужества.

После получения груза с большим подъемом стали готовиться к перебазированию в свой район - на север. Больные наши поправились, тиф, к счастью, не унес ни одной жизни, и лишь цинга продолжала еще мучить нас. Но теперь уже появилась свежая зелень, нам прислали соль, витамин С. Будет легче.

Наступил день отъезда - холодный, дождливый, но его скрасили теплые проводы, которые нам устроили дубровцы. В домах, где стояли наши бойцы, хозяйки приготовили хороший завтрак. И наша хозяйка, Ольга Васильевна Скора, не отстала от других. Невысокого роста, живая и энергичная, она встала еще затемно, затопила печку и, пока мы спали, уже успела собрать на стол. Когда мы, умывшись, сели на деревянную лавку, Ольга Васильевна подала нам яичницу с салом и пшеничные коржики, испеченные, наверное, из последних горсточек муки.

- Ну, хлопцы, поснедаем на прощанье, - произнесла Ольга Васильевна.

Ее муж, высокий рыжебородый человек лет сорока, связной одного из партизанских отрядов, тоже сел за стол, а их сын, мальчишка лет пяти, резвился на полу с незатейливыми самодельными игрушками.

- Жаль, хлопцы, что уезжаете, - произнес хозяин.

- Вы для нас родными стали, а теперь в хате будет пусто и тихо, - добавила хозяйка.

- Что поделаешь, служба, - ответил я.

От души поблагодарив хозяев за доброту и гостеприимство, пошли седлать лошадей. Хозяева вышли вслед за нами.

На краю села у нашего обоза собрались почти все жители деревни. Накрапывал мелкий холодный дождичек, но люди не расходились. Шарый взобрался на подводу, снял папаху, помахал ею, чтобы привлечь внимание провожающих, а затем громко крикнул:

- Прощайте, дубровцы! Не поминайте лихом! В ответ послышалось:

- Успехов вам! Долгой жизни!

Колонна тронулась, а люди еще долго стояли, не расходились. Свидимся ли когда еще?

Мы спокойно проехали многие десятки километров по партизанской зоне. Позади остались Зубаревичи, Кркжовщина, Козловичи. Ехали медленно, с продолжительными остановками - надо было кормить лошадей. Иного корма, кроме жиденькой еще и малопитательной травы, для них не было, а подводы порядочно загружены: взрывчатка, боеприпасы. Часть бойцов ехала верхом - это наша разведка.

На третьи сутки добрались до Макаровки. Разведка оттуда вернулась быстро: в деревне тихо, полицаев и немцев нет. Теперь мы чувствуем себя здесь куда увереннее и спокойнее, чем год назад.

Распрягли лошадей. Двигаться дальше днем уже опасно - скоро Варшавское шоссе, а там возможна встреча с противником. В другое время, налегке, мы бы, пожалуй, и не стали задумываться: переходить нам шоссе или нет, но сейчас, когда мы везли ценнейший груз, рисковать не следовало.

Неожиданно над нами на небольшой высоте пролетел немецкий бомбардировщик, затем он развернулся и снова пошел в нашу сторону. Вот уж не было, как говорится, печали...

- Рассредоточиться! - приказал Шарый. - Уйти под прикрытие деревьев! Калядчик, подготовить пулемет к бою!

Самолет шел прямо на нас. Бомболюки были закрыты, наверное, уже отбомбился. Виктор прикинул скорость машины, ее высоту, взял упреждение и дал по самолету несколько очередей. Бомбардировщик стал удаляться, а за ним потянулась тоненькая струйка дыма, она стала быстро расти, и вскоре мы увидели пламя, охватившее правую плоскость.

- Молодчина, Виктор, - произнес Шарый, - орден тебе обеспечен.

- Не откажусь, - улыбаясь, признался Калядчик.

Через несколько минут над лесом поднялся столб густого черного дыма, и до слуха донесся оглушительный грохот взрыва. Земля под ногами вздрогнула. Еще один стервятник нашел себе могилу на белорусской земле.

Когда стало темнеть, наш обоз снова двинулся в путь. Варшавское шоссе переехали возле Двора Глуши, миновали деревню Белую и остановились в лесу под Тарасовичами, на подготовленной Максимуком зимней базе. Большая часть трудного и опасного пути осталась позади. Дальше решили идти через несколько дней.

Отсюда, с базы, с различными заданиями разошлись

небольшие группы. Пантелей Максимук взял с собой несколько подрывников и отправился на железную дорогу под Бобруйск. Бычков и еще трое ребят пошли к станции. Ясень. Костя Сысой и Виктор Калядчик решили идти к деревне Горбацевичи, чтобы подорвать мост на Варшавском шоссе. Эти места они знали лучше, чем кто-либо из нас, хорошо освоили к этому времени подрывное дело, и не было сомнений, что ребята проведут эту операцию наилучшим образом. Мы с Шарым взяли с собой десять бойцов и пошли на "Варшавку" за "языком". В лагере остались раненые да еще несколько человек, чтобы приглядывать за лошадьми.

К сожалению, не всегда нам удавалось выполнить намеченные операции, случались и неудачи. Вот и на этот раз на подходе к железной дороге попала в засаду группа Саши Бычкова. В короткой и ожесточенной схватке был убит один из бойцов. Ребята с трудом ушли от преследования.

Наша операция на "Варшавке" удалась не полностью. Мы из пулемета и автоматов в упор расстреляли легковую машину, на асфальт посыпалось стекло, машина завиляла - вот-вот занесет в канаву, но уцелевший и, видимо, опытный шофер сумел справиться с управлением. Дошли до нас потом разные слухи. Одни говорили, что убит генерал и обер-лейтенант, другие, что погибли трое офицеров. Но не в этом была цель нашей операции - нужен был пленный, а его-то мы добыть так и не сумели.

Так как в течение нескольких месяцев в Осиповичском районе не было постоянных партизанских сил, то немцы осмелели, начали появляться в деревнях, забирать коров. Овец и свиней в деревнях давно уже никто не видел. Проблему с продовольствием решили "просто": отбирать у противника, другого выхода у нас не было. Когда в районе Тарасовичей появился взвод из отряда Храпко, стало возможным общими силами сделать налет на стеклозавод Глуша. Оттуда пригнали целое стадо коров и овец. Полицаи, охранявшие скотину, разбежались.

Прошло около недели нашего пребывания под Тарасовичами. Связь работала четко. Морозов и Суралев регулярно привозили данные о железнодорожных перевозках через Осиповичи, которые мы получали от Зинаиды Францевны Ждановой через Марию Кондратенко и заведующую продовольственным магазином в Осиповичах Соню Ушакевич. На связь по-прежнему ходила Елена Викентьевна Лиходиевская. Ценные сведения поступали и из-под Бобруйска от Максимука.

8 июня Хозяин запросил данные о Викторе Калядчике, необходимые для представления его к награде. Эти данные мы немедленно сообщили. Заодно передали, что группа Чеклуева в

составе Чупринского, Арлетинова, Курышева, Гуськова и Никольского прошлой ночью устроила крушение воинского эшелона немцев на железной дороге Осиповичи - Слуцк возле Будовского переезда. Теперь, когда у нас появились детонаторы замедленного действия, осуществлять боевую работу стало значительно легче.

10 июня мы встретили связных от Королева, которые двигались в Полесье. От них узнали, что в ожесточенных зимних боях с карателями погиб Степан Самуйлик, при минировании моста через Свислочь подорвался Виктор Соколов.

Выяснилось, что Самуйлик и Соколов во время выполнения боевого задания оказались в районе (северо-восточнее Осиповичей), блокированном немецкими регулярными частями. В свой отряд им вернуться не удалось, и они, влившись в бригаду Королева, участвовали во всех проведенных ею операциях, особенно отличившись при этом в подрывном деле. И вот наших дорогих боевых товарищей не стало. Еще одна невосполнимая потеря.

В середине июня вновь получили радиограмму: "Основная задача отряда разведка. Вести постоянное наблюдение за железнодорожными перевозками через станции Осиповичи и Марьина Горка. Место дислокации - на ваше усмотрение. Хозяин".

Итак, снова надо перестраиваться только на разведку. Конечно, все мы понимали, насколько важен проводимый нами сбор разведданных, но, честно говоря, к диверсиям у нас душа лежала больше - там сразу виден результат твоей работы. Однако приказ есть приказ, и его надо выполнять. Мы оставили наш лагерь под Тарасовичами и выехали на запад с тем, чтобы устроить базу на месте, примерно равноудаленном от объектов разведки: Марьиной Горки и Осиповичей.

Двигались, как правило, ночами, а под утро останавливались на дневку. Наша конная разведка уходила далеко вперед, выясняла обстановку, и по ее данным определялся дальнейший маршрут движения колонны. Но разведка велась не только по пути предполагаемого движения. Конники несли охрану и в тылу нашего обоза.

Вот и на этот раз, когда отряд переправился возле Моисеевичей по мосту через реку Птичь и остановился на отдых недалеко от деревни Островки, наши разведчики поскакали вперед, в сторону Сутина, а по тыловым дорогам, в сторону Мезовичей и Дараганова, направились еще две группы.

Мы не напрасно опасались преследования. Чеклуев со Смирновым прискакали первыми и доложили, что из Мезовичей вышла рота гитлеровцев и идет в район Моисеевичей. Я

предложил Шарому вести отряд к Су-тину, а сам с группой бойцов вызвался задержать противника. Шарый согласился.

Минут через тридцать разведка противника осторожно подошла к мосту и начала его обследовать. Фашисты искали мины, а мы и не думали минировать мост. Если местные партизаны до сих пор его не уничтожили, значит, он им нужен.

Закончив проверку, гитлеровцы двинулись по мосту. Когда первые из них дошли до середины, мы ударили по ним из пулеметов и автоматов. Уцелевшие фашисты отхлынули назад. Завязалась перестрелка. Тем временем наш обоз на рысях уже подъезжал к деревне Су-тин. В ней наши товарищи встретились с партизанами и по их совету свернули на запад, в партизанскую зону. Там мы и догнали свой отряд.

Остаток июня ушел на ознакомление с местностью и выбор места стоянки. Расположились мы сначала под деревней Омельно, но в конце концов обосновались на правом берегу реки Птичь, в сосновом лесу возле маленькой деревушки Бытень. Место было достаточно удобное и безопасное. На юге и западе сплошные непроходимые болота, на севере и востоке - деревни, контролируемые партизанами. Недалеко от нас действовали бригада "Беларусь", 1-я и 2-я Минские партизанские бригады.

Нельзя сказать, что в этом районе было совершенно спокойно. Время от времени немцы из гарнизонов совершали неожиданные вылазки. В конце июня они появились в Дубровке, забрали там лошадей, а в первых числах июля в Каменке и Мацевичах "реквизировали" коров.

Мы начали знакомиться с дорогами, ведущими к Осиповичам и Марьиной Горке, вели наблюдение за движением поездов. Дело это, конечно, было полезное, но малоприятное - сиди целыми днями где-нибудь в кустах, корми комаров и смотри на самодовольных фашистов, сидящих в товарных вагонах, расположившихся на танках и орудиях, погруженных на платформы. Взрывчатка у нас была, и ни Шарого, ни меня не пришлось долго уговаривать воспользоваться ею.

3 июля группа в составе Суралева, Гуськова и Корзилова устроила крушение на железной дороге Осиповичи - Минск. 24 июня пустили под откос вражеский эшелон Чеклуев, Стенин, Арлетинов и Никольский.

Между тем Хозяин все настойчивее требовал от нас свежих разведданных о противнике. В один из дней Шарый приказал собрать бойцов и перед строем подробно рассказал о поставленной перед отрядом задаче: регулярно передавать сведения о железнодорожных перевозках через Марьину Горку, Тальку, Осиповичи и Слуцк. "Выполнять эту задачу, - сказал

Шарый, - можно двумя путями: вести личное наблюдение, как это делается сейчас под Марьиной Горкой, или добывать сведения через своих людей на станциях, как в Осиповичах. Для этого необходимо в близлежащих к этим станциям деревнях подобрать надежных помощников. Дать им задание связаться со своими родственниками, знакомыми, преданными Советской власти людьми, работающими на железной дороге. Через связных получать информацию о железнодорожных перевозках. Считаю, что надо выделить специальные группы разведки на Марьину Горку, Тальку, Осиповичи и Слуцк".

Кандидатуры командиров групп мы с Шарым обсудили, конечно, заранее. Разведку на Осиповичи поручили Суралеву. На Марьину Горку - Чеклуеву. На Тальку - Морозову. На Слуцк - Бычкову.

Федя Морозов еще месяц тому назад был в деревне, договорился о взаимодействии с одним из жителей - Александром Довнаром, - этот источник информации позволял нам контролировать сведения, поступающие из Осиповичей и Марьиной Горки.

Пантелею Максимуку было приказано осуществлять контроль за железнодорожными перевозками через станцию Бобруйск.

Удалось сформировать и хорошо вооруженную диверсионную группу во главе с Левой Никольским. В нее вошли наши девушки Валя и Рая. В выборе командира мы не ошиблись. Эта группа совершила много смелых и хорошо продуманных вылазок на железную дорогу Марьина Горка - Осиповичи и на шоссейные дороги.

Перед тем как распустить людей, Шарый сказал: "Где бы вы ни были, что бы ни делали, - помните о самом главном - прежде всего вы разведчики штаба фронта".

Разведку в Марьиной Горке мы организовали с помощью жителей деревни Дубровки, где нам удалось опереться на несколько отчаянно смелых людей, настоящих патриотов своей Родины. Среди них были восемнадцатилетняя Вера Луцевич (Валя) и умудренная жизненным опытом учительница Леокадия Александровна Гонсевская.

С Верой мы познакомились в июне сорок третьего года. Повернув коней от совхоза "Сенча" к Дубровке, на бывшем Сенчанском аэродроме мы - я и еще трое наших ребят - увидели миловидную девушку с длинными черными косами и с книжкой в руках. Одета она была в полинялое старенькое платье. Рядом паслись лошади.

- Что, девушка, скучаете? - спросил я ее, чтобы как-то завязать разговор.

- Скучать некогда, надо пасти лошадей, - ответила она, смело рассматривая нас.

- Такая ладная, молодая да красивая, и вдруг пастушка, - заметил Вася Смирнов. Девушка зарделась, но так же спокойно ответила:

- Ничего не поделаешь, пасем все по очереди - и красивые и некрасивые, и молодые и старые.

Отправив Васю Смирнова и Сашу Стенина в деревню, мы с Чеклуевым присели на траву рядом с девушкой.

- Давайте знакомиться, Федор, - представился я. - Комиссар партизанского отряда Шарого.

- Вера Луцевич.

Постепенно разговорились. Выяснилось, что Вере семнадцать лет, живет она с отцом и матерью в Дубровке. Комсомолка.

- Скажи, - обратился я к девушке, - ты бы хотела помочь Красной Армии?

- Смотря чем и как.

- Вот какое дело, Вера, - начал я, тщательно взвешивая каждое слово. - Про наш отряд ты, может быть, и не слыхала, мы здесь недавно. Наша задача разведка. Для сражающейся Красной Армии нужны самые подробные и регулярные сведения о военных перевозках немцев по железной дороге, о воинских частях, расквартированных в Марьиной Горке. И здесь без помощи местных жителей нам не обойтись. Ты меня понимаешь?

Луцевич согласно кивнула головой.

...В Дубровку мы вновь приехали через неделю. Встретились с Верой. Она сказала, что в Марьиной Горке живет подруга ее матери с сыном Владимиром и что дом их расположен у самой железной дороги. Из окон дома можно вести постоянное наблюдение за железнодорожными перевозками немцев. Вера хорошо знала Владимира Бондарика и на другой же день отправилась в Марьину Горку, рассчитывая получить от него согласие на сотрудничество.

Бондарик обещал подумать. Ни Вера, ни мы еще не знали тогда, что Бондарик уже давно состоит в подпольной группе. Вполне понятно, что на сотрудничество с нами ему было необходимо получить разрешение руководства группы. Вскоре такое разрешение он получил, и мы через Веру стали регулярно получать необходимые сведения о воинских перевозках противника через станцию Марьина Горка.

Нумерацию войсковых частей запомнить было трудно. Поэтому Вера и Володя придумали такой способ записи: на крышках спичечных коробков бисерным почерком писали порядковый номер коробки, а изнутри - номера войсковых частей.

В деревнях спичек не было, в Марьиной Горке они стоили больших денег, но мы пошли на эти расходы. Такой товар, как спички, не вызывал никаких подозрений ни у немцев, ни у полицаев.

Зная о наших постоянных трудностях с медикаментами и перевязочным материалом, Вера связалась с медсестрой городской поликлиники Марией Григорьевной Кудиной и от нее получала все необходимое.

Однажды при выходе с медикаментами из Марьиной Горки Веру остановил полицейский патруль. Старший из полицаев знал Веру еще с тех пор, когда она училась в педтехникуме в Марьиной Горке, и даже ухаживал за ней.

- Что несешь? - спросил один из патрульных.

- Мины, - ответила девушка. - Нате, покопайтесь в дамской сумочке, ведь это так интересно.

Старший полицейский приказал пропустить девушку.

Попадала она несколько раз и в облаву, которые немцы устраивали в Марьиной Горке, чтобы забрать молодежь для отправки в Германию, но, хорошо зная город и повадки врага, всегда уходила от гитлеровцев.

Группы разведчиков выдвинулись к своим объектам и жили постоянно там во временных лагерях. Полученные сведения каждые пять дней доставлялись в штаб, обрабатывались, а затем передавались командованию. Что касается нас с Шарым, то мы часто бывали в этих группах, иногда вместе, иногда врозь, встречались со связными, информировали их о положении на фронтах Великой Отечественной войны, ставили новые задачи.

В хлопотах по организации разведки незаметно прошли июль и август. В конце августа у Шарого разболелись старые раны, и ему разрешили вылететь на Большую землю. С Ильей Николаевичем улетела и серьезно заболевшая Нина Морозова. За время пребывания в отряде она терпеливо сносила все тяготы нашей нелегкой жизни, была требовательна к себе, всегда внимательна к товарищам, а мы вот, видно, недоглядели, не заметили, что она заболевает.

1 сентября Илья Николаевич и Нина попрощались с нами и в сопровождении семерых бойцов отправились на аэродром в Репин. С отъездом Шарого на меня была возложена обязанность командира отряда "Москва". Нельзя сказать, чтобы это меня испугало. Как ни говори, а за плечами уже был немалый боевой опыт, отряд хорошо вооружен, бойцы словно на подбор, дружные, умелые, дисциплинированные. Что же касается нашей задачи, то она вполне четкая и ясная: разведка.

И все же сомнения были. Ведь Шарого, и это я хорошо знал,

все уважали не только как храброго, знающего командира, но и любили как человека доброго, справедливого, готового держать ответ за поступки каждого бойца. А я? Сумею ли быть похожим на командира, смогу ли завоевать любовь и доверие бойцов? Что ж, время покажет...

Вскоре за делами и заботами бойцы смирились с отсутствием Шарого, хотя часто вспоминали его, а нас все по-прежнему звали шаровцами.

Приближалась осень 1943 года, приближались дожди и холода. Пора было кончать с буданами из еловых веток и приступать к строительству более основательных жилищ. Но эта осень (да и зима) пугала нас куда меньше, чем прошлая. Положение на фронтах круто изменилось в нашу пользу. Разгромив гитлеровцев на Курской дуге, войска Красной Армии продвинулись далеко на запад. На юге Полесья они освободили Мозырь, Рогачев, а это уже совсем рядом с Бобруйском...

Война же за линией фронта продолжалась. Партизанское движение приняло такой размах, что гитлеровское командование приняло решение от карательных операций перейти к крупномасштабным боевым действиям против партизан с использованием регулярных воинских частей. В августе 1943 года ставка вермахта потребовала от группы армий "Центр" привлечь к охране железных дорог все силы, "не занятые непосредственно на фронте, в том числе учебные, резервные соединения и нелетный состав авиации". В сентябре последовал приказ начальнику войск по борьбе с партизанами на Востоке обергруппенфюреру СС Бах-Залевскому: "...Использовать подчиненные войска в первую очередь для отвлечения сил и средств противника от основных железнодорожных магистралей".

Естественно, все это мы узнали гораздо позже. А пока, пока ни на день не прекращая разведки, отряд приступил к сооружению землянок. Построили две просторные землянки для бойцов, одну - для больных и раненых, перевязочную, в которой постоянно находились Мария Пигулевская с Валей Смирновой, и баню. Все постройки оборудовали железными печками, а в бане пол выложили кирпичами.

После шалашей из елового лапника новое жилье казалось нам настолько удобным, что ничего лучшего и пожелать было нельзя. Как говорят: "Дорого яичко ко святому дню".

Осиповичские разведчики

В начале октября 1943 года мы получили приказ передать координаты военных объектов и план наземной и противовоздушной обороны важного узла железных и шоссейных дорог города Осиповичи.

Такое задание наводило на мысль, что в ближайшее время может начаться наступление наших войск - командованию нужно знать, какое сопротивление могут оказать немцы в этом районе.

Я немедленно выехал к Суралеву и через нашу связную Елену Викентьевну Лиходиевскую передал Марии Яковлевне Кондратенко, чтобы на другой день в 12.00 она вышла на связь.

Здесь, под деревней Заболотье, я наконец-то встретился и познакомился с Марией Яковлевной, бесстрашной и самоотверженной женщиной, матерью пятерых детей, с 1942 года бесстрашно и самоотверженно выполнявшей наши задания.

- Вот что, Мария Яковлевна, - обратился я к ней. - Командование поставило перед нами задачу достать карту города Осиповичей и его окрестностей, с нанесенными на нее вражескими складами, окопами, проволочными заграждениями, минными полями, долговременными огневыми точками, зенитными батареями. Кто бы мог это сделать?

Мария Яковлевна подумала и твердо ответила:

- Константин Васильевич Скрипов.

- Вы его хорошо знаете?

- Это наш человек. От него я получаю сведения о воинских частях, стоящих в Осиповичах или проходящих через них.

- Чем он занимается сейчас, при оккупантах?

- Работает в хозотделе, красит кресты на могилах гитлеровцев. Работы хватает, особенно после крушения поездов.

- Сумеете разъяснить, что нам нужно? - спросил я Марию Яковлевну.

- Лучше будет, если вы напишете записку. Не беспокойтесь, я спрячу ее в такое место, что никто не найдет.

Пришлось набросать записку: "Товарищ С.! По имеющимся данным, немецко-фашистское командование приступило к строительству укреплений города и железнодорожного узла Осиповичи. Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что час освобождения Белоруссии близок.

Прошу вас сделать план города и окрестностей, нанести на нем расположение окопов, проволочных заграждений, дотов, дзотов, зенитных установок, складов, учреждений и прочих военных объектов. Срок - октябрь 1943 года. В последующем систематически вести наблюдение за объектами. Помните, Ваши данные помогут освобождению города ценой малой крови. Федор".

Мария Яковлевна хорошо знала Скрипова - до войны Константин Васильевич работал главным инженером технического отдела Осиповичского райисполкома, но она не могла знать тогда, что данные о воинских частях Скрипов

получает от нашей разведчицы Гали Валуевич, которая работала в сельхозуправлении (крайсландвирт) и ведала выдачей нарядов на продовольствие немецким воинским частям. Из копий нарядов Валуевич узнавала номера воинских частей, их численность, род войск. Такую информацию через Кондратенко мы получали регулярно.

Получив записку, Скрипов сразу же приступал к делу. Ему, опытному геодезисту, картографу, не стоило больших трудов начертить карту города. Куда сложнее было обнаружить, а потом нанести на карту интересующие нас объекты. Эти зоны тщательно охранялись, там в любое время могли открыть огонь без предупреждения. Еще труднее было следить за перевозками от железной дороги к складам. Что везут, в каком количестве - в конечном счете нам нужно было знать, сколько и какого именно вооружения скопилось на немецких складах. Действовать Скрипову, как и другим подпольщикам, приходилось предельно осторожно: немцы и полицаи стали очень подозрительными.

Впервые Константин Васильевич был арестован в 1942 году. Его обвинили в связи с партизанами. Так оно и было на самом деле, но следователи СД не сумели доказать его виновность. Второй раз в гестапо Скрипов попал летом сорок третьего. Его продержали в следственном отделе более полутора месяцев, вели каждодневный допрос. Били резиновыми дубинками квадратного сечения, били наотмашь, изо всей силы.

Приводили в чувство, окатив холодной водой, и снова били. Но подпольщик выдержал, ни в чем не признался, и гитлеровцы были вынуждены освободить его во второй раз.

Приступая к работе над картой, Константин Васильевич знал: в третий раз его уже не выпустят. Над картой он работал один, никого не привлекая к этому делу. Собирал сведения по крохам, запоминал их, потом записывал на отдельные бумажки. Эти бумажки прятал в стеклянные пузыречки, ломиком делал в земле ямки, опускал туда пузырьки, засыпал землей. Когда все необходимые сведения были собраны, он нанес их на карту.

В октябре 1943 года через Кондратенко и Лиходиевскую мы получили от Скрипова тщательно выполненную карту с объектами наземной и противовоздушной обороны города Осиповичи, складами и немецкими учреждениями. Система оборонительных сооружений противника была круговой, глубоко эшелонированной, включала в себя доты, дзоты, пулеметные точки, прикрытые бетонными колпаками и связанные между собой ходами сообщения. Оборонительные сооружения были особенно мощными на шоссейной и железной дорогах Минск - Бобруйск. Очень сильной была система противовоздушной

обороны, особенно в районе складов с боеприпасами. Немецкое командование, очевидно, придавало большое значение обороне города - важного транспортного узла. Об этом свидетельствовала, в частности, готовность немцев вести оборонительные бои в самом городе. На перекрестках городских дорог были сооружены доты и дзоты, в кирпичных зданиях - на вагоноремонтном заводе, в железнодорожной больнице - оборудованы пулеметные точки. Городские узлы сопротивления были огорожены колючей проволокой в несколько рядов.

Полученные данные мы немедленно передали Хозяину.

* * *

В лагере Суралева под Побоковичами тихо. После ночной поездки на связь под Осиповичи люди отдыхают.

Ночует в лагере и вернувшаяся от железной дороги вооруженная тремя ручными пулеметами и автоматами группа Никольского. Все спокойно. Нет никаких данных, что каратели собираются предпринять вылазку из гарнизона. И вдруг предутреннюю тишину разрывает рев машин.

- Токарев, Стенин, быстро на шлях, узнайте, что там такое, - командует Суралев. - Остальным приготовиться к бою, мало ли там что...

И здесь бойцы неожиданно замечают, что кто-то, петляя между деревьев, что есть силы бежит к лагерю. Оказывается, это Толя Попцов, знакомый парнишка из Побоковичей. Еще не отдышавшись, он торопливо сообщает, что в Побоковичи на двух машинах приехали немцы за картошкой - человек тридцать, не больше.

- Какие машины? - спрашивает Никольский. - Крытые, открытые?

- Крытые брезентом, громадные, - отвечает Толя.

Суралев и Никольский после короткого совещания с бойцами принимают решение заминировать шлях и устроить засаду. Сил маловато, зато достаточно боевого пыла и решимости. Кроме того, в лагере оказались двое бойцов из бригады Королева, которые охотно согласились принять участие в операции.

Местность хорошо знакома, мины надо ставить на повороте дороги в сторону Осиповичей - здесь машины еще не успеют развить большую скорость, да и места для засады лучше не придумаешь - кустарник подходит почти к самому шляху.

Лева Никольский и Саша Стенин подползают к дороге и ставят пять противопехотных мин с несколькими шашками тола. Мины расставляются на дороге и на обочине.

Петя Токарев, забравшись на высокую ель, ведет наблюдение за деревней.

- Машины выезжают! - кричит Токарев.

- Хорошо, слезай! - командует Суралев.

Бойцы залегают за кустарником и только что срубленными и воткнутыми в землю елочками. Со стороны Побоковичей с надсадным воем ползут тяжелогруженые машины. У поворота на Осиповичи первая из них останавливается. У бойцов в засаде учащенно бьются сердца, глаза от напряжения заволакивает влагой.

- Неужели обнаружили? - не выдерживает Никольский.

- Нет, не то, просто дожидаются вторую. Если бы заметили, то сразу стали бы выпрыгивать из машины, - говорит Суралев и добавляет: - Огонь по кабине водителя первой машины открываем мы со Стениным. Курышеву бить по скатам первой машины, остальным по кузову!

Машины трогаются, медленно поворачивают на основную дорогу. Первая каким-то чудом проезжает заминированный участок, набирает скорость...

В этот момент Суралев со Стениным открывают по ней огонь, за ними остальные. И тут, наскочив на мину, подрывается вторая машина, по ней стреляет группа Никольского.

Фашисты выпрыгивают из кузова и попадают под кинжальный огонь наших пулеметов и автоматов. Многие из гитлеровцев падают на землю уже мертвыми. Немецкий офицер пытается навести хоть какой-то порядок среди своих. Размахивая пистолетом, он что-то отрывисто командует, но вдруг, взмахнув обеими руками, падает навзничь. Обезумевшие от страха немцы из двух пулеметов и винтовок открывают беспорядочную стрельбу.

Наступает решающий момент. Сейчас надо подняться и стремительным броском преодолеть пятьдесят-шестьдесят метров, отделяющих наших бойцов от противника. Никольский с возгласом "За мной!" устремляется с группой автоматчиков вперед. Его поддерживает Суралев. Их прикрывают пулеметчики. Уцелевшие вражеские солдаты поднимают руки. Приподнимается на локтях раненый лейтенант. Лева его опережает. Пистолет падает на песок.

* * *

На следующий день наши бойцы с трофеями и тремя пленными немецкими солдатами вернулись в базовый лагерь. Вот они, гитлеровские вояки, стоят передо мной, вытянувшись в струнку и ожидая решения своей участи. Что ж, как быть с ними, мы, конечно, решим, но, во всяком случае, война для них уже закончилась.

Привезенную Суралевым информацию о железнодорожных

перевозках через Осиповичи за последние пять дней мы передали Хозяину, а затем засели в землянки обсудить наши текущие дела и задачи.

- Прежде всего, Николай, - обратился я к Суралеву, - в следующий раз передай благодарность Лиходиевской за смелую и самоотверженную работу и за чеха Галаша, который оказался очень ценным информатором. Но ты говоришь, что Елена Викентьевна по-прежнему продолжает бывать в районе расположения той воинской части, где служит Галаш?

- Да, ей хочется сагитировать чехов и словаков, которые служат в 151-й дивизии 2-й венгерской армии, перейти к партизанам.

- Вот это уже крайне неосмотрительно. Прошу тебя, передай ей, чтобы она не увлекалась агитацией. Привлекать внимание и ставить под удар в случае провала себя и других товарищей, с которыми она связана и от которых мы получаем очень важные данные, неразумно.

- Хорошо, командир, передам.

- И вот еще что. Костя Арлетинов тебе рассказывал, что недавно попал в засаду?

- Да, рассказывал.

- Будь осторожен сам и предупреди ребят: нельзя ездить все время одной дорогой. Немцы стали выходить небольшими группами на наши партизанские тропы, а тебе ли мне объяснять, что такое попасть в засаду.

- Учту.

- А вообще я очень рад, что вы с Левой стали не только хорошими бойцами, но и хорошими командирами. Но диверсионными операциями не увлекайтесь.

Бить фашистов надо, но прежде всего ради получения разведданных.

В тот же день группа Суралева благополучно вернулась в свой лагерь под Побоковичами.

* * *

В середине ноября 1943 года в Побоковичи нагрянули каратели. Ворвавшись в дом Лиходиевской, они схватили ее, связали и бросили в телегу. Туда же посадили дочерей Елены Викентьевны Валю и Зину. Ударами плетей и прикладов фашисты согнали к подводам еще человек тридцать жителей деревни. Подводы в сторону Осиповичей, нахлестывая лошадей, погнали фашистские прихвостни полицаи. Немцы же, оставшись в Побоковичах, зажженными факелами стали поджигать дома. То тут, то там раздавались выстрелы, гудели схваченные огнем хаты, ревел оставшийся в хлевах скот.

Закончив свое жестокое, грязное дело, каратели сели в машины и помчались догонять подводы.

Суралев и Стенин в это время оказались возле дороги на Осиповичи. Увидев дым и услышав выстрелы, они спешились, привязали лошадей и вышли к опушке леса. Подводы быстро приближались. На первой и последней ехали одни полицаи, а в середине - арестованные и охрана.

- Ну, что будем делать? - обратился Стенин к Суралеву.

- Будем отбивать, - ответил Николай, - бей по последней подводе, а я займусь первой. Подводы поравнялись с местом засады.

- Огонь! - скомандовал Суралев - и в тот же момент одновременно ударили две автоматные очереди. Уцелевшие полицаи, скрываясь за подводами, стали отстреливаться. Елена Викентьевна нагнулась к детям:

- Тикайте, девочки, спасайте свою жизнь! Не думайте обо мне, тикайте!

Валя и Зина спрыгнули с подводы и побежали к лесу. Двое полицаев повернули карабины в их сторону и начали стрелять. Зина упала. Лиходиевская в отчаянии закричала:

- Убили дочурку, убили, гады, фашисты проклятые! Она не видела, как Зина вскочила на ноги и вслед за Валей скрылась в лесу.

А из деревни тем временем выехал бронетранспортер и стал быстро приближаться к подводам.

- Тикайте, хлопцы! - успела крикнуть Лиходиевская, и ее голос потонул в треске очередей немецких пулеметов. Бронетранспортер сполз с дороги и стал приближаться к месту засады.

- Сашка, уходим! - крикнул Николай.

Ребята побежали к лошадям, вскочили в седла и поскакали. И тут Стенин, тихо охнув, начал сползать с коня.

На другой день возле шляха у поворота к Побоковичам вырос небольшой могильный холмик. Под этим холмиком остался лежать наш испытанный боевой товарищ Саша Стенин.

Тяжелую весть о гибели Саши Стенина в лагерь привезли Никольский и Арлетинов. Суралев не приехал и, пожалуй, хорошо сделал. Сгоряча у меня могли сорваться несправедливые и горькие слова упрека.

Когда мое горе немного улеглось, я, взяв с собой нескольких ребят, сам поехал к Суралеву.

В лагере было невесело. Валя и Зина, забившись в угол землянки, тихо плакали. Толя, самый младший из детей Лиходиевской, стоял перед ними на коленях и пытался их

успокоить. Увидев меня, девочки вытерли слезы. В их глазах засветилась надежда.

- Вы же спасете маму, товарищ командир? - спросила Валя.

- Постараемся, девочки, постараемся, - ответил я, еще не представляя себе, как это сделать.

- Если надо, мы пойдем в город, сделаем все, что прикажете, только бы помочь маме, - у девочки на глаза снова навернулись слезы.

- Да, мои милые, без вашей помощи нам, пожалуй, не обойтись. Кому-то из вас придется идти в город. Надо только решить - кому именно?

- Да мы все пойдем, хоть сейчас, - ответил за всех Толя.

- Нет, ребятки, всем не надо, по-моему, лучше всего с этим делом справится Валя. Она уже бывала в Осиповичах, и не один раз: выносила гранаты из города, пронесла даже как-то магнитную мину, так ведь, Николай?

- Точно, к тому же она хорошо знает Марию Яковлевну.

- Валюша, - обратился я к девочке, - как придешь в город, сразу зайди к тете Мане, может быть, она сумеет что-то разузнать. Пойдешь завтра же утром. А теперь утри слезы, еще рано плакать. И давайте, ребята, все пока отдыхать, договорились?

Мы с Суралевым вышли из землянки. И сразу же окунулись в холодный свежий воздух поздней осени, насыщенный густым запахом хвои. Как хорошо было бы сейчас побродить по этому лесу, просто так, ни о чем не думая, но эта проклятая война отняла у нас такую возможность.

- Николай, - обратился я к Суралеву, - надо бы еще кого-нибудь послать в Осиповичи, узнать поподробнее, где содержится арестованная, какая охрана, с какой стороны удобнее всего атаковать гитлеровцев, откуда и как скоро к ним может подойти помощь. Да и пути отхода надо бы изучить.

- Есть у меня на примете один человек в Заболотье. В принципе он готов с нами сотрудничать, и, я думаю, возьмется выполнить наше поручение.

- Тогда поехали к нему.

После обеда мы вчетвером - я, Николай, Костя Арлетинов и Игорь Курышев верхом отправились в Заболотье. Вернулись в лагерь уже поздно вечером. В землянке, тускло освещенной керосиновой коптилкой, на чурбаке у железной печки сидел незнакомый человек в суконной желто-зеленой форме. При нашем появлении он вскочил, щелкнул каблуками, козырнул и представился:

- Галаш, унтер-офицер 151-й венгерской дивизии, - оказалось, чех говорит по-русски.

- Ну уж нет, теперь ты, можно сказать, боец партизанского отряда "Москва", - с улыбкой сказал Суралев, подошел к нему, крепко обнял и расцеловал. - А вот и наш командир, - произнес он, указывая на меня.

Галаш, возбужденный и радостный, подошел ко мне, и мы обменялись крепким рукопожатием. Затем присели у печки, потирая замерзшие руки, я спросил его:

- С чем же ты пришел?

Чех ответил, что принес автомат, несколько гранат, Два пистолета. И, тут же выхватив из-за пазухи один из них, подал его мне.

- Это мой подарок.

Я взял в руки пистолет, великолепный четырнадцатизарядный чешский маузер, и сказал со смехом:

- Я не это имел в виду, речь идет о свежих разведданных. А за подарок спасибо, принимаю. Насколько нам известно, ваша дивизия прибыла с Восточного фронта, куда она теперь направляется?

- В Минск, говорят.

- Почему в тыл?

- Нам не доверяют. Две дивизии 2-й венгерской армии, 106-я и 108-я, под Брянском за отказ воевать против Красной Армии были расформированы, зачинщики расстреляны.

Затем Галаш рассказал об изменениях в Осиповичском гарнизоне, о том, какие части выбыли и какие их сменили.

- Ну а теперь давайте подумаем, как выручить Елену Викентьевну, обратился я к товарищам, - Галаш, где содержатся арестованные?

- Я думаю, в следственном отделе СД на улице Садовой.

- Как охраняется здание?

- Оно огорожено проволокой и охраняется полицейскими, причем не местными.

- С такой охраной, пожалуй, нетрудно будет справиться, - заметил Суралев.

- Да, но не забывайте, что Садовая в центре города. До нее еще можно добраться, а вот когда поднимется тревога, уйти будет очень трудно, - возразил ему Костя Арлетинов.

- Но мы обязаны выручить ее, она помогала нам в течение полутора лет, мы не можем бросить ее на произвол судьбы, - сказал я.

- Немецкое обмундирование на двадцать солдат и одна офицерская форма у нас имеются, - заявил Никольский. - Имеется также трофейное оружие. Переодевшись в эту форму, мы обойдем посты и без особого труда проникнем в город. Ну а как конкретно

провести операцию, подумаем, когда увидимся с нашим человеком из Заболотья, - добавил Суралев.

- Ну что ж - подождем, как говорится, утро вечера мудренее...

* * *

В ночь с 19 на 20 ноября Мария Кондратенко не спала. Она лихорадочно думала, как выручить Гелю (под таким именем работала Лиходиевская).

Мария Яковлевна накануне видела ее в толпе арестованных. Измученная, но несломленная маленькая седая женщина в плюшевом жакете шла с гордо поднятой головой.

Мария перебирала в памяти всех, кто бы мог ей помочь спасти Гелю, искала хоть малейшую зацепку. Ей уже приходилось бывать в подобных ситуациях. Дважды она спасала от верной смерти мужа - Иосифа Максимовича. Когда он работал в пекарне, была крайне мала выпечка. Полицаи догадались, что хлеб идет партизанам. Схватили Иосифа Максимовича, начали пытать. Мария Яковлевна собрала все, что было ценного в доме, и выкупила мужа у полицаев. Второй раз Иосифа Максимовича арестовали после того, как в поезде, где он был проводником, взорвалась цистерна с горючим. Взорвалась от магнитной мины, которую он сам же и поставил. И опять его выручила Мария...

Иосиф Максимович и Мария Яковлевна были очень храбрыми людьми. В первые же дни оккупации они, рискуя жизнью, сумели унести бюст Ленина, стоявший прежде на пьедестале у железнодорожных мастерских и сброшенный гитлеровцами на землю. Бюст вождя Иосиф Максимович и Мария Яковлевна бережно обернули бумагой и закопали у себя в огороде.

"Будь что будет, - решила Мария, - пойду к бургомистру, попробую перед ним похлопотать за Гелю". Кондратенко знала, что бургомистр на перепутье - то ли уходить к партизанам, то ли ждать сурового возмездия от Советской власти. Однако и он ничем не смог помочь...

Не сумели помочь и мы. Не успели...

Гитлеровцы жестоко пытали Елену Викентьевну. Но она упорно молчала. Ее били шомполами, жгли раскаленным железом, выкручивали руки... Мужественная разведчица перенесла страшные пытки, но никого не выдала. Не в силах больше терпеть нечеловеческие муки, Елена Викентьевна покончила с собой. 20 ноября Николай Гришин сообщил в Центр: "Подпольщица, информировавшая о гарнизоне и станции Осиповичи, Е. В. Лиходиевская, была арестована гестапо и сегодня покончила с собой".

Гибель Елены Викентьевны на некоторое время нарушила систему связи нашего отряда с осиповичскими подпольщиками. Но это длилось недолго. Несмотря на смертельный риск, обязанности связных взяли на себя другие патриоты.

Гитлеровцы применяли жестокие репрессии, стремясь запугать местное население, заставить его отказаться от помощи партизанам. Но ничто не приносило врагам желаемых результатов. Борьба продолжалась. На место погибших бойцов вставали новые...

Ждите гостей

В январе 1944 года мы получили важную радиограмму: "В Марьиной Горке приготовить квартиру для радистки, продумать доставку радиостанции и двух комплектов питания. Подобрать связных. Ждите гостей. Хозяин".

Сразу же после получения этой радиограммы я вызвал Чеклуева.

- Кому ты думаешь поручить это ответственное дело? - спросил я его.

Немного подумав, Саша ответил:

- Гонсевской. Она, как известно, успешно выполняла все наши поручения. Женщина безраздельно преданная Советской власти, умная, изворотливая. И к тому же у нее много знакомых в Марьиной Горке.

Я и сам думал поручить это дело Леокадии Александровне и очень обрадовался, что наши мнения совпали.

Примерно через две недели Чеклуев приехал в лагерь и сообщил, что все улажено, квартира есть.

- А как насчет связи с радисткой? - спросил Я его.

- На связь будет ходить только Гонсевская.

- Правильно. А когда радистка устроится в Марьиной Горке, то будет получать информацию непосредственно от Бондарика. Кроме хозяйки квартиры и Гонсевской, никто ничего не должен знать об этом деле.

- Даже из наших?

- Да, иначе нельзя.

Когда Саша уехал, я снова взял в руки текст радиограммы и задумался. "Ждите гостей". Что это будут за гости? Один из них, несомненно, радист, а кто другой или другие? Но и очередная радиограмма не дала ответа на этот вопрос. В ней сообщалось: "В ночь на 5 февраля ждите самолет. Хозяин".

Начало февраля 1944 года... Вот уже двадцать месяцев мы находимся на белорусской земле. Они не были для нас легкими, эти месяцы. Конечно, если бы мы спокойно отсиживались в своих хорошо оборудованных землянках, то не было бы трудностей, не было бы тяжелых потерь, которые отряд понес за это время, но мы выполняли свой долг и старались выполнить его с честью.

В летний зной, осеннюю грязь, в зимнюю стужу наши разведчики постоянно были на боевой вахте - верхом, на телегах,

на санях, пешком, они кружили под Осиповичами, Марьиной Горкой, Талькой, Слуцком и Бобруйском, а затем, проделав путь в десятки километров, возвращались с разведданными на базу, отдыхали день-два и снова отправлялись в свои районы действий.

Не могла немецкая контрразведка не знать, с какой целью мелкие группы партизан появляются в населенных пунктах, расположенных в нескольких километрах от важных узлов коммуникаций. Чтобы пресечь эту деятельность, принявшую особый размах в последнее время, фашисты на партизанских тропах стали устраивать засады. Для этого не требовались крупные воинские подразделения, достаточно было одного-двух десятков хорошо обученных и вооруженных солдат, ведь наши группы связных, как правило, были небольшие, два-три человека. Это обстоятельство тоже, очевидно, хорошо было известно противнику.

Засад, которые устраивали немцы осенью и зимой 1943/44 года, было множество.

Костя Арлетинов и Лева Никольский на пути из-под Осиповичей обнаружили засаду под Репищами. Они развернули сани и сумели уйти, хотя гитлеровцы еще долго стреляли им вслед из винтовок и пулеметов. Напоролся на засаду и Саша Бычков с группой разведчиков. Но немцы, засевшие на опушке леса, слишком поздно открыли огонь, и сани вихрем пронеслись мимо. Лишь один из разведчиков получил при этом легкое ранение.

В совхозе "Велень" под Марьиной Горкой наша небольшая, но хорошо вооруженная группа во главе с Сашей Чеклуевым и Васей Смирновым также чуть-чуть не нарвалась на засаду. Саша Бычков, который оставался в охранении во дворе одного из деревенских домов, увидел свет горящих цигарок возле совхозного амбара в яблоневом саду, мимо которого они прошли десять минут назад. Об этом он тут же сообщил ребятам. Те бесшумно вышли из хаты и обходным путем двинулись к Дубровке. Из засады по ним ударили немецкие пулеметы. Наши залегли, ответили огнем из автоматов и, отстреливаясь, ушли. Преследовать немцы не стали. Очевидно, побоялись потерь.

Возвращаясь из-под Бобруйска, попал в засаду Тит Чупринский. Он сражался до последнего патрона, до последнего вздоха. Фашистам дорого пришлось заплатить за его смерть.

На пути из-под Тальки в Сутин погиб Георгий Шихалеев. Уходя от преследовавших его гитлеровцев, он в жестокий мороз провалился в занесенную снегом глубокую осушительную канаву на торфяниках. Шихалеев, человек сильный, выносливый, упорно боролся за свою жизнь. Он сумел выбраться из канавы и далеко

ушел от нее, но одежда его постепенно схватилась ледяной коркой, и Георгий уже не смог двигаться. Его нашли на другой день утром в каких-то трехстах метрах от первых домов деревни Сутин.

Порой кажется, что будь ребята осторожнее, не постигла бы их такая участь. Но осторожность и боевой задор всегда в вечном противоречии друг с другом. Иногда думаешь, что гибель товарищей дело случая, могло этого и не произойти, но сколько раз по воле того же случая они оставались в живых...

Между деревнями Бытень и Клетное, возле самой дороги, появились два снежных могильных холмика. Здесь с воинскими почестями мы похоронили наших бесстрашных разведчиков Чупринского и Шихалеева.

В начале 1944 года немцы зачастили в Дубровку. До них, видимо, дошли слухи, что здесь бывают партизаны, а некоторых дубровцев уж очень часто видят в Марьиной Горке.

Гитлеровцы ходили по домам, расспрашивали жителей, пытались хоть что-нибудь вынюхать, угрожали, но дубровцы держались дружно и стойко, среди них не было предателей. Однако немецкая контрразведка, похоже, кое-что все-таки сумела нащупать и стала особенно беспокоить семью Луцевич. Нам удалось узнать о приказе арестовать Веру, и мы успели ее предупредить. В начале февраля она ушла из деревни. Вскоре после ее ухода была арестована Мария Григорьевна Кудина. Она, конечно, была под контролем и если и оставалась на свободе, то только лишь как приманка для Луцевич.

Гонсевскую мы считали вне подозрений, однако в начале марта 1944 года гестапо арестовало и ее. В течение месяца следователь СД в Марьиной Горке вел допрос, сопровождавшийся пытками и избиениями, и каждый раз перед началом допроса он клал перед Леокадией Александровной листок бумаги, на котором было написано: "Шарый, Федор". Но Гонсевская категорически все отрицала. Мужественная женщина так ни в чем и не призналась. Прямых же улик у следователя не было.

Ничего не добившись в Марьиной Горке, гестапо переправило Гонсевскую в Бобруйск. Там также в течение двух месяцев продолжалось следствие. Леокадия Александровна по-прежнему начисто отвергала обвинение в связи с партизанами. Ее отправили в Освенцим. Вместе с Гонсевской в один и тот же день был схвачен и отец Веры. Луцевич погиб в концентрационном лагере, Гонсевская чудом уцелела.

После этих событий большинство жителей Дубровки покинули родную деревню и стали лагерем в лесу под деревней Бытень. Они взяли с собой и троих малолетних детей Гонсевской.

Вера Луцевич жила в том же лагере.

Противник нанес нам ощутимый удар, но работа продолжалась. Связь с Бондариком была поручена Ануфрию Романовичу Сиротко. В наших радиограммах он значился под именем Демьян. Знали мы Ануфрия как связного одного из партизанских отрядов, но до той поры не пользовались его услугами. Он зарекомендовал себя как честный, преданный Советской власти человек.

До войны рядом с Дубровкой на сенчанском поле базировались наши бомбардировщики. Немецкая авиация в первые же дни войны разбомбила аэродром. Часть самолетов была уничтожена, часть перебазировалась в другое место. Ануфрий, еще до прихода немцев, снял с него скорострельные авиационные пулеметы, спрятал их и впоследствии передал партизанам.

До войны Сиротко был бухгалтером. С приходом немцев стал работать на свиноферме. Сразу же боль-Шую часть свиней перевел в изолятор и пустил слух, что на ферме чума. Немцы забирали здоровых свиней, а "чумных" Ануфрий забивал и переправлял партизанам.

Вместе с Ануфрием на свиноферме работал его брат, бывший председатель колхоза в Дубровке. При обстоятельствах, неясных до сих пор, брат Ануфрия был убит. До марьиногорских оккупационных властей дошли слухи, что тот погиб от рук партизан, поэтому Ануфрий и жена его брата Анна Васильевна пользовались доверием у гитлеровцев.

Ануфрий часто бывал в Марьиной Горке с нашими поручениями. Они сводились в основном к доставке разведданных о железнодорожных перевозках через станцию, полученных им от Бондарика. Сиротко никогда ничего не записывал, все держал в памяти. Хата его стояла на краю села. Слуховое окно чердака было обращено в сторону совхоза "Сенча", откуда мы обычно въезжали в деревню. Если слуховое окно было закрыто белой занавеской - значит, въезжать нельзя, в деревне немцы.

Время от времени Сиротко брал у нас магнитные мины, в специально оборудованном тайничке в телеге доставлял их в Марьину Горку, а там группа, в которой состоял Бондарик, пристраивала их к цистернам с горючим. Ануфрий успешно сотрудничал с нами почти до самого прихода советских войск, но у фашистов в конце концов все же возникли подозрения. В июне 1944 года при возвращении с задания он был схвачен. Уличающих предметов или документов при нем не нашли. При допросах его подвергали жестоким пыткам, но о своих связях с

партизанами он ничего не сказал. Освободили его наши войска в Марьиной Горке. Затем до конца войны он был на фронте. Умер Ануфрий Романович в 1964 году.

* * *

Гости, гости... Кто бы они ни были - это большое событие для отряда. Последний раз нам сбросили груз в мае 1943 года. И теперь мы остро нуждались в питании и рации, оружии, боеприпасах, обмундировании.

На самом высоком месте, возле деревни Бытень, мы заготовили с вечера груды хвороста и стали с нетерпением ждать. Однако самолет прилетел лишь под утро, когда нас уже стала покидать надежда. Сначала послышался шум моторов. Он становился все сильнее и сильнее. Темный расплывчатый силуэт машины пронесся над нашими кострами и исчез из виду. Неужели не наш? Но вскоре самолет появился вновь. От него отделился какой-то предмет, за ним - другой... Вот-вот вспыхнут белые купола парашютов - и мы примем гостей прямо на руки! Но что это?

Два парашюта схлестнулись и с нарастающей скоростью несутся к земле. Глухой удар... Рядом лежат молодая женщина и разорвавшийся грузовой мешок. Бойцы бережно поднимают изломанное, теплое, но уже безжизненное тело и кладут его на подводу. На парашюте плавно спускается еще кто-то. Подбегаю и вижу Шарый! Обнимаемся, целуемся. Все искренне рады его возвращению.

- Радистка? - спрашиваю я, кивнув на подводу.

- Она, - вздыхает Шарый.

- Надо же так... А мы ведь и квартиру для нее в Марьиной Горке приготовили, и связных...

Утром того же дня погибшую при приземлении радистку мы похоронили рядом с Чупринским и Шихалеевым.

* * *

В начале марта в одном из домов деревни Бытень проходила вечеринка. На ней веселились как наши бойцы, так и другие хлопцы и девушки, большей частью из беженцев. Среди тех, кто вынужден был уйти из Су-тина, была очень хорошая семья Яндульских. Отец семейства погиб в 1937 году, а его уже повзрослевший сын с приходом оккупантов ушел в партизаны. В одной из стычек с карателями он, будучи тяжело раненным, попал в руки немцев и тут же был расстрелян. Но фашистам этого оказалось мало. Они согнали жителей на центральную улицу деревни и попытались выявить родственников Яндульского. Мать убитого, его сестры Яня и Ядя проявили исключительную выдержку: они прошли, как и все, мимо тела родного им человека

и ничем не выдали себя - ни волнением, ни слезами. Фашисты уехали ни с чем, но семье пришлось уйти из деревни. Старшая дочь Яня ушла к партизанам, а младшая, Ядя, с матерью и теткой поселилась в Бытене.

Ядя, в то время шестнадцатилетняя девушка, была очень привлекательной, и за ней пытались ухаживать многие наши ребята, но она пока никому не отдавала своего предпочтения. Нравился ей, пожалуй, больше всех Игорь Курышев. С ним она охотно танцевала, и у них это хорошо получалось - очень красиво. Кроме того, Ядя играла на гитаре и хорошо пела белорусские и украинские песни. С Игорем мы часто бывали у нее на квартире. Это несколько скрашивало нашу, хоть и полную тревог, но все же довольно однообразную жизнь.

В разгар вечеринки из-под Осиповичей приехал Николай Суралев, вызвал меня на улицу и сказал, что у него есть план проведения одной интересной операции.

- Возле деревни Протасевичи находится небольшой немецкий аэродром. Там базируются легкие самолеты противника, и, кроме того, там же находится крупный узел ВЧ-связи. Самолеты используются для связи со штабами войсковых частей и перевозки почты. Есть возможность уничтожить охрану и захватить немецкие "кукурузники".

- А зачем нам самолеты? Ну там броневики, бронетранспортеры - это еще куда ни шло, а самолеты... - недоуменно посмотрел я на Николая.

- Да у нас же есть летчики!

- Какие там летчики? Стрелок-радист и техник-моторист.

- Ну ладно, - согласился Суралев, - самолеты мы не будем брать, уничтожим, но у немцев может быть свежая почта: донесения, приказы, разве это было бы не интересно для нашего командования?..

Решили, что одна группа - ее возглавит Суралев - должна будет ликвидировать охрану и персонал, размещенный в бараках, другая - под моим командованием - уничтожит самолеты.

Доложили Шарому. Тот согласился с нашими доводами. Возглавить операцию Илья Николаевич поручил мне.

На другой день на десяти подводах мы отправились под Протасевичи. В то время в лесу еще лежало много снега, санная дорога была накатана, лошади шли ходко. В потемках проехали деревню Сутин и, не доезжая Репищ, остановились в лесу. Ночь была тихая, светлая, и лишь временами низкие облака закрывали луну. На подходе к аэродрому кустарник поредел, и мы вышли в поле. Короткая остановка - и группа Суралева обходным путем отправилась к своему объекту. Через полчаса тронулись и мы.

Под ногами предательски хрустел ледок. Пройдя примерно полкилометра, вышли к границе летного поля. Впереди вырисовывалось какое-то небольшое строение - похоже, заброшенный сарай. Подошли к сараю вплотную и решили ждать, когда начнет бой группа Суралева. И тут случилось непредвиденное. Из-за сарая вышел часовой и потребовал назвать пароль. Ответить ему нам было нечего. Я передернул затвор автомата, но немец опередил меня, выстрелив почти в упор. Я упал на снег и на какое-то время потерял сознание. Когда очнулся, вокруг меня уже хлопотали Рая, Валя и Саша Бычков. "Ребята, командир ранен!" - приглушенно сказал кто-то. Грудь сдавило тяжелым обручем, дышать стало нечем, горлом пошла кровь. И лишь когда наши девушки, сняв с меня кожанку с меховой безрукавкой и распоров гимнастерку, начали делать мне перевязку, я смог произнести несколько слов:

- Как остальные? Все ли живы?

- Живы, - ответил Костя Сысой, - фашиста я заколол, он не успел сделать второго выстрела.

В той стороне, куда ушла группа Суралева, вспыхнула ракета и раздался треск немецких пулеметов. В ответ ударили наши ППШ. Видимо, выстрел часового поднял на ноги весь гарнизон, и группу Суралева встретили огнем. Пока мне наспех делали перевязку, Саша Бычков и Костя Сысой из плащ-палатки и жердей, срубленных тесаками, успели соорудить носилки. А вскоре появилась и группа Суралева. Николаю объяснили, что произошло. Когда пулеметные трассы стали приближаться и по верхушкам кустов застучали пули, он приказал:

- Выносите командира, мы задержим немцев!

Подняв носилки, Костя Сысой, Саша Бычков, Лева Никольский и Костя Арлетинов почти бегом двинулись вдоль канавы. Через час меня донесли до того места, где были оставлены подводы. Вскоре нас нагнала группа Суралева. Немцы дальше сарая не пошли.

Лева Никольский и Костя Арлетинов на одной из подвод умчались в Репищи. Я с помощью товарищей присел под елкой. Знобило, дышать было трудно; потерял много крови - кровью пропитались гимнастерка, брюки, натекла она и в сапоги. Хорошо еще, что пострадал я один.

Лева с Костей вскоре вернулись. У знакомых жителей они выпросили перину, тулуп. Меня положили на перину и прикрыли тулупом. Лошади тронулись. На всякий случай вперед выслали разведку, выставили и тыловое охранение.

Вскоре я потерял сознание и пришел в себя только на другой день, когда наш обоз въезжал в деревню Бытень. Меня внесли в

землянку, осторожно положили на деревянную койку. Ребята вышли, в землянке остались только Лева с Костей.

- Ну, рассказывайте, только без утайки. Что у меня за ранение? - с трудом повернул я к ним голову.

- Понимаешь, - начал Никольский, - когда тебя привезли в Сутин, то там, на наше счастье, оказался врач из 2-й Белорусской партизанской бригады. Когда он снял бинт и обработал рану, стало видно, как легкие у тебя выпирают между ребрами. Доктор их заталкивал обратно, а они опять вылезали. Тогда он наложил тампоны и туго перевязал. Пуля пробила тебе левую лопатку, прошла под ней и разорвалась над позвоночником...

Не успел я задать очередного вопроса, как к нам в землянку от соседей прибыл врач. Он осмотрел рану и заявил, что рана рваная, глубокая, надо непременно зашивать.

До этого я уже имел несчастье быть раненым, но тогда в конце концов я попал в госпиталь, и там были все условия для операции, а здесь вместо наркоза мне могли предложить только самогонку. Но не согласиться на операцию я не мог. Вначале еще кое-как крепился, терпел, а затем потерял сознание. Очнулся от нестерпимой боли в области желудка, куда более сильной, чем от ранения. Если бы не Лева с Костей, я, наверное, перевернулся бы на спину, но ребята мне этого сделать не позволили. Несколько дней я промучился в такой позе, а затем, когда мне разрешили полулежать на спине, сразу же почувствовал огромное облегчение. Рана моя начала заживать. Врач больше не понадобился, с перевязками справлялись наши медсестры.

Как только меня привезли в лагерь, ребята сразу же разъехались. Последними под Осиповичи отправились Лева с Костей. Но они меня часто навещали, привозили то мед, то курицу, то еще что-нибудь. Так что с питанием у меня было хорошо. А вот с желудком с первого же дня начались нелады - стала постоянно беспокоить изжога. Врач объяснил, в чем дело: повысилась кислотность от большой потери крови. Пришлось прибегнуть к помощи соды.

Одиночество мое скрашивали книги. Их где-то доставала Ядя Яндульская. Она меня часто навещала, пела под гитару наши любимые песни, а когда я встал на ноги, то сопровождала меня на прогулках. Дело пошло на поправку, однако моя уверенность, что рана скоро заживет, оказалась преждевременной. В конце марта начался воспалительный процесс, резко подскочила температура. Узнав об этом, ко мне зашел Шарый и стал настаивать на эвакуации. Настоятельно советовал также сразу же после излечения попросить направление в военную школу: "У тебя более чем двухлетний опыт войны, боевые награды, тебя

непременно зачислят в училище..."

Но в училище мне идти не хотелось. Одно дело война и связанная с ней необходимость служить в армии, другое дело кадровая служба. Нет, это не по мне. Если останусь жив, то закончу свой авиационный институт и буду работать конструктором.

От эвакуации я отказался.

"Рельсовая война"

1 мая 1944 года, в этот праздничный, по-настоящему весенний, солнечный день, я впервые поднялся в седло и без всякой определенной цели выехал из лагеря. Признаться, очень соскучился по своей лошади, по верховой езде.

В лесу без умолку щебетали птицы, затейливо вилась пробитая между сосен тропинка, уже сухая на открытых местах, и лошадь, мерно покачивая головой, шла легко, словно плыла в этом море света и зелени. Спину грело солнце, и от его тепла боль от раны постепенно утихла.

Проехав деревню Полек, я оказался возле незнакомой переправы через реку Птичь. Река еще не вошла в свои берега, ее чистые прозрачные воды медленно текли по затопленным лугам и перелескам. Партизанский паром работал исправно. На той стороне, в деревне Аплевнице, стоял партизанский отряд, командир которого был мне хорошо знаком. "Вот бы повидаться!" - мелькнула мысль. В это время подошел паром, и я, не долго думая, отправился на другой берег. Мне повезло: знакомый мой оказался дома. Мы обнялись, поздравили друг друга с праздником и присели на скамейку у окна. Потекла неторопливая беседа. В первую очередь, конечно, обсудили новости с фронтов - вести оттуда приходили радостные: наши войска на подступах к Севастополю, вот-вот освободят Крым.

- Это хорошо, - сказал мой знакомый, - очень хорошо, если так пойдут дела, глядишь, скоро и до нас дойдет Красная Армия. Ведь мы, собственно, на очереди, наши войска нависли над Белоруссией с северо-востока и с юга. - Тут он вдруг нахмурился и сообщил, что, по данным разведки, гитлеровцы собираются провести в нашем районе еще невиданную по размаху карательную операцию. В ней будут участвовать не только специальные подразделения СС, но и регулярные части.

- Неужели они собираются повторить операцию, подобную той, которую провели против партизан в Полесье? - высказал я догадку.

- Похоже на то. Но, как говорится, чему быть, того не миновать, а пока прошу к столу.

На столе уже дымилась горка драников, рядом стояла миска с

кислым молоком и сковорода с яичницей. Мы с аппетитом поели и при прощании договорились, что будем обмениваться новостями.

Вернувшись в лагерь, я рассказал Шарому о готовящейся карательной операции. Шарый отнесся к этому спокойно - не впервой. К моей большой радости, в отряде нежданно-негаданно я застал гостей. В нашем лагере оказалась группа, которая двигалась на запад из Кличевского района Белоруссии. Еще издали, по черной косе и манере громко разговаривать, я узнал Клаву Милорадову. Обнялись, расцеловались. Клава рассказала мне о наших боевых товарищах, общих знакомых. Я узнал, что Володя Шатров в одном из боев был тяжело ранен и отправлен на Большую землю. Надя Белова погибла. Узнал также, что в Кричевский район для непосредственного руководства боевыми действиями групп осенью 1942 года, оказывается, прилетел Артур Карлович Спрогис. Под его командованием объединенными силами нескольких групп в Выдрице был разгромлен сильно укрепленный гарнизон противника. В этом бою погибла Елена Колесова, командир девичьей разведывательной группы. Впоследствии ей было присвоено звание Героя Советского Союза. Я помнил Лену еще по военной части и с памятного боя под Сухиничами: среднего роста, стройная, сильная, очень смелая и решительная, она к тому же была еще и очень женственной.

О себе Клава почти ничего не рассказала, лишь мельком заметила, что занималась разведкой, часто бывала в Орше, Борисове.

Между тем слухи о готовящейся карательной экспедиции немцев подтвердились. По данным нашей разведки, в начале июня в Марьину Горку, Осиповичи, Слуцк, Старые Дроги стали прибывать свежие воинские части. Участились стычки партизан с немецкой разведкой. Противник взял в кольцо окружения обширный район, и это кольцо постепенно сжималось. Партизанские бригады, расположенные северо-западнее нас, уже вступили в соприкосновение с вражескими частями. Медлить было больше нельзя, и мы вместе с соседними отрядами решили идти на прорыв.

В ночь на 5 июня переправились на пароме через реку Птичь. Заночевали в лесу недалеко от деревни Клетное, а утром я с группой бойцов отправился в конную разведку в сторону деревни Сутин.

Занимался ясный, солнечный день, лошади шли легкой рысцой, под копытами клубилась желтовато-серая песчаная пыль. У крайних домов деревни остановились. Видно отсюда было далеко, обзор прекрасный.

- Ну что, ребята, поедем дальше? - спросил я.

- Поехали! - крикнул Саша Чеклуев и, вырвавшись вперед, галопом поскакал по гребле, за ним - Вася Смирнов и остальные. Но, проскакав несколько сотен метров, конники неожиданно повернули назад - из-за редкого низкорослого соснового перелеска выползала серо-зеленая колонна немцев.

Пришлось вернуться к обозу. Шарый приказал оттянуть обоз к лесу, а мы помчались в сторону Репищ. Встретив немцев и здесь, повернули обратно - от Ре-пищ движется механизированная колонна. Жалко бросать обоз, хочется выйти в тылы блокирующих воинских частей немцев, сохранив свое имущество. Однако совершенно очевидно, что просочиться ни на юг, ни на восток с обозом нам не удастся. Повернули назад. От деревни Руды двинулись на запад по тяжелой песчаной дороге на Шелехово. Наша конная разведка на рысях вылетела к Шелеховым хуторам, и тут из засады по нас ударили вражеские пулеметы. Сраженный пулями, странно переломившись, упал из седла Петр Дубовик.

Напуганные стрельбой кони вынесли остальных из зоны огня.

Недолго пришлось партизанить Пете Дубовику. Во время оккупации он жил в Марьиной Горке, работал на сенном складе. Однажды мы ему через Ануфрия Сиротко передали магнитную мину, чтобы он установил ее на проходящем поезде с горючим. Мину он снарядил, но подняться по металлической лесенке и поставить взрывное устройстло у горловины цистерны Петру помешала охрана. Что делать? Дубовик спрятал мину в стогу сена. Сенной склад сгорел, а Петру пришлось срочно уходить в отряд. И вот...

Выслушав мой короткий доклад, Шарый приказал срочно занять круговую оборону на тот случай, если немцы пойдут в атаку. Затем он пригласил меня и других старых партизан посоветоваться, как поступить дальше. Илья Николаевич был собран, энергичен, решителен - чувствовалось, что он в своей стихии.

- Вот что, хлопцы, - начал командир, - с обозом придется расстаться. Будем прорываться в пешем строю. - Он кашлянул, как это обычно бывало с ним в минуты волнения, окинул всех быстрым взглядом и спросил: - Есть другие предложения?

Других предложений не было. Мы стали молча распрягать и расседлывать лошадей. С трудом сдерживая слезы, уздечками, нагайками стегали их по крупам, пытаясь отогнать подальше, поглубже в лес. Когда лошадей отогнали, поставили рядом все телеги, побросали на них сбрую, седла и подожгли.

И вот теперь снова, как два года назад, с тяжелыми вещевыми

мешками, увешанные оружием, преследуемые, как и тогда, тучами комаров, двинулись мы в путь. Обошли засевших над речкой немцев и углубились в лес. Там встретили партизан. Они сообщили нам, что немцы сейчас стали на дороге Марьина Горка совхоз "Сенча-Омелыю" и намерены прочесывать леса на юго-восток от шляха, то есть на нашей стороне.

К вечеру, двигаясь на северо-восток, утомленные и голодные, расположились передохнуть на холмике у небольшого лесного озера. Здесь, пока готовился ужин, снова посоветовались, как быть дальше. Шарый обратился к Чеклуеву и Смирнову:

- Эти места вы знаете лучше чем кто-либо. Прикиньте, как быстрее всего добраться до дороги и в каком месте будем переходить шлях.

Смирнов подумал немного и ответил, что лучше всего шлях, пожалуй, пересечь между Клетищином и Любячкой, так как в этом месте лесом, вдоль осушительной канавы, можно выйти к самой дороге. А на той стороне, хотя и нет настоящего леса, зато тянутся на многие километры непроходимые болота.

- Как же мы их пройдем, если они непроходимые? - с сомнением покачал головой Шарый. Смирнов улыбнулся:

- Так мы же партизаны!

- А что думает Чеклуев?

- Лучшего места в самом деле не найти, - сказал Чеклуев. - Севернее совхоз "Сенча" - место открытое и возвышенное, уж там-то наверняка будут сильные немецкие посты, а южнее нет близко ни лесов, ни болот, все видно как на ладони, там нас могут без труда накрыть.

Итак, решено: переходить дорогу будем там, где посоветовали Смирнов и Чеклуев. В час ночи прозвучала знакомая команда: "Подъем!", и мы тронулись в путь.

Тьма стояла непроглядная, лишь по чавканью сапог можно было определить, в каком направлении движется цепочка бойцов. Через некоторое время вернулись высланные вперед разведчики. Они сообщили, что немцев поблизости нет, но дорогу патрулирует броневик. Шарый приказал всем сосредоточиться у самого шляха По его команде мы быстро пересекли шлях и углубились в заболоченное редколесье. Теперь, по нашим предположениям, мы были в тылу у карателей.

Через несколько дней окружным путем, усталые, измученные, вернулись в Бытень. Наши группы снова разъехались по своим местам. Чеклуев с товарищами направился под Марьину Горку, Бычков под Слуцк, Максимук под Бобруйск. Снова по рации пошли свежие сообщения о гарнизонах, железнодорожных перевозках немцев.

Крупная карательная экспедиция гитлеровцев закончилась так же безрезультатно, как и многие другие. Партизаны, где с боями, где, как и мы, небольшими группами, вышли из котла и продолжали свою боевую деятельность Фашисты захватили скот, сожгли несколько деревень и в десятых числах июня убрались восвояси.

Группа Суралева все это время оставалась под Побоковичами и уцелела полностью. Лишь Толя Попцов, которому шел тогда лишь тринадцатый год, - его послали в разведку - нарвался как-то на немцев. Гитлеровцы открыли огонь. Толя бросился бежать, притаился в ржаном поле И все же немецкая пуля нашла его, он был ранен в ногу От страшной боли юный разведчик потерял сознание. Нашла Толю его сестра Валя. В это время подошли немцы Один из них, вскинул автомат, но выстрелить ему помешали подоспевшие чехи из 151-й венгерской дивизии. Чехи перевязали Толику ногу и вместе с Валей отвезли в Деревцы. Они же предложили оставить его в деревне у кого-то из местных жителей, строго наказав хозяевам ухаживать за ним. Валю чехи отстоять не смогли. Ее вместе с другими гражданскими загнали в Деревцах в какой-то погреб. Там же оказались Бронислава и Мария Лиходиевские, ее родные тетки.

В погребе имелось одно-единственное маленькое окошечко, и иного способа спастись, как попытавшись выбраться через него, не было. Сестрам Лиходиевским, а также Григорию Пашкевичу, сын которого был в партизанах, угрожала смерть, и они не могли не воспользоваться хоть малейшей возможностью бежать. Первой с помощью Пашкевича добралась до окошка Мария, за ней выпрыгнула Броня. Пашкевичу помогала Валя. Первая попытка не удалась. Пашкевичу пришлось сбросить с себя почти всю одежду, только тогда он смог протиснуться в узкий проем окна. Валя умоляла оставшихся в погребе мужчин и женщин подсадить ее, но те дружно отговаривали: "Ты еще мала, чего тебе бояться?" И Валя осталась ожидать своей участи.

Попала она сначала в лагерь для гражданских лиц в Осиповичах, затем ее перевезли в Белосток. Там в лагере из прибывшей партии отобрали несколько десятков детей, загнали их в какой-то сарай и забросали гранатами. При этом из включенных на всю мощь репродукторов неслись бравурные марши Вале повезло Она не попала в число уничтоженных.

Лагерь был окружен колючей проволокой и проводами с током высокого напряжения. Возле колючей проволоки фашисты забороновали полоску земли. Подходить к ней нельзя - убьют; свирепые овчарки помогают охране. Питание 150 граммов хлеба с опилками да изредка овсяная похлебка. Посуды почти не было.

Брали еду в кастрюли на несколько человек и торопливо съедали. Многие тянулись к котлу со сложенными ладонями - получали удар черпаком по рукам и отходили под гогот фашистов, для них это развлечение. Девочка не вынесла всего этого, в отчаянии бросилась на проволоку, но овчарка сбила ее с ног и вцепилась в руку, а подбежавший эсэсовец ударил прикладом по спине. После этого Валя долго болела, у нее началось кровохарканье. При выбраковке ей поставили штамп на лбу, что означало: к работе не пригодна.

Забракованным сказали, что их отправят домой. Поддавшись на обман, многие заключенные, чтобы заболеть, стали курить табак с тонко изрезанными кусочками шелка, пить табачный отвар. Людей со штампами на лбу стали грузить в машины и вывозить. Многие догадались, что везут на смерть. Валя стерла свой штамп. Немцы это заметили и жестоко избили девочку.

Пока готовили следующую партию на уничтожение, Валя сумела убежать. Помог ей в этом пожилой немецкий солдат. Валю приютила польская семья. Лечил ее польский врач. После освобождения Белоруссии в 1944 году Валя вернулась в свою родную деревню Побоковичи...

Мы никак не могли забыть неудачную операцию по захвату аэродрома. Нам стало известно, что от аэродрома в сторону Поплавов регулярно ходит легковая машина, возможно, с важными документами. Об этом можно было судить по тому, что дорога эта патрулировалась. Правда, за Поплавы немцы редко осмеливались выезжать - там начиналась партизанская зона, но и мы до сих пор особенно близко не подходили к Осиповичам, если не считать попытки захватить аэродром.

На этот раз решено было небольшой, хорошо вооруженной группой выйти на шоссе восточнее Репищ и устроить засаду на легковую машину. Мы залегли возле шляха, замаскировались и стали ждать. Как всегда нестерпимо донимали комары, и вести себя абсолютно тихо было очень трудно. Машина так и не появилась, зато со стороны Поплавов к нам стал приближаться патруль. Его надо было пропустить, но кто-то из бойцов нечаянно бряцнул оружием, немцы мгновенно среагировали на это, и ничего уже не оставалось делать, как ударить по ним из автоматов.

Все четверо патрульных упали на асфальт. Лева и Костя, не дожидаясь команды, выскочили на шлях, подобрали винтовки, сняли с убитых ремни с подсумками и тесаками, взяли документы. В это время охрана с блок-поста на железной дороге открыла беспорядочный огонь вдоль шоссе. Надо уходить, пока немцы не отрезали нам пути отхода. Быстрым шагом, а кое-где и

перебежками миновали Репищи. Теперь мы были в относительной безопасности, можно и отдохнуть. Надо бы зайти в деревню, попросить у местных жителей соли, но я опасался, что туда вот-вот нагрянут немцы.

Прошло не менее получаса, а гитлеровцы все еще не появились. Неужели не приедут? Может быть, рискнуть? В Репище вызвались идти Валентин Гуськов, парнишка из Репищ, недавно принятый в отряд, Курышев и Сысой. Ребята по заболоченному кустарнику напрямую зашагали в сторону деревни.

Мы разожгли небольшой костер и, положив под голову вещевые мешки, легли отдохнуть. Минут через двадцать в тишину, нарушаемую только гудением комаров, вторглись другие звуки. В деревне застучал ручной пулемет Дегтярева, и сразу же, как эхо, откликнулись немецкие МГ - значит, завязался бой. Мы вскочили на ноги, углубились в густые заросли кустарника Через некоторое время вернулись трое наших бойцов - Гуськова среди них не было. Запыхавшийся Игорь Курышев рассказал о том, что произошло:

- Когда мы уже собирались возвращаться, в деревне появились два бронетранспортера с солдатами. Гуськов, который был оставлен в охранении, первым заметил гитлеровцев и открыл по ним огонь из пулемета Мы втроем начали отходить через огороды к болоту. Один из бронетранспортеров выехал на конец деревни, развернулся и двинулся нам наперерез. На краю болота он остановился. Преследовать немцы нас не стали.

Когда стрельба прекратилась и шум машин начал удаляться, наша группа пошла в деревню. Там жители нам рассказали, что Валя Гуськов сражался до последнего патрона, уничтожил из своего пулемета не менее десятка вражеских солдат и погиб в неравном бою Война вырвала из наших рядов еще одного испытанного боевого товарища.

Во второй половине июня мы получили приказ вместе с партизанами участвовать в "рельсовой войне" Стало ясно, что готовится наступление советских войск.

Подрывники нашего отряда взорвали на большом протяжении полотно железной дороги, во многих местах нарушили телефонную связь между городами. Три дня и три ночи взлетали в воздух обломки рельсов и шпал, железная дорога Минск Осиповичи была парализована.

В девятом томе "Истории второй мировой войны" так говорится о действиях белорусских партизан во второй половине июня 1944 года: "Выдающимся примером непосредственной партизанской помощи наступающим войскам Красной Армии

явилась операция белорусских партизан по массовому подрыву рельсов, осуществленная накануне наступления войск 1-го, 2-го и 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов против группы армий "Центр". Ее разработал и согласовал с командованием фронтов Белорусский штаб партизанского движения...

Партизаны в ночь на 20 июня осуществили одновременную массовую диверсию на железных дорогах Белоруссии. В результате они подорвали 40 775 рельсов, полностью вывели из строя железнодорожные линии Орша - Могилев, Орша Борисов, парализовали перевозки противника на участках Полоцк - Молодечно, Крупевщина - Воропаево - Вильнюс, Минск - Барановичи, Осиповичи - Барановичи, Пинск - Брест и других. До конца месяца было подорвано еще 20 тысяч рельсов"{2}.

О том, как отразился этот удар белорусских партизан на состоянии немецко-фашистских войск, довольно выразительно написал бывший начальник транспортного управления группы армий "Центр" полковник Т. Теске: "В ночь перед общим наступлением русских на участке группы армий "Центр", в конце июня 1944 года, мощный отвлекающий партизанский налет на все важные дороги на несколько дней лишил немецкие войска всякого управления. За одну ночь партизаны установили около 10,5 тысячи мин и зарядов, из которых удалось обнаружить и обезвредить только 3,5 тысячи.

Сообщение по многим шоссейным дорогам из-за налетов партизан могло осуществляться только днем и только в сопровождении вооруженного конвоя"{3}.

...2 июля танки и самоходные орудия с родными звездами на броне были уже в Марьиной Горке и в совхозе "Велень". Невозможно описать, каким радостным для нас стал этот день!

Согласно приказу командования, полученному по рации, наш отряд в полном составе прибыл в деревню Поплавы. На окраине деревни нас ожидала штабная машина. Из нее вышел какой-то майор, подошел к Шарому, отдал честь и представился:

- Уполномоченный штаба фронта майор Медведевский.

Шарый ответил на приветствие, представил Медведовскому бойцов и командиров отряда, после чего все разошлись по хатам.

В Поплавах мне пришлось целых два дня потратить на занятия "литературной работой" - писал отчет. Затем мы выехали в Осиповичи. Наши разведчики в Осиповичах - Кондратенко Мария Яковлевна, ее муж Иосиф Максимович, Скрипов Константин Васильевич и другие получили соответствующие документы и небольшую материальную помощь. Получили помощь и малолетние дети Ушакевич, кроме того, им была выдана справка о том, что их мать, Софья Ивановна Ушакевич,

1906 года рождения, погибла смертью храбрых при выполнении специального задания штаба 2-го Белорусского фронта.

Из Побоковичей мы никого не встретили и решили съездить туда, проведать Марию Викентьевну Лиходиевскую. Майор Медведовский предоставил в наше распоряжение трофейный мотоцикл с коляской. Я немножко потренировался в езде и предложил Никольскому и Чеклуеву ехать со мной. Стоял теплый, солнечный день. На большой скорости мы проехали по шляху и свернули на пыльную проселочную дорогу в Побоковичи. Деревня была полностью разрушена, возле голых печных труб, сиротливо тянувшихся к небу, копошились одетые во что попало люди.

Нашли землянку Лиходиевских. За столом - Бронислава, Мария, Толя и Зина. Что-то едят, видно, щи из крапивы. Леву узнали сразу, узнают ли меня?

- Да это же наш командир! - бросается мне нашею Зина, маленькая, худенькая, большеглазая девочка.

- Лева, давай вещмешок, - говорю Никольскому. Мы выкладываем на стол буханку черного хлеба, американские мясные консервы, наши российские концентраты.

- Это вам для начала. А сейчас, Мария, езжайте с Толиком в Осиповичи. Вот адрес. Там вас встретит Суралев, вам окажут всяческую помощь. А нам пора возвращаться.

Когда выехали из деревни, я повернул налево, решил попрощаться со Стениным. Вот и небольшой песчаный холмик, заросший редкой травой, с низенькой деревянной оградой. На затесе короткая надпись: СТЕНИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ. Вместе со мной ребята выхватили пистолеты, и пятикратный залп огласил притихшие окрестности.

- Прощай, друг Сашка, ты отдал все, что мог, ради победы. Клянемся тебе: мы дойдем до Берлина, клянемся!

В Осиповичах отряд стоял всего лишь несколько дней, но самое важное мы успели сделать - наши отважные разведчики и связные получили документы, подтверждающие их участие в борьбе против фашистов.

Меня интересовал еще один вопрос. Я напомнил Медведовскому о том, что перед наступлением наших войск мы передали Хозяину уточненный план наземной и противовоздушной обороны Осиповичей и координаты складов "Остланд", расположенных неподалеку от города.

- Пригодились ли эти данные? - спросил я его.

- А как же! Этими данными воспользовался штаб фронта. Результаты? Поедем посмотрим.

Захватив с собой Константина Васильевича Скрипова, мы проехали по местам, где совсем недавно были немецкие

подземные склады. Теперь там зияли огромные воронки от авиабомб. Их взрывами разметало снаряды, гранаты, разбило зенитные установки.

- Видите, - кивнул головой в сторону воронок Медведовский, - это сделано по вашим данным. Это результаты разведки.

Мы переглянулись со Скриповым.

Перед самым отъездом из города мне удалось встретиться с партизанами-королевцами. И вот что я узнал.

После ухода отряда из Полядок в конце 1942 года хозяин нашего дома недолго оставался в деревне. Своими подозрениями мы поделились с партизанами, и тот, почувствовав, вероятно, что за ним наблюдают, ушел в Лапичи, поступив там в полицию. Его жена и четверо детей остались в деревне. Партизаны семью не трогали - жена и дети не могли отвечать за мужа и отца.

Весной 1944 года гитлеровцы начали против партизан крупномасштабные боевые действия. Под натиском превосходящих сил противника партизаны с боями были вынуждены отойти на северо-восток. Предатель вернулся с карательным отрядом и вывел фашистов к землянкам, в которых скрывались жители деревень Полядки, Погорелое и Лозовое. Каратели учинили жестокую расправу. Они убили восемнадцать человек, а оставшихся в живых повели в Полядки. Там штыками и прикладами ни в чем не повинных людей загнали в хаты, забили окна и двери и сожгли заживо.

Лишь немногие жители, по разным причинам оказавшиеся далеко от дома, остались в живых. В их числе - отец Андрея Гришановича и две его сестры. Сам Андрей погиб в бою с карателями.

Предатель собственноручно запалил свой дом, забрал семью и уехал в Лапичи. К сожалению, дальше его следы теряются. По-видимому, он ушел на запад вместе с гитлеровцами.

Фашисты сожгли деревню, построили там укрепления, но продержались недолго. Через полтора месяца, в июле сорок четвертого, их вышибли наши войска.

В 1974 году, спустя тридцать лет после этих событий, мы с Игорем Курышевым посетили деревню Полядки, встретились с отцом Андрея Гришановича, с его дочерьми и еще с несколькими уцелевшими в 1944 году старожилами. Деревня возродилась, но никто из жителей не захотел ставить свое жилище на том месте, где стоял дом предателя, - там пустырь. На окраине деревни установлен памятник. На нем надпись: "Обнажите головы. Здесь похоронены более ста мирных советских граждан, замученных фашистами 9 мая 1944 года".

Из Осиповичей наш отряд в полном составе выехал в Минск.

Проезжали мимо Марьиной Горки, но не было возможности остановиться, повидаться с Владимиром Антоновичем Бондариком, который успешно выполнял наши задания вплоть до самого освобождения района. В течение последнего года он регулярно передавал в отряд сведения о железнодорожных перевозках немцев, а в сентябре 1943-го, когда у нас кончилось питание к рации, достал новый полный комплект. От него мы узнавали об изменениях в гитлеровском гарнизоне, численности и вооружении воинских частей, останавливавшихся в Марьиной Горке. Перед началом последней крупной операции немцев он успел нам передать, что в Марьину Горку, Дричиц, Тальку прибыли регулярные немецкие войска, которые будут участвовать в блокировке партизанских соединений. На встречу с Марией Григорьевной Кудиной, санитаркой Марьино-горской поликлиники, - от нее мы через Луцевич получали медикаменты и перевязочный материал, - рассчитывать нам не приходилось: в начале 1944 года она была арестована гестапо и вывезена в Германию.

Но вот и Минск. Остановились на окраине в частных домах - центр города был почти полностью разрушен. Через некоторое время поступил приказ о расформировании отряда.

Валя и Рая одними из первых уехали в Москву. Подполковник Шарый был направлен в запасной офицерский полк. Остальные товарищи, кроме Чеклуева, который остался в части, и Максимука (он был направлен работать в Осиповичи), получили месячный отпуск с предписанием: после его окончания явиться в военкоматы по месту жительства.

Двадцатипятимесячная белорусская эпопея закончилась. В жизни каждого из нас началась новая полоса. Мы обменялись адресами и поклялись не забывать нашу боевую дружбу.

В Польше

Мне очень хотелось еще раз посмотреть Москву, побывать на Красной площади, постоять у Мавзолея В. И. Ленина, послушать бой Кремлевских курантов. И вот я снова в столице. В кармане гимнастерки лежит боевая характеристика с рекомендацией направить меня на учебу в Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского. В самые тяжелые для Родины дни, с первых месяцев войны, я находился в действующей армии и, наверное, заслужил право сменить землянку на учебные аудитории. Но я поступил иначе. Война пока не закончилась, и хотя победа наша была уже предрешена, впереди нас еще ждали нелегкие бои. Я не мог оставаться в тылу, я должен был выполнить свою клятву, которую дал на могиле Саши Стенина.

Приняв такое решение, я уже не мог поехать к своим родным,

хотя времени для этого оставалось вполне достаточно. Не видели они меня три года, и мне казалось, случись что со мной в дальнейшем, им легче будет так справиться со своим горем. А повидать отца, мать, братишку мне хотелось до боли в сердце.

Мои товарищи по отряду москвичи Арлетинов, Никольский, Корзилов тоже стояли на перепутье. Я предложил им ехать снова в свою часть, и друзья с радостью согласились. Они тоже не хотели прятаться за спиной тех, кто сражался на фронте. С нами пошел и Николай Гришин, опытный, испытанный радист, самый старший из нас по возрасту, уже семейный человек. Другой на его месте десять раз подумал бы, прежде чем принять такое решение, а Николай согласился на мое предложение сразу, не колеблясь.

Единственное, что нам хотелось, - это быть вместе. А раз так, то надо попросить направить нас снова в распоряжение штаба 2-го Белорусского фронта, тогда на очередное задание мы сможем выйти в составе одной группы. Мы хорошо знали друг друга - достоинства, недостатки, сильные и слабые стороны каждого, были уверены один в другом. А такая уверенность особенно нужна для опасной, хотя и привычной работы за линией фронта.

Я сказал - "опасной работы". Это, конечно, так. Но вот что интересно. Со временем у всех нас, разведчиков, выработалась своеобразная потребность в риске, риске во вражеском тылу, там где опасность подстерегает тебя на каждом шагу. Вот где ты можешь проявить себя! Здесь нужны и смелость, и осторожность, и хитрость, и трезвый расчет, большое мужество и терпение. Иначе ничего не сумеешь сделать и пропадешь ни за грош. Но зато разве можно с чем-либо сравнить то чувство гордости и радости, когда тебе удается перехитрить врага и выполнить поставленную задачу?

Еще одно обстоятельство было притягательным в нашей службе самостоятельность. Приказы, распоряжения командования, то есть то, что надо сделать, - это закон, ты их принимаешь к исполнению, но ты волен в том, как это сделать, то есть в методах и способах выполнения задания. Если с умом, то и дело сделаешь, и уцелеешь, а нет - пеняй только на себя.

Получив в Генштабе направление, на другой же день с Белорусского вокзала мы отправились в свою часть. Придется теперь лететь в Польшу или даже в Германию, это очевидно. Фронт стремительно откатывается на запад.

Прощай, столица, прощай, Москва! Повезет, и мы снова вернемся к тебе, снова услышим бой Кремлевских курантов и ранним утром на восходе солнца с Большого Каменного моста увидим золоченые маковки кремлевских церквей, разноцветное сияние куполов собора Василия Блаженного.

В начале сентября 1944 года мы прибыли в Щучин - небольшой городок на западе Белоруссии. Майор Медведовский встретил нас очень приветливо. Вскоре боевая группа была сформирована. Я был назначен командиром, Николай Макаревич моим заместителем и радистом, Николай Гришин радистом, Лемар Корзилов, Лева Никольский, Костя Арлетинов и Миша Козич стали бойцами группы.

Николая Макаревича я хорошо знал по работе в Белоруссии, да и остальные ребята были с ним знакомы. Единственным среди нас неопытным в военном деле человеком был Миша Козич из Гродно, мобилизованный в армию после освобождения города.

Сразу после приезда началась упорная систематическая учеба. Знакомились с историей и географией Польши и Германии. Узнали о создании народного Люблинского правительства и его декретах, о Лондонском правительстве Польши и его неприглядной роли в Варшавском восстании, о польских военных формированиях. Изучали польский и немецкий языки и, конечно же, совершенствовали боевую выучку.

Тем временем наши войска успешно продвигались вперед. Вслед за наступающими частями переехал и штаб 2-го Белорусского фронта - сначала в Гродно, а затем в Белосток.

К концу ноября группа была готова к выполнению задания, но погода стояла нелетная, а когда она установилась, случилось непредвиденное - я заболел.

Появился насморк, озноб, болела голова. Мне казалось, что это обычная простуда, и, превозмогая все усиливающуюся слабость, я решил провести еще одно занятие. Отправились на окраину Белостока в песчаные карьеры, глухое и безлюдное место.

Здесь радисты Гришин и Макаревич развернули рации, быстро связались друг с другом и так же быстро свернули аппаратуру. С радистами нам повезло, они были специалистами высшего класса с большим опытом работы в немецком тылу. Гришин мог передать в минуту 14 групп слов и 15 групп цифр, а Макаревич, соответственно - 14 и 12. Для нас это было немаловажным обстоятельством. Я, как командир, должен уметь составить до предела сжатую радиограмму, а радист быстро ее передать, настолько быстро, чтобы вражеские пеленгаторы не успели засечь место нашего расположения.

Потом мы с ребятами потренировались в стрельбе из автоматов и пистолетов Причем отрабатывали молниеносное применение оружия - автоматизм в применении оружия, огневая уверенность очень нужны в нашем деле. Костя Арлетинов, этот очень живой, порывистый боец, стрелял навскидку, пожалуй,

лучше всех.

В конце занятия бросили по одной-две гранаты, и опять не так, как обычно, а с выдержкой: выдернул чеку, отпустил рычаг, и начинается отсчет... Граната разрывается в 15-20 шагах от тебя, на земле или в воздухе, - так, как тебе может понадобиться по обстоятельствам боя. Миша Козич обрадовал нас, показав в этом упражнении большое самообладание. Но ценность парня заключалась в другом - он владел польским и немецким языками, три года был на территории, оккупированной немцами, хорошо знал их повадки, сильные и слабые стороны.

Отличная у нас сформировалась группа, дружная, всесторонне подготовленная к выполнению задания. Это вселяло уверенность, что мы оправдаем доверие командования.

Занятие окончилось, мы вернулись на свою квартиру. И здесь мне стало хуже, настолько, что пришлось лечь в постель. Наша хозяйка, пожилая уже женщина, полька, подробно расспросила о моем самочувствии и, тоже, видно, решив, что я сильно простудился, отварила сухие стебли малины и напоила меня этим отваром. Я накрылся с головой одеялом и попытался заснуть. Не удалось. К вечеру мне стало хуже, а ночью я уже метался в бреду. Утром Медведовский привез врача. Когда тот закончил осмотр, Лева, заикаясь, как это обычно бывало с ним, когда он волновался, спросил:

- Что с ним, доктор?

- Воспаление легких, немедленно в госпиталь!

- Товарищ майор, разрешите сопровождать, - в один голос обратились к Медведовскому мои товарищи, но места в машине оказалось только на двоих. Поехали Никольский и Арлетинов.

По дороге в госпиталь Лева шепнул Косте: "Боюсь, придется лететь без него". Костя - он сидел впереди - повернулся к Медведовскому:

- Товарищ майор, мы вместе прошли почти всю войну и хотим ее вместе закончить. Передайте генералу нашу просьбу - отложить полет до его выздоровления.

С Медведовским можно было говорить запросто, по-товарищески. К этому располагал его мягкий, добродушный характер. Из-под сросшихся черных бровей всегда спокойно и приветливо смотрели большие миндалевидные глаза. Человек он был умный, хорошо разбирался в людях. Майор неопределенно хмыкнул, потом улыбнулся и сказал, что просьбу нашу поддержит.

- Спасибо, товарищ майор, - с чувством произнес Лева, - а как только он выздоровеет, посылайте хоть к черту на рога.

- Зачем же? Пошлем куда надо.

В дороге я, видимо, снова потерял сознание и очнулся уже на носилках. Чьи-то руки заботливо подоткнули под меня одеяло. Я увидел лицо медсестры: ласковые, полные сочувствия глаза, тонко очерченные черные брови вразлет, нос с еле уловимой горбинкой, пухлые губы...

Болезнь оказалась тяжелой, я часто впадал в беспамятство, а когда вновь приходил в себя, всегда встречал ее нежный взгляд. Три дня и три ночи она не отходила от моей постели, подносила лекарства, делала уколы. И болезнь стала отступать. Я уже не терял больше сознания, температура упала, дыхание стало ровным и глубоким, теперь я спал спокойным сном выздоравливающего человека.

Силы ко мне быстро возвращались, ребята навещали часто. И с первого же их посещения я понял - генерал разрешил дожидаться моего выздоровления. Во всем теле еще была слабость, то и дело возвращались приступы головокружения, но я уже не мог больше оставаться в госпитальной палате, меня неудержимо тянуло к своим товарищам, к работе, и я попросил врача выписать меня.

Близился к концу декабрь 1944 года. Наши войска успешно продвигались вперед. Советское командование готовило Восточно-Прусскую стратегическую наступательную операцию силами 2-го и 3-го Белорусских фронтов и левого крыла 1-го Прибалтийского фронта.

В один из этих дней в штабе 2-го Белорусского фронта, находившемся в Белостоке, произошел разговор между начальником разведывательного отдела фронта генералом И. В. Виноградовым и нашим непосредственным начальником майором М. Г. Медведовским.

Илья Васильевич Виноградов, склонившись над картой, снова и снова перечитывал названия населенных пунктов в полосе предстоящего наступления и приговаривал вполголоса:

- Ясно... И здесь вполне ясно... Здесь тоже... А вот тут пока ясного мало. - И подчеркнул название города, стоявшего на пересечении железных и шоссейных дорог. Это был город Мышенец.

Медведовский доложил, что группа для заброски в район Мышенца к вылету готова.

- Возглавляет группу младший лейтенант Фазлиахметов, - сказал майор. Вызвать к вам?

- Нет, пожалуй, я сам к ним схожу, - ответил генерал.

Об этом разговоре я узнал гораздо позже. А тогда...

Установилась хорошая погода, и как-то незаметно наступил день отлета. Группа собралась на прощальный ужин. Душой

нашего небольшого общества, как всегда, был Костя Арлетинов. Его живые шутки, остроты, сопровождаемые комическими жестами и мимикой, поддерживали веселое настроение. Лева взял гитару, и под ее аккомпанемент мы спели несколько песен. А потом как-то сама собой наступила тишина. Торжественно и твердо прозвучал в ней голос майора Медведовского:

- Слушай боевой приказ!

Содержание приказа сводилось к следующему. Нам предстояло в ночь на 24 декабря 1944 года на самолете Ли-2 вылететь в тыл противника и на парашютах приземлиться на поляне в одном километре восточнее деревни Цык и в 10 километрах западнее города Мышенца. Задача: освещать работу узла шоссейных и железных дорог станции Мышенец, следить за расположением войск и боевой техники в районе действия группы, разведать систему оборонительных сооружений на границе Польши и Восточной Пруссии. Обратить особое внимание на переброску мотомеханизированных частей. Работу продолжать до прихода частей Красной Армии или до особого на то указания. Связь с Центром осуществлять при помощи раций, согласно программам, полученным Ногиным (Гришин) и Николаем (Макаревич).

Радиограммы адресовать Хозяину, подписывать "Матросов". При неустановлении радиосвязи выслать связника.

Сразу вспомнилось: Мышенец, Мышенецкая пуща входят в Цеханувский округ, присоединенный после оккупации Польши к Восточной Пруссии.

Значит, действовать в Восточной Пруссии.

Было уже далеко за полночь, когда группа на открытом грузовике выехала на аэродром. Стояла морозная светлая ночь. Доехали благополучно, спрыгнули с машины и зашли в жарко натопленный барак. Здесь подогнали и надели парашюты, укрепили вещевые мешки и оружие. Все это делалось спокойно, без суеты, как дело хорошо знакомое. Неожиданно в дверях появился генерал - Илья Васильевич Виноградов. Мы встали.

Майор Медведовский доложил:

- Товарищ генерал, группа к вылету во вражеский тыл готова!

- А к выполнению задания?

- Тем более, товарищ генерал, - ответил я. Илья Васильевич поздоровался со всеми за руку и сказал:

- Там, куда вы летите, наших нет, вы первые. Наступление советских войск будет развиваться тем успешнее, чем больше мы будем знать о противнике: оборонительные рубежи, маневр войсками, резервы. Верю, не подкачаете!

Генерал еще раз обменялся со всеми крепким рукопожатием,

пожелал успехов и проводил нас к самолету. Мы по четыре человека сели друг против друга на металлические откидные сиденья возле пилотской кабины. Моторы взревели, машина плавно тронулась и покатилась по взлетной полосе. Самолет оторвался от земли, набирая высоту, сделал круг над затемненным городом и взял курс на запад.

Разговаривать из-за шума двигателей было трудно, поэтому все молчали. Каждый думал о чем-то своем. У меня же из головы не выходил псевдоним, который выбрал для меня генерал. Мне вспомнилась первая встреча с ним на нашей квартире у гостеприимных поляков. В тот вечер мы отдыхали, слушали невесть как попавший к нам патефон и тихо подпевали:

На позицию девушка
Провожала бойца.

В это-то время и появился генерал Виноградов. Все тут же вскочили со своих мест. Я шагнул вперед для доклада. Кто-то потянулся к патефону, чтобы снять пластинку. Но генерал остановил:

- Не надо. Хорошо поет, послушаем. - Илья Васильевич повесил шинель и весело спросил: - Чайком угостите?

И я, и мои товарищи думали, что генерал начнет проверять нас, экзаменовать. А он присел к столу, прислушался к песне и стал подпевать. Затем пили чай. Генерал расспрашивал про наших родных, близких...

В тот вечер начальник разведывательного отдела фронта только один раз коснулся предстоящего нам задания. Он спросил меня:

- Какой псевдоним выбрали?

Я назвал теперь уже не помню какую фамилию с окончанием на "ский".

- Не очень нравится, - сказал генерал. - Люблю, когда псевдоним у разведчика имеет какой-то смысл. А то недавно докладывает один товарищ: старший разведгруппы Щукарь. Нелепо! Так и видишь шолоховского деда, который в детстве на крючок попался. Вроде бы недобрый намек получается. Заменил! Я бы на вашем месте вот чью фамилию взял. - И генерал указал на висевший плакат с портретом Александра Матросова, подвиг которого был известен всей стране.

Я признался, что сам ни за что не решился бы взять фамилию героя.

- А ты решайся! - положив руку на мой погон, проговорил Илья Васильевич. Так и затвердим - Матросов. - И, круто меняя тему, обратился ко всем: Какие-либо личные просьбы, вопросы ко мне есть?

Я решил спросить о судьбе Александра Чеклуева, с которым мы трижды забрасывались в тыл и о котором я уже больше месяца ничего не слышал.

- Встревожился, значит? Это хорошо, что о товарищах думаешь. Все в порядке у твоего Чеклуева. Ведь это ему псевдоним Щукаря прочили. Заменили хорошим именем, и дела идут преотлично, - пошутил генерал. - Молодец твой Чеклуев! И в тебя верю, Матросов!

"Люблю, когда псевдоним у разведчика имеет какой-то смысл", - эти слова генерала я не забыл. Матросов ценой своей жизни спас жизнь многих бойцов и обеспечил выполнение задачи, поставленной подразделению. Так и мы своими данными о противнике должны помочь командованию спланировать и провести операцию фронтового масштаба с наименьшими потерями.

Думы, думы... Я прильнул к иллюминатору. Там, внизу, залитые лунным светом, просматривались запорошенные снегом поля и луга. Вдруг с земли густым роем в нашу сторону понеслись трассирующие пули Пилот начал кидать машину то в одну, то в другую сторону и сумел выйти из-под огня - линию фронта мы пересекли. До места десантирования осталось совсем немного. Пилот время от времени резко менял направление полета - на тот случай, если противник поднимет в воздух истребители. Наконец штурман подал команду: "Приготовиться!"

Как положено, по этой команде цепляем к тросам, протянутым вдоль бортов самолета, карабины вытяжных фалов парашютов и становимся у открытых люков. Грузовой мешок подвинут к самому люку и даже немного высовывается наружу. Я становлюсь возле него у правого люка, Макаревич - у левого. За грузовым мешком прыгать опасно. Нельзя сразу - могут схлестнуться парашюты, в то же время и медлить опасно - не найдешь груз.

Время 3 часа 30 минут. Команда: "Пошел!" Кричу ребятам что-то ободряющее и, выбросив грузовой мешок, ныряю вслед за ним в ночную бездну. После сильного рывка смотрю вверх. Все в порядке, купол раскрылся. Парашют осторожно, как бы нехотя несет меня к земле.

Приземлился в заснеженном редколесье, рядом Лемар Корзилов. Помогаем друг другу освободиться от парашютных лямок, а это нелегко - руки окоченели. На условный сигнал отозвался еще кто-то. Кто? Подбегаю - это Миша Козич. Он лежит на боку, морщится от боли и потирает правую ногу. Помогаю ему подняться. Перелома, кажется, нет, но ступать на ногу Мише больно: очевидно, растяжение связок. Пришлось снять с него

сапог и сделать тугую повязку. Продолжаем подавать условные сигналы. Появляются Лева Никольский и Николай Гришин. Через некоторое время выходит на поляну и Костя Арлетинов. Нет только Макаревича, не откликается.

Пока кругом тихо, идет снег. Рядом накатанная дорога. Находим грузовой мешок, освобождаем его от парашюта. Макаревича все нет. Надо сориентироваться, где мы находимся. Посылаю Леву и Костю к строениям, которые темнеют поблизости. С остальными тем временем прячем парашюты в стогу сена. Снег пошел сильнее, падает крупными хлопьями.

Вдруг тишину разрывает выстрел, и эхо разносит его по лесу. Возвращаются Лева и Костя. У Левы пробита ладонь правой руки.

- Что случилось? - взволнованно спрашиваю Никольского.

- Выстрелил, гад, из окна, когда я постучался.

- Значит, немцы?

- Нет, просто хозяин хутора немец, - сказал Миша, - им приказано стрелять без предупреждения. Давайте-ка скорее разбирать грузовой мешок.

Часть содержимого грузового контейнера: боеприпасы, питание к рации разложили по вещевым мешкам, а остальное: часть продуктов, белье - спрятали в стогах сена. В это время послышался шум машин, который с каждой минутой становился все явственней. Машины шли с зажженными фарами.

Пора уходить. По компасу напрямую идем на юг. Идти трудно, то и дело приходится перелезать через колючую проволоку, которой огорожены даже лесные делянки. Ясно, что здесь живут немцы, у них так принято, как говорит Миша Козич. Наконец выходим на лесную дорогу.

Время четыре часа утра. На месте приземления, очевидно, орудуют немцы. В той стороне слышен треск автоматных очередей. До нас пули не долетают, но вспышки ракет, освещая все вокруг, создают ощущение незащищенности и тревоги. Ребята немножко нервничают. Успокаиваю их: "Видите, какой идет снег? Ни одна собака не возьмет след".

Весь остаток этой зимней ночи идем не останавливаясь, петляем, запутываем следы на случай погони. Продвигаемся вперед осторожно, чтобы не нарваться на засаду. Я иду впереди по компасу. Пот льет ручьем, идти становится все труднее, груз за плечами, кажется, стал вдвое-втрое тяжелее. Хочется сбросить и шинель и телогрейку, но бросать ничего нельзя.

Делаем очень короткие остановки, чтобы сверить местность с картой, прислушиваемся: нет ли погони, нет ли засады впереди. Никто из нас не забыл, как в Белоруссии погибли Геннадий Зелент, Леша Садовик, Тит Чупринский и другие славные наши

товарищи. Засада - самое страшное, это не бой, это расстрел.

Рассвет застал нас в молодом сосновом бору. Здесь пришлось остановиться. Дальше идти было некуда - впереди открытое поле. Вдоль опушки - санная дорога. Сняли вещевые мешки, оружие и в изнеможении попадали на снег. Отдышались. Умылись снегом. Нестерпимо хочется пить. Горячими ладонями спрессовываем в комочки белый пушистый снег и откусываем от них маленькие кусочки. Развязали вещмешки, достали сало, сухари, колбасу.

- Ребята, может, перед завтраком по маленькой, - предложил Костя Арлетинов. - Оно как-то и веселей будет. - Потом сел на вещмешок, почесал за ухом и произнес, подмигнув Козичу: - Давай начнем с твоей фляги, Михаил, легче идти будет, а то ты у нас притомился что-то.

Хлебнули из фляги по два-три глотка, потом поели всухомятку: разводить костер в этом мелколесье было опасно. Затем занялись содержимым вещмешков. Их надо было немного разгрузить. Белье, часть продовольствия и боеприпасов припрятать. За ними можно будет вернуться потом, когда в этом возникнет необходимость.

Выставив охранение, решили вздремнуть. Ни снег, ни холод не могли помешать этому. Недолгим, однако, был наш сон. Наблюдатель Миша Козич услышал чужую речь и разбудил всех. Мы с оружием на изготовку притаились за деревьями. Гитлеровцы - их было человек десять - остановились примерно шагах в двадцати от нас. Лица бойцов побледнели - никому не хотелось вот так, в первый же день, ничего не успев сделать, ввязаться в бой, который неизвестно чем может закончиться.

Миша Козич вслушивается в разговор немцев и шепотом переводит. "Один из них говорит, что без собак искать бесполезно. Второй с ним соглашается. Третий предлагает вернуться в часть".

Остальные его дружно поддержали. Это мы поняли и без перевода. Снова заскрипел снег под ногами удалявшихся немцев. Пронесло...

Но не прошло и десяти минут, как мы услышали конский топот и опять приготовились к бою. Из-за деревьев выбежала собака - обычная деревенская собака с загнутым баранкой хвостом. Костя, не выдержав напряжения, вскинул автомат.

- Не стрелять, - тихо и внятно произнес я.

Костя опустил оружие. Собака между тем, равнодушно взглянув на нас, подняла заднюю лапу, сделала метку и снова побежала к дороге. Мимо нас проехала крестьянская подвода.

- Какая умная тварь, - вытирая пот со лба, заметил Лева, - даже не тявкнула.

- Фашисты отучили, - мрачновато пошутил Миша.

Дождавшись вечерних сумерек, Николай Гришин развернул рацию и вышел на связь. Покрутил рукоятки, отстучал позывные. Мы с волнением стали ожидать ответа. И вот наконец в наушниках отчетливо запищало.

- Ну что, есть связь? - спросил я. Гришин только кивнул в ответ и стал передавать нашу первую радиограмму: "Приземлились благополучно. Хвоста нет. Не нашли Макаревича. Матросов".

Ответ не заставил себя ждать: "Поздравляю с благополучным приземлением. Район трудный. Будьте предельно осторожны. Хозяин".

- Ну, спасибо, Николай, хорошо сработал! - похлопал я его по плечу. В ответ он рассмеялся как обычно, далеко откинув назад голову с залысинами. Работал Гришин всегда с непокрытой головой.

Поздно вечером мы вышли на дорогу, которая нам доставила столько беспокойства в течение дня. Она вывела нас к какому-то хутору. Сквозь щели закрытых ставен пробивался неяркий свет. Из дома доносились мужские и женские голоса.

Лева с Костей осторожно постучали в ставни и подошли к двери. Из хаты вышел какой-то человек и спросил по-польски:

- Кто тут?

- Свои, - по-польски же ответил Миша.

Поляк сделал пригласительный жест рукой, и мы зашли в дом. В охранении остались Никольский и Арлетинов.

В хате чадно от огня лучин, комната полна молодежи: парни, девчата. Справляют рождество.

- С праздником! - бодро и весело произносит Миша.

- С праздником и вас, - недружно и тихо отвечают поляки.

Молодежь торопливо освобождает места у стола. Садимся на лавку у стены. Сейчас не до еды и питья.

Самое главное - установить, где же мы находимся. Достаю карту, разворачиваю ее и через Мишу обращаюсь к хозяину:

- Что за хутор?

Отвечает. Но на лице растерянность, глаза тревожно перебегают с одного бойца на другого. Миша без обиняков объясняет, что мы разведчики передовых частей Красной Армии, что скоро придут и регулярные войска. Он рассказывает о формировании в Советском Союзе польской армии, о ее успешных боевых действиях, о положении на фронтах и о близком освобождении польской земли от немецко-фашистских оккупантов.

Поляки переглядываются, на лицах многих появляются

радостные улыбки.

Я нахожу на карте названный хутор. Отсюда до условленного запасного места встречи - там мы должны встретиться с Макаревичем - километров десять-пятнадцать.

Охотно и подробно, перебивая друг друга, поляки отвечают на наши вопросы. Выяснили, что немецких войск поблизости немного, но жандармы бывают в каждой деревне, на каждом хуторе. Установили и следующее: деревня Фридрихсгофе, возле которой мы приземлились, - это совсем не то место, где должна была десантироваться группа. Правда, ошибка в расстоянии не очень большая километров сорок.

Радовало, что поляки люто ненавидят оккупантов, одобряют мероприятия Польского комитета национального освобождения, его земельную реформу, с нетерпением ждут грядущих перемен у себя. Чувствовалось, что они будут не только лояльны к нам, но, пожалуй, станут помогать в нашей работе.

Один из поляков высказал предположение, что мы те десантники, на ликвидацию которых утром выехали две роты гитлеровцев. Что ж, вполне вероятно. Настороженность, которая еще оставалась у поляков, исчезла полностью. Нас начали настойчиво угощать самогоном, а также солеными грибами, картошкой и прочей нехитрой закуской. Мы достали кисеты. И вот уже в тесной избе смешались запахи польского самосада и моршанской махорки. Девушек угостили шоколадом.

Поели с аппетитом. Пить не стали. И без того глаза слипались. Теперь бы в самый раз заснуть богатырским сном, да нет, не можем мы себе такого позволить. Пора в дорогу.

Вышли с хозяином во двор. Договорились, что он выполнит наше задание: узнает номера, численность и вооружение воинских частей в ближайших гарнизонах. Условившись об очередной встрече, покинули хутор.

Стало теплее, опять пошел снег. Идем, как всегда, по компасу, время от времени сверяя местность по карте, идем бесшумно, соблюдая все меры предосторожности.

Леву беспокоит рана. Миша Козич шагает, опираясь на палку. Все устали, ведь на исходе вторая бессонная ночь. Гришин тяжело дышит. Ему в походе достается больше других: рация и батареи питания к ней весят изрядно.

Наконец вышли в условленный для встречи квадрат. Здесь надо ждать Макаревича.

Бойцы расчистили от снега площадку в густом ельнике, наломали лапника для подстилки, набрали бересты, собрали хворост, развели огонь. У костра подсушились и решили немного поспать. Проснулись от холода. Времени было около шести часов

утра.

По карте в двух километрах от места нашего привала значилась небольшая деревушка. Решил, пока не рассвело, сходить туда. С собой взял Лемара и Мишу. Выйдя из леса, увидели низенькие, крытые соломой домишки. Над ними курился густой дымок. Зашли в крайнюю хату. Хозяйка была уже на ногах, возилась с печью. Дети еще спали. В доме бедно: мебели почти никакой нет, пол земляной. Негромко объяснили хозяйке, кто мы такие, и спросили, как называется деревня. Оказалось, что это та самая деревушка, что значится на карте. По нашей просьбе хозяйка рассказала о своих односельчанах, о том, кто и как относится к оккупантам. Выяснилось, что немцы-"снабженцы" бывают здесь редко, деревня бедная, взять нечего, однако жандармы наведываются почти каждый день. Гитлеровцев здесь ненавидят все, от мала до велика, и лишь лесник фолькс дойче - связан с фашистами и его следует остерегаться. Спросили, не появлялся ли в деревне коренастый, невысокого роста, широкоплечий человек в русской шинели. "Нет, такой человек здесь не появлялся", - ответила женщина.

Хозяйка налила в миску теплой воды, протянула нам кусок мыла. Я вопросительно посмотрел на Мишу. Тот окунул в миску руки, затем той же водой сполоснул лицо. Значит, такой здесь обычай.

Вымыв миску, хозяйка вывалила в нее из чугунка картошку, поставила на стол крынку кислого молока и кружки.

- Поснедайте, Панове! - обратилась она к нам, словно мы пришли к ней в гости. Видно, недаром говорят в народе: чем беднее, тем добрее.

От угощения мы, однако, отказались и, поблагодарив польку за информацию, тем же путем вернулись к своим. Рассвело. Опять разожгли костер и, чтобы не было дыма, поддерживали огонь сухими еловыми ветками. Вскоре в наших котелках закипела вода, затем забулькал суп-пюре из горохового концентрата, сдобренный колбасой.

Поели суп с сухарями, хорошенько обсушились и снова легли спать, а к вечеру Костю и Леву я отправил в разведку. Мы остались ожидать Макаревича.

Вечером дал радиограмму: "Вышел на место встречи 25-го утром. Жду Макаревича двое-трое суток. Район опасный, рисковать группой не могу. Приступаю к выполнению задания. Матросов".

Посланные в разведку Лева с Костей вернулись в ночь на 28-е. Они обошли много селений и хуторов, путем опроса жителей узнали многое о состоянии оборонительных сооружений

гитлеровцев на польско-прусской границе, сами видели эти укрепления и даже "потолковали" с немецким солдатом фольксштурмистом-сапером.

Вот что рассказал об этой встрече Лева Никольский.

- Сидим на опушке леса возле дороги. Вечереет. От дота мимо нас проходит солдат. Карабин на плече, в руках какие-то коробки. Похоже, мины. Мы пропустили его и пошли вслед за ним. На нас маскхалаты, поди догадайся, кто такие. Солдат остановился, поставил коробки, положил на них карабин и, не обращая на нас внимания, ломиком стал долбить землю. Костя подошел, взял его винтовку, жестами объяснил, чтобы тот молчал и, потребовал у немца документы. Фриц дрожащими руками достал из кармана френча свои бумаги и вручил их Косте понял, наверное, с кем имеет дело. И тут же, мешая польский с немецким, запричитал: "Нике шиссен, никс шиссен, панове". "Да ладно, не будем тебя шиссен, пся крев!" - ответил Костя. Получив запалы и вернув немцу документы, мы уже собрались было уходить, но тут солдат стал умолять вернуть ему карабин. Пришлось разрядить оружие и очистить фрицев патронташ. Ну а затем мы, что называется, мирно разошлись. Если б не Костя, я бы, пожалуй, поступил с ним по-другому...

- Что же вы его не взяли с собой? - спросил я.

- А что он еще может сказать? Номер части мы знаем, - ответил Лева.

- Костя, почему ты решил отпустить немца?

- Честно говоря, жалко было его немного, а главное, из-за этого вшивого фрица могли поднять шум, а сам он промолчит о случившемся.

- И все-таки надо было его привести с собой. Вы узнали, что здесь сейчас находятся саперы, но не смогли выяснить, заняты ли построенные доты боевыми расчетами. А ведь именно это для нас сейчас наиболее важно.

- Нет, не заняты. Это мы узнали от местных жителей, - ответил Костя.

- Когда Петька, ординарец Чапаева, отпустил пленного, помните, что ему было за это?

- Ничего не было, - хмуро ответил Лева.

- Ничего не было потому, что беляк сам пришел потом к красным, а немец-то не придет.

- Р-разреши вернуться, мы приведем "языка", - произнес Лева, заикаясь, как обычно, в минуты волнения.

- Пока не надо. Мы тут с Лемаром тоже не теряли зря времени. Два дня лазили в полосе укреплений и теперь знаем точно - доты пока пустуют. Узнали кое-что также о минных полях

и других объектах обороны. Но в любом случае "язык" для нас очень важный источник информации, учтите это, братцы, и впредь постарайтесь таких ошибок не повторять. А теперь - отдыхать. Встанем рано. На посту по очереди - Козич, Корзилов, Арлетинов, Никольский, Гришин. Каждому стоять по часу.

28 декабря мы передали Хозяину первую информацию: "Данные, полученные от местных жителей, и личные наблюдения.

На прусско-польской границе доты, 100-150 м. Маскировка: деревья, снег. По линии Заремба, Крупове, Сурове, Чарня, Цык, Пелты, Мышенец, Стара Домброва окопы в два ряда, перед ними минные поля. На участке Стара Домброва - Мышенец окопы в три ряда, проволочные заграждения, минные поля. Укрепления войсками не заняты"

Пока Гришин шифровал и передавал радиограмму, мы с Корзиловым обошли квадрат леса. Никаких следов не обнаружили. Макаревич здесь не появлялся.

Вскоре Гришин зачитал ответную радиограмму: "Благодарю за информацию. Макаревич на хуторе Харцибалда. При приземлении ушибся, выйти на место встречи не смог".

От сердца отлегло. Вернулся посланный в соседнюю деревню Миша Козич. Там с тревогой ждали прибытия жандармов. Надо скорее уходить, нас ищут.

В то же утро, еще затемно, тронулись в путь. Двигались быстро и к рассвету лесами прошли не меньше 15 километров Отдохнули. С наступлением темноты снова в дорогу.

Поздно вечером передали то, что удалось узнать от местных жителей. "Шоссе и узкоколейка Мышенец - Кадзидло, железная дорога Хожеде - Остроленка действуют".

Уже ночью вышли к строениям, примыкавшим к самому лесу. Это было одно из хозяйств хутора Харцибалда, разбросанного на большой территории Постучались в дом Дверь открыл пожилой коренастый мужчина. В хате, кроме него, оказался его сын, парень лет семнадцати-восемнадцати, Болеслав, или Болек, как называл его отец.

Франц Эйзак, хозяин дома, сразу же понял, с кем имеет дело А когда мы описали внешность Макаревича и спросили, не встречал ли он такого, Эйзак, хитро усмехнувшись, ответил:

- Может, и встречал.

Завязалась откровенная беседа. Мы говорили с поляками как люди, давно знакомые друг с другом. У младшего Эйзака - Болеслава - все мысли были устремлены в будущее. Война подходила к концу, а Болек увлекался механикой, и его во всей округе знали как человека, способного чинить все - от приемников до лобогреек и молотилок. Болек мечтал о

политехникуме, и я, как бывший студент, рассказал ему о том, как поставлено образование у нас, в Советском Союзе.

- Думаю, что и у вас, - сказал я, - когда власть на польской земле перейдет в руки народа, будет так же. Только надо еще прогнать оккупантов.

- Я хочу с вами работать, - заявил Болек.

Мы почувствовали, что нам доверяют и станут помогать. Вскоре Франц Эйзак поднялся и предложил следовать за ним. Вышли из дома и гуськом, след в след, зашагали полем. Минут через тридцать впереди, сквозь снежную пелену стали вырисовываться очертания каких-то строений.

Ребятам на всякий случай я велел остаться во дворе и рассредоточиться, а сам с Мишей вслед за Эйзаком вошел в дом. Облако пара ворвалось в открытую дверь, но оно не помешало разглядеть в глубине комнаты улыбающегося Макаревича, который сидел на полатях в окружении незнакомых мне людей.

- Чему ты улыбаешься, чертов сын?! - тиская его в объятиях, закричал я.

- Как чему? Рад, что встретился.

- А мы не знали, что думать, где искать.

- Так я же дал радиограмму.

- Когда? Надо было сразу. Ну да ладно. А это кто такие? - кивнув в сторону людей, сидевших на полатях, спросил я Николая.

- Ухов и его группа, - ответил Макаревич.

- Давай знакомиться, Ухов, я Матросов. Мне протянул руку невысокий черноволосый человек с усиками.

- Это Иван Мосаковский, Владлен Жаров, Тадек Поплавский, - указал он на своих товарищей.

Я и мои ребята обменялись с разведчиками крепки ми рукопожатиями.

- Работать будет трудно, - предупредил нас Ухов. - В Рыпане и Мышенце стационарные пеленгаторы. Есть и подвижные - на автомашинах. Нет покоя от жандармов. Днем они шныряют по деревням и хуторам. В случае надобности немцы в течение часа-двух могут перебросить практически любое количество карателей фронт в 50-40 километрах. Жить на хуторах и тем более выходить оттуда на связь нельзя - погубите себя и хозяев.

Да, хоть и через многое нам уже довелось пройти, но в такой обстановке группе прежде работать не приходилось. Впрочем, ребята из группы Ухова были настроены по-боевому. Они заявили о своей готовности немедленно приступить к делу. Ухов не возражал. Его бойцы могли нам в данном случае оказать очень существенную помощь - они хорошо знали местность и верных

людей.

Перед рассветом Ухов ушел. Вместе с ним я направил для связи Корзилова. Через некоторое время ушли Жаров, Поплавский и Мосаковский. С ними мы договорились об очередной встрече. Ушел с ними и Франц Эйзак, мы остались наедине с хозяином - жизнерадостным энергичным человеком средних лет. Его звали Станиславом. Он, как успел сообщить мне Мосаковский, был активным антифашистом, очень авторитетным в округе человеком. Действительно, потом, когда мы ссылались на Стася: "Стась велел помочь", местные жители живо откликались на наши просьбы, охотно выполняли те или иные поручения.

Наступило утро. Стась предложил нам провести день в его лесной землянке. Мы согласились. Отойдя немного от хутора, очутились на вырубке недалеко от дороги. Снег здесь был утоптан, всюду лежали срубленные молодые деревья и кустарник, якобы заготовленные на дрова. Стась раскидал хворост, ухватился за край только ему известного люка, сделанного вровень с землей, поднял его и предложил нам спуститься. Землянка оказалась неглубокой, не более полутора метров. В ней было холодно и сыро, как в могиле, но все-таки лучше, чем в лесу под открытым небом. Стась пообещал прийти вечером, попрощался с нами, закрыл люк и закидал его сверху хворостом. Затем все стихло. Мы остались одни.

Очень хотелось спать. Бодрствовать решили по очереди, и вскоре все, кроме "дневального", тесно прижавшись друг к другу, заснули.

Вечером пришел Стась, принес хлеба, картошки и кислого молока. Мы перекусили. Стась ушел вместе с Макаревичем. Они взяли рацию и комплект питания к ней, чтобы спрятать все это в надежном месте.

Перед уходом Станислав предупредил нас, чтобы мы были осторожнее, не вступали в контакт с незнакомыми людьми. Жандармы часто переодеваются в гражданскую одежду и очень интересуются партизанами и десантниками. "Мы-то их знаем, - сказал он, - а вы... Словом, будьте внимательны..."

Гришин развернул свою рацию. Ребята помогли ему растянуть между деревьями антенну. Он быстро связался с Центром и перешел на прием.

"Дорогие товарищи! - отстукивала морзянка. - Горячо поздравляем вас с новым, 1945 годом - годом окончательного разгрома врага. Желаем вам здоровья, сил и успехов в вашей трудной боевой работе во славу нашей доблестной армии Всех обнимаем".

Под этой радиограммой не было привычной подписи Хозяина. И лишь много позже мы узнали, что поздравлял нас в ту новогоднюю ночь сам командующий фронтом Константин Константинович Рокоссовский.

Вторая радиограмма была уже от Хозяина: "Есть ли войска в Мышепце, Кадзидло - срочно".

Кадзидло и Мышенец - узлы железных и шоссейных дорог, расположенные в нескольких десятках километров от плацдарма наших войск под Остроленкой. Необходимые для командования данные у нас были, но передать заготовленную радиограмму мы не успели. Вернулся встревоженный Макаревич и сообщил, что на хуторах, несмотря на поздний час, появились жандармы. Разбившись на две группы и условившись о месте и времени встречи, мы разошлись в разных направлениях. Наша радиограмма пошла на другой день: "Мышенец - гестапо, жандармерия, войск нет. Чарня - жандармерия, саперная часть. Из деревень Провары, Волново население выселено - ожидают войска. Из окрестных сел вдоль шоссе Кадзидло Остроленка население выселено, деревни заняты войсками. Макаревича нашел в группе Ухова. Питание к рации кончается - срочно груз".

Немедленно последовал ответ: "Почему нет питания? Место выброски, сигналы".

Питание к рации у нас еще было. В запасе имелся комплект к рации Макаревича, спрятанный в хлеву у Стася, но, зная по опыту, насколько трудно зимой дождаться летной погоды, я решил запросить груз заблаговременно. Пришлось немного покривить душой и сообщить: "2.1.45. При выброске потеряли мешок. Искать не было возможности".

Уточнять там не стали и сразу сообщили: "С 3-го на 4-е самолет По-2. Место приема, сигналы"

Через Стася я немедленно связался с Мосаковским.

- Нужна ваша помощь. Надо принимать груз. Его могут сбросить, могут и не сбросить, все зависит от погоды. Всей группой заниматься этим делом мы не можем - надо работать. Можно ли привлечь к этому делу поляков?

- Почему же нельзя, есть очень надежные хлопцы, - ответил Мосаковский.

- Где можно принять груз?

- Безопасного для нас и для самолета места поблизости, пожалуй, не найти. Надо принимать его прямо на действующей дороге.

- А как костры?

- Об этом и речи быть не может, только фонарики.

Выбрав на дороге место, где к ней с обеих сторон подступал

лес, в тот же вечер, 2 января, я передал радиограмму: "Место выброски - действующая дорога Завады - Ольшины. Три фонаря в линию при шуме мотора. Время после 24 00. Зона опасная. Выбора нет".

Но самолет не прилетел, напрасно ждали его наши люди. Не появился он и после. Погода не благоприятствовала полетам.

А боевая работа между тем продолжалась. Как только заканчивался короткий зимний день и сгущались сумерки, мы приступали к делу. Попарно, по трое уходили на задания, возвращались, сообщали Хозяину полученные данные и снова расходились. Шли в те районы, где, по рассказам наших многочисленных помощников, появлялись новые воинские части противника, строились укрепления или замечалась переброска войск.

Только радист Гришин часто оставался один. Его мы берегли и не всегда брали с собой. Не было почти ни одного дня, когда бы Николай не выходил на связь, почти всегда с нового места и в разное время.

Наша уверенность в скорой победе, энергия и решимость увлекали истинных патриотов-поляков, и у нас появились десятки преданных помощников. Многие из них ходили в разведку или на связь Многие помогали укрываться от врагов в своих землянках, сделанных на случай облавы, в дровяных сараях, в ямах, вырытых в хлевах, на сеновалах. Многие делились с нами скудными запасами продуктов.

Очень большую помощь оказывал нам шестнадцатилетний Тадек Зиглер. Иногда мы пользовались его землянкой, часто коротали дни у него на сеновале. У Элеоноры Плишки, смелой и решительной женщины, по ночам устраивали встречи, пользовались также и ее землянкой. Болеслав Эйзак стал нашим разведчиком. Он выполнял рискованные задания, чаще один, а иногда и с нашими ребятами.

За время пребывания во вражеском тылу мы составили довольно четкое представление о ближайших немецких гарнизонах, действующих дорогах, об укреплениях на польско-прусской границе.

Не менее мощные укрепления у гитлеровцев были и на юге, в прифронтовой полосе. Там, в районе города Остроленка осенью 1944 года войска 2-го Белорусского фронта захватили плацдарм на правом берегу реки Царев - притока Вислы - и вынуждены были остановиться.

Гитлеровцы в спешном порядке начали возводить в том районе оборонительные сооружения. Перед нами была поставлена задача: выяснить, что представляет собой эта

оборонительная полоса.

На задание отправились втроем: Макаревич, Мосаковский и я. Пришли в деревню Баранове. Недалеко от нее начиналась полоса оборонительных сооружений. Работоспособных жителей Баранова и прилегающих деревень изо дня в день под конвоем гоняли на строительство этих укреплений.

В Баранове Мосаковский познакомил нас с Верой, русской девушкой, угнанной в Германию и бежавшей в Польшу. Под видом дальней родственницы она жила в польской семье, говорила по-польски, имела аусвайс, что обеспечивало ей некоторую свободу передвижения. Поручения, которые ей давал Мосаковский, она выполняла охотно и быстро. Вера была грамотная, смелая, наблюдательная девушка. С ее помощью мы нанесли на карту замеченные ею оборонительные сооружения противника северо-западнее города Остроленка: противотанковые рвы, траншеи, окопы с ходами сообщений, проволочные и минные заграждения.

Договорившись с ней, что она пополнит данные о противнике, мы с Макаревичем пошли в сторону Ружан, а Мосаковский - в сторону Новогруда.

С помощью местных жителей, работавших на строительстве укреплений, мы выяснили, какие объекты строятся в этих районах. Встретились снова у Веры.

От нее на этот раз получили данные о воинских частях немцев, занимавших позиции под Остроленкой. Это были части 4-й армии группы армий "Центр".

Теперь нам стал известен довольно подробный план оборонительной полосы противника по реке Нарев от Ружан до Новогруда. Надо было срочно передать радиограмму Хозяину.

Еще засветло лесами вышли к шоссейной дороге Мрагово - Остроленка и долго вели наблюдение за движением немецких войск. К вечеру движение стало менее интенсивным, и мы приняли решение перейти шоссе. И вот здесь нам не повезло. Из-за поворота неожиданно выскочил грузовик с жандармами. Машина затормозила, попыталась развернуться и стала к нам боком.

Что делать? Вот вопрос, который часто надо решать в одно мгновение. Бежать? Перестреляют - до кустов метров двести. Пришлось принять бой - другого выхода у нас не было.

Когда гитлеровцы уже начали соскакивать с заднего борта машины, мы, не сговариваясь, ударили из автоматов. Немцы, используя машину как прикрытие, открыли ответный огонь.

- Глуши их гранатами! - кричу я ребятам. Машина загорелась. Уцелевшие жандармы бросились врассыпную. Вслед им я бросил

еще одну гранату. Взрыв! Все. Теперь пора уходить. Но это так говорится - уходить, а на самом деле в таких случаях приходится бежать, и бежать как можно быстрее.

Уже под утро, усталые и голодные, добрались до землянки Тадека. Там нас ожидал Николай Гришин - целый, невредимый и, как всегда, спокойный. Обнялись. Начались расспросы.

- Ну как вы тут, какие новости?

- Все нормально, - ответил Николай, - все живы, здоровы, только натерпелся я страху вчера. Проснулся утром часов в девять. В землянке душно. Приоткрыл люк - слышу собачий лай, крики. Скорей прихлопнул люк, взял гранату, привязал к ней шифр - словом, приготовился ко всему. Собачий лай все ближе и ближе. Вот он уже надо мной. Затем наверху раздались шаги, прозвучали выстрелы. Ну, думаю, вот и конец тебе, Николай Сергеевич, отвоевался.

- Дальше, дальше что? - торопили мы Гришина.

- А дальше ничего. Собачий лай стал тише, выстрелы уже доносились издалека, и я немного успокоился. Вечером пришел Тадек и рассказал: приезжало офицерье - устроили охоту с гончими на зайцев.

Я попытался представить себя в положении Гришина. Надо было иметь исключительное самообладание, чтобы не выскочить из землянки и не броситься бежать куда попало. Ведь Николай мог предположить только одно: идет облава... Когда Гришин шифровал радиограмму, луч фонарика скользнул по его вискам. И я увидел, чего стоил ему этот день - он поседел.

Вскоре появился и Тадек. Он принес отварной картошки и немного хлеба. Только теперь мы вспомнили, что не ели более суток.

Вечером в землянку вернулись Лева Никольский, Костя Арлетинов и Миша Козич. На обветренных лицах товарищей светились улыбки. Ясно без слов - рады тому, что все живы.

- Что это у тебя с шапкой? - спросил меня Никольский.

- Да мы вчера немножко поцапались с жандармами, наверное, пуля прошила, разглядывая ушанку, ответил я ему.

- А как, как это было?

Пришлось рассказать.

- Гранаты бросали с выдержкой?

- Пожалуй, об этом думать было некогда. Как, Николай?

Коля Макаревич широко улыбнулся и молча кивнул головой.

- Ну а что у вас новенького, хлопцы?

- На укрепления по польско-прусской границе прибывают войска. В районе Хожеле двигаются к фронту крупные танковые части, - ответил Костя.

Мы, разумеется, полностью доверяли своим товарищам, но в нашем деле действовало неизменное правило: верь, но проверь. Поэтому я сказал:

- Ребята, данные эти надо проверить и уточнить. Лева, Костя, проводите Николая в землянку Болека в песчаных карьерах, а сами с Болеком идите под Хожеле, постарайтесь встать там на след танковой части, выяснить ее номер, число танков и их типы. Мы с Козичем и Макаревичем идем к границе.

Лева, Костя и Болек проселками вышли на плотно укатанную машинами дорогу. По обе стороны ее тянулись широкие следы гусениц. По ним они определили: танки следуют на юг, к фронту.

В ближайшей деревне ребята зашли в один из домов. Там хозяева подтвердили: недавно здесь прошли танки и самоходные орудия. Когда разведчики выходили из хаты, то лоб в лоб столкнулись с тремя вооруженными людьми в маскхалатах. Ребята успели взвести автоматы первыми.

- Руки вверх!

Те подчинились. Костя и Лева их обезоружили, отобрали немецкие карабины и гранаты.

- Документы, - строго потребовал Лева, заподозрив в них власовцев.

- Какие еще документы, мы бывшие военнопленные, - без тени страха или волнения ответил один из них.

- Чем вы можете это доказать?

Все трое, как по команде, расстегнули телогрейки. Под ними оказались арестантские куртки.

- Ну, это еще не доказательство, - с сомнением произнес Костя.

- Мы здесь укрываемся больше месяца, нас хорошо знают в деревнях, незнакомцы по-прежнему вели себя совершенно спокойно.

- Хорошо, если так, - сказал Лева. - Вы пойдете с нами, поможете нам кое в чем, а заодно и послушаем, что про вас скажут поляки.

Эти солдаты хорошо знали дорогу до ближайших сел. Вместе с нашими разведчиками они прошли по следам танков 15-20 километров. По пути не раз, когда проезжали машины, все отходили под укрытие деревьев или кустарника. В конце концов спутники наших ребят догадались, кто они такие и, повеселев, спросили, какие конкретно сведения их интересуют.

- Что за часть, откуда, сколько танков и самоходок, - ответил Лева.

- Тогда зайдем к нашему знакомому, - предложил один из бывших красноармейцев. - Еще в начале войны он попал в плен,

бежал и остался в Польше, завел семью. Думаю, сможет вам помочь.

Ребята так и сделали. Их новый знакомый подробно рассказал о том, сколько танков, самоходок и машин прошло через деревню.

- Кто может подтвердить и уточнить эти сведения? - спросил в конце беседы Костя.

Тогда моих товарищей и их спутников проводили к учителю-поляку, который жил в соседнем селе. Учитель, кстати говоря, знал военных как людей, действительно скрывающихся от немцев. Поляк предложил нам укрыться на сеновале, а сам пошел в разведку.

Днем к хутору подъехали на машинах и мотоциклах немецкие связисты. Часть из них остановилась в доме учителя. Лева с Костей насторожились: как поведут себя военнопленные? Но те не проявили никаких признаков радости или беспокойства. К вечеру возвратился и учитель. Не вызвав никаких подозрений у немцев, он зашел в сарай, поднялся на сеновал и передал ребятам довольно подробную карту местности с нанесенными на ней пометками. Пометки были в тех местах, где остановилась немецкая техника.

Лева, Костя и Болек вернулись усталые, но довольные. Они понимали, что удалось раздобыть важные сведения. Я немедленно составил радиограмму и передал ее Хозяину: "4.1.45 г. Из района Хожеля в деревню Чарпя, 10 километров юго-западнее Мышенца, прибыла танковая часть: 20 танков, 50 автомашин. В Мышенце в 500 метрах восточнее костела в здании клуба развернута мастерская по ремонту танков. В городе 300 автомашин. В деревни Чарня, Сурове прибыли саперные, батальоны. В ротах по 100 человек".

Хозяин ответил: "Стать на след танковой колонны. Установить номер части. Ежедневно сообщать точные-координаты".

Эх, сейчас бы авиацию, да нет, невозможно - метет метель, видимость нулевая. Я прочитал вслух радиограмму и обратился к Леве, Косте и Болеку:

- Друзья мои, сведения, которые вы раздобыли, могут оказаться чрезвычайно важными. Надо возвращаться в район Чарни и продолжать наблюдение. Мы должны установить номер танковой части и быть в курсе ее дальнейшего маршрута.

Ребята, хотя и очень устали с дороги, снова отправились в путь. С ними пошел и один из бывших военнопленных - Иван Бабенко. В нем мы не ошиблись. Он хорошо знал местность и людей, был значительно старше и опытнее нас в житейских делах.

В дальнейшем на него, кроме всего прочего, легли и заботы о продовольственном снабжении группы.

Разведчики вышли в район Чарни. Им удалось установить, что танки стояли не только в этом местечке, но и в лесу, по хуторам. С помощью местных жителей ребята точно определили, в каком направлении и на каком расстоянии от Чарни находятся эти хутора. Осталось выяснить номер танковой части. Сделать это вызвался Болек.

- Пойду на хутор, - сказал он, - постараюсь там что-нибудь выяснить.

- Не боишься, что схватят? - спросил Костя.

- Полевые части этим не занимаются. К тому же на хуторе у меня есть приятель, которого я не видел с осени, так что мое появление там не должно вызвать подозрений.

Договорившись о встрече, ребята разошлись. Болек отправился на хутор, отыскал знакомый дом под соломенной крышей с маленькими оконцами, постучался и, когда услышал знакомый голос: "Войдите", открыл дверь, нагнулся и перешагнул через порог. К нему навстречу с радостными возгласами вышел его приятель.

- Ну проходи, проходи, Болек, какими судьбами?

Из-за занавески, разгораживающей комнату на две почти равные части, показался немец-танкист. Болек поклоном поприветствовал его, тот что-то пробормотал в ответ и скрылся на другой половине. Оттуда доносился громкий разговор, хохот.

Друзья поговорили, как водится, о домашних делах, о родственниках, затем Болек тихо, чтобы не услышали немцы, попросил приятеля раздобыть самогонки.

На столе лежали два неотправленных письма в фатерлянд. Болек быстро пробежал глазами обратные адреса и положил письма на подоконник. Хозяйка собрала ужин, поставила на стол две бутылки самогонки, и Болек обратился к немцам:

- Не хотят ли господа закусить?

Упрашивать гитлеровцев не пришлось. Они сели за стол, выпили, развеселились, стали по-приятельски хлопать Болека по плечу, разговорились и выболтали кое-что интересное для нас.

После возвращения наших товарищей я нанес на карту хутора, где стояли танки, и мы смогли сообщить командованию: "7.1.45 г. По уточненным данным, в деревне Чарня и близлежащих хуторах расположилась войсковая часть No 04765-Д из Восточной Пруссии. Танки в центре деревни. Большая часть танков и машин на севере по хуторам". Передали точные координаты этих хуторов. Передали также, что в Мышенец прибыла 2-я рота 337-го батальона этой части.

Радиограмма, очевидно, сильно заинтересовала наше командование. Появление крупной танковой части на фронте - событие немаловажное. От нас ждали новых сведений и, видимо, поэтому вновь забеспокоились о высылке груза: "Груз утром 9.1. с 4 до 6 утра в зависимости от погоды".

Для нас этот груз - прежде всего питание к рации - сейчас был нужен позарез. В работу пошел последний комплект.

В тот же вечер, обговорив это дело с товарищами, я смог сообщить: "Самолет приму 9.1 с 4 до 6 утра на дороге Сурове - Чарня. Сигналы три фонаря в линию".

Но самолет снова не появился. Снова помешала погода.

Зато пришла еще одна радиограмма: "На основе каких данных установлена дислокация в Чарне в/ч 04765-Д. Обследуйте район деревень Рухае, Чухтель, Сурове".

Мы выполнили приказание, и в следующей радиограмме я ответил: "12.1.45. Прибытие в/ч 04765-Д установлено в беседе с немецкими танкистами. Полевая почта по конвертам писем. Изменений в гарнизонах Рухае, Чухтель, Сурове нет. Матросов".

Немецкая контрразведка, вероятно, перехватывала наши радиограммы. Если она и не могла расшифровать их, то о наличии активно действовавшей разведывательной группы у себя в тылу гитлеровцы, бесспорно, знали. Столь же бесспорным было и то, что немцы попытаются предпринять все возможное, чтобы пресечь деятельность такой группы.

Вечером 12 января мы с Болеком под видом рабочих с оборонительных сооружений проникли в Мышенец. Болек показал мне особняк в центре города, где поселился какой-то майор, которого немецкие солдаты боялись как огня и называли меж собой не иначе как "майстертодт" - "мастер смерти". Около этого дома постоянно сновали люди, к подъезду его то и дело подъезжали легковые машины. По всему видно было, что в особняке поселилась важная птица.

В то время мы еще не могли знать, что майор гитлеровской контрразведки прибыл сюда специально для охоты за нашей группой. Но чутье подсказало: на всякий случай нам необходимо рассредоточиться. И мы успели это сделать. А на другой день началась облава. В ней участвовали и жандармерия, и части СС. Прочесывание лесов, обыски в домах, сараях, на сеновалах гитлеровцам ничего не дали - никто из наших бойцов не попал к ним в лапы. Всю свою злобу фашисты выместили на мирных жителях. В числе многих десятков арестованных оказались и наши активные помощники: Станислав, Элеонора Плишка и ее дочь Стефа, Тадек Зиглер с братьями и сестрами.

После этих событий работать стало еще сложнее. К тому же и

питание к рации было на исходе. Только большое искусство Николая Гришина еще позволяло обмениваться с Центром очень короткими радиограммами. В день облавы, вечером, я послал Хозяину шифровку, в которой сообщал, что мы готовы принять самолет. Место и время прежнее, сигналы три фонаря в линию. При возможности - три костра. Ответили: ждать в ночь на 14-е.

Операция была рискованная, немцы после облавы могли оставить ночные засады, но иного выхода у нас не было. На небольшую лесную поляну возле дороги Сурово - Чарня с помощью местных жителей - молодых польских патриотов - на салазках привезли солому и хворост. Разложили на три кучки в линию. У каждой встали по два человека. Наконец услышали знакомое урчание самолета По-2, зажгли костры, и почти в это же время над нами с ревом пронесся немецкий бомбардировщик. Восвояси он убрался лишь тогда, когда от наших костров ничего не осталось. Пришлось уйти не солоно хлебавши: с минуты на минуту могли нагрянуть каратели - дорога рядом.

Утром 14 января получили приказ: "Перейти в район Вилленберга. Установить контроль за воинскими перевозками и переброской войсковых частей. Особое внимание мотомехчасти. Группе Ухова уходить на юг на соединение с частями Красной Армии".

Этот приказ и попытка противника очистить свои тылы могли означать лишь одно: скоро начнется наше наступление.

Вилленберг находится на северо-западе Восточной Пруссии. Значит, нам предстояло углубиться в немецкий тыл.

Позади остались три недели бессонных ночей, три недели тревожного дневного времени, когда приходилось скрываться в холодных землянках или сараях, а то и просто в лесу, под открытым небом. И это при постоянной угрозе быть обнаруженными и уничтоженными.

С началом наступления, возможно, станет легче - не будет постоянной слежки, облав. А сейчас снова вспоминались слова генерала Виноградова: "Матросовцы, верю, вы оправдаете это имя". Слова генерала - доверие Родины. Приказ должен быть выполнен.

15 января, находясь уже в пути, получили радиограмму: "Сегодня наши войска пошли в решительное наступление. Враг будет уничтожен. Установить надлежащий контроль за передвижением войск в сторону фронта. Ждем информации. Ваша хорошая работа ускорит встречу. Хозяин".

Наши войска перешли в наступление! Гитлеровцы не сумели разделаться с нами до его начала, теперь им будет не до нас. Мы стали действовать смелее, решительнее, развертывали рацию не

только вечером, но и днем, выходили к дорогам, вели наблюдение на близком расстоянии.

Из Восточной Пруссии противник бросил против наших войск свежие силы. 16 января мы смогли сообщить командованию: "Из Восточной Пруссии с часа ночи до 14.00 через Мышенец и Чарня, на Баранове двигалась непрерывной колонной мотопехота, танки, автомобили. Ранее из деревни Видмусы на Баранове прошло три эшелона с живой силой. Матросов".

А 17 января мы получили радиограмму следующего содержания: "Бойцами вашей группы своевременно вскрыта переброска на фронт танковой дивизии "Великая Германия". От имени командования всему личному составу группы объявляю благодарность. Хозяин".

На этот раз, когда Гришин расшифровывал радиограмму, вся наша группа была в сборе. Николай прочитал текст, и на усталых лицах бойцов появились счастливые улыбки. Значит, недаром мы летели сюда, значит, сумели сделать что-то полезное.

Как узнали мы впоследствии, утром 16 января штурмовики 4-й воздушной армии помогли войскам 3-й армии 2-го Белорусского фронта отразить мощный удар танковой дивизии "Великая Германия", и она начала откатываться на северо-запад. Отступление противника под натиском наших войск приняло характер поспешного бегства.

Я сообщил: "Наблюдаю отход танковой части из района Дылево через деревню Ольшины на Мышенец: танков - 30, много автомашин. Из района Хожеле отходит крупная танковая часть. Следим за ее дальнейшим маршрутом".

Хозяин ответил: "Благодарю за информацию. Следите за передвижением войск непрерывно. Особое внимание группам танков и артиллерии, продолжайте наблюдение за дивизией "Великая Германия".

Боевая работа продолжалась. Мы делали все возможное, не считаясь ни с риском, ни с неимоверной усталостью.

19-го мы передали последнюю радиограмму: "18 января в деревне Бандысе остановились около 100 подвод. С фронта. Пулеметы, минометы. Днем и вечером через Ольшины двигались машины и подводы - на север. На фронт - ни одной. Матросов".

Гришин с большим трудом передал эту радиограмму и с таким же трудом принял ответную: "После соединения в Остроленке или Ружанах спросите майора Левина или капитана Мороза. Хозяин".

Двигаться далее на север без питания к рации не имело никакого смысла, а последняя радиограмма Хозяина официально отменяла прежний приказ следовать на Вилленберг.

Поворачивать назад, в сторону Остроленки, тоже не было расчета, так как до нашего соединения с наступающей армией оставались, видимо, считанные дни. Мы вышли к деревне Длуге и расположились в одной из пустующих землянок местных жителей. Лева с Костей для уточнения обстановки на польско-прусской границе снова ушли в разведку.

В ночь на 23 января в Длугу вошла отступающая немецкая пехота. Миша Козич отправился в деревню разведать обстановку. Вернулся он поздно. Поляки сообщили ему, что на окраине деревни еще вечером была короткая стычка передовых частей Красной Армии с гитлеровцами. В эту ночь никто из нас, конечно же, не спал. Не до сна было. Из просторной, глубокой и достаточно теплой землянки под утро мы перебрались в маленькую, такого же типа, какие рыли обычно в Белоруссии. Полметра в землю, а затем двускатная крыша из жердей. Зато видно далеко вокруг - незаметно к нам подойти было невозможно. Боеприпасов у нас осталось очень мало, в случае чего могли отпугивать немцев только одиночными выстрелами из автоматов и винтовок. Но мы были твердо уверены в том, что специально против нас они не пойдут, разве что выйдут случайно.

Утром разгорелся бой за село. Немецкая пехота и обоз под прикрытием минометного огня начали отходить. В отступающей колонне гитлеровцев стали рваться снаряды нашей артиллерии.

В это время мы заметили, что к нам перебежками приближаются два человека. На всякий случай приготовились к бою.

Однако тревога оказалась напрасной. Поляки - а это были они - принесли нам радостную весть. В деревню вступили советские войска.

Ждать мы больше не могли. Не обращая внимания на продолжавшие рваться мины, все побежали к деревне. На южной окраине Длуги польские товарищи представили нас пехотному генералу.

- Вот ваши разведчики, мы их добре знаем, - сказал один из поляков.

Командир 139-й стрелковой дивизии генерал-майор Иосиф Константинович Кириллин со своими штабистами сидел на завалинке ветхого домика и что-то отыскивал на карте. Генерал поднялся, с любопытством взглянул на нас.

- Разрешите представиться, товарищ генерал. Командир разведгруппы штаба 2-го Белорусского фронта Матрогов. Группа действовала в немецком тылу с конца декабря и до сего дня. Докладываю...

- Это потом, потом, - перебил меня генерал. Он отступил на

шаг, с восхищением, как мне показалось, посмотрел на нас и произнес: - Молодцы, ребята! Спасибо вам. - Затем обнял и расцеловал каждого.

Солдаты и офицеры окружили нас и стали наперебой расспрашивать:

- Летели зимой?

- Спускались на парашютах?

- Никто не встречал?..

А мы стояли перед ними худые, обросшие, радостно возбужденные. Когда восторги немного улеглись, я рассказал генералу об оборонительных сооружениях противника, которые могут встретиться на пути наступления дивизии, о том, что основные силы противника из районов Остроленка, Псашныш, Хожеле отошли на север и перед дивизией остался лишь заслон. Иосиф Константинович внимательно все выслушал, задал несколько вопросов, приказал накормить нас и отправить в штаб корпуса. Там быстро связались со штабом фронта. Вскоре за нами приехал майор Медведовский и отвез в только что освобожденный город Цеханув. Здесь я снова слег - сказалось последнее ранение.

Стояли мы на Пултусской улице. Хозяйка дома, мать двоих уже взрослых детей, была добрейшей женщиной. Она уложила меня в постель, укрыла пуховым одеялом и начала колдовать. Компрессы, банки, горчичники сделали свое дело. Боль в груди, кашель и одышка стали проходить. Через несколько дней я был уже на ногах.

Все вроде бы сложилось хорошо, но очень беспокоила судьба Левы Никольского и Кости Арлетинова. Ребята ведь так и не вернулись из разведки. Что с ними? Живы ли? Если и живы, то поверят ли им, что они выполняли задание в тылу противника. Трудно моим товарищам будет объяснить, почему они оторвались от остальных и вышли из тыла только вдвоем. Первый вопрос, который им зададут: а где же группа?

Мои опасения оказались не напрасными. Когда Лева с Костей встретились с одной из частей наступающих советских войск, то разобрались с ними далеко не сразу. Привезли их к нам только через десять дней.

Ребятам довелось побывать в освобожденном городе Мышенце. Там им рассказали, что наших верных товарищей Тадека Зиглера, Элеонору Плишку и ее дочь Стефанию жестоко пытали в гестапо. Но палачи ничего не добились. Польские патриоты приняли мученическую смерть, но никого не выдали. Они погибли как герои.

Спустя некоторое время мы переехали в Плоцк. Там я

встретился с Сашей Чеклуевым. Его группа только что вышла из немецкого тыла. Майор Медведовский дал мне Сашин адрес, и я поспешил к нему. Сколько же мы не виделись! Из рассказа друга я узнал, что при освобождении города Млава погиб бесстрашный разведчик, командир группы капитан Черников, у которого Саша был заместителем. Для ребят это явилось тяжелым ударом. Конечно, войны не бывает без потерь, но каким же тяжелым бременем ложатся эти потери на плечи тех, кому довелось остаться в живых...

Из Плоцка ранней весной 1945 года мы выехали в город Быдгощ, расположенный в Центральной Польше. Здесь нам вручили правительственные награды. Я был награжден орденом Отечественной войны I степени, Николай Гришин - орденом Красного Знамени.

Вскоре в составе группы произошли изменения. Лева Никольский и Костя Арлетинов попросились в другую часть. Их просьба была удовлетворена. Макаревича оставили служить при штабе фронта. Лемар Корзилов был направлен в военное училище.

Группа пополнилась молодыми польскими солдатами, хорошо владевшими немецким языком, и стала готовиться к выполнению очередного задания.

В середине апреля забрали от нас Мишу Козича и Ивана Бабенко. Они в составе другой группы вылетели в Германию. Вновь с ними мы встретились спустя примерно две недели Случилось это так.

1 Мая дверь летнего кинотеатра, где мы с Николаем Гришиным смотрели какой-то фильм, распахнулась, и раздался очень знакомый громкий голос:

- Товарищи Матросов и Ногин, на выход!

Нас со стульев как ветром сдуло. У входа в кинотеатр стояли сияющие Миша Козич, Иван Бабенко и еще несколько незнакомых нам солдат и сержантов. Все они были из одной группы и только что вернулись из рейда по немецким тылам. Со своими товарищами мы обнялись, расцеловались, остальным пожали руки.

Хотя правила конспирации и запрещали нам общение с другими группами, но случай этот был исключительным, и мы остаток дня и вечер провели вместе.

Группа оказалась в немецком тылу в очень благоприятных условиях. Среди местных жителей - поляков - бойцы нашли полную поддержку, а отступающим немецко-фашистским войскам уже было не до них...

Наступило 9 мая. Мы сели завтракать. Вдруг ударили пушки,

затрещали пулеметы и автоматы. Мы, схватив оружие, выбежали на улицу.

"Победа! Победа! - доносились со всех сторон радостные возгласы. Германия капитулировала! Ура!"

Ну вот и все... Война закончена. Теперь бы по домам.

Недолго думая, я поехал в штаб фронта, прямо к нашему генералу Илье Васильевичу Виноградову.

- Пошел на фронт добровольно, отвоевал. Военного образования у меня нет, в армии я не нужен. Отпустите...

Генерал выслушал меня с улыбкой и сказал:

- Дорогой мой, это не в моей власти и даже не во власти командующего. Надо ждать - в свое время выйдет Указ Президиума Верховного Совета.

Уехал я от генерала несколько обескураженный.

Вскоре наша группа была расформирована. Гришина направили в какую-то войсковую часть, а я был откомандирован в запасной офицерский полк. Занимался вопросами репатриации советских граждан, угнанных в Германию. В феврале 1946 года приказом по Северной группе войск был демобилизован и приехал в Москву.

Прежде всего оформился в институте, где учился до войны, получил паспорт, прописку и... снова слег в постель. Появились боли в сердце, беспокоил желудок, да и нервы начали пошаливать - стал беспокойным, раздражительным, чего никогда раньше за мной не замечалось.

Теперь-то я понимаю, что, по сути дела, мне пришлось тогда пройти своеобразную адаптацию - заново привыкать к новым, мирным условиям жизни. А для этого нужно было время.

Чтобы попасть на третий курс дневного факультета, все лето мне пришлось сдавать зачеты и экзамены. Только за две недели до начала занятий мне удалось сесть на поезд и выехать к своим родным, в далекий татарский поселок Кукмор.

Шесть лет я не был в этих в общем-то ничем не примечательных местах. Но, как говорится, не по дорогу милы, а по милу дороги, были мне они - небольшие горы, речушка Нурминка, где перестали водиться даже пескари, деревянный одноэтажный Дом культуры на Советской улице, огороженный пустырь вокруг него, который почему-то назывался парком...

По пыльной каменной мостовой на попутной подводе добрался до своего дома Отряхнув пыль с гимнастерки и галифе, поднялся по знакомой лестнице на второй этаж. Постучал. В дверях показалась моя худенькая мама. Всегда сдержанная, она и на этот раз не бросилась целовать меня, а тихо прильнула к груди с мокрыми от слез глазами Так и стояли мы долго-долго С отцом

расцеловались, обнялись. По его изборожденному глубокими морщинами лицу тоже потекли непрошеные слезы. И лишь братишка, невысокий черноглазый крепыш, когда дошла до него очередь, подошел ко мне, широко улыбаясь...

Никто не забыт

В сентябре 1967 года, спустя более двадцати лет после освобождения Польши, мне и Льву Константиновичу Никольскому было предложено в составе делегации Советского комитета ветеранов войны выехать в Польшу. С огромной радостью мы приняли это приглашение, надеясь на то, что нам удастся посетить памятные места и, возможно, встретиться с кем-нибудь из польских товарищей - тех, с кем мы вместе боролись против общего врага.

Сразу по прибытии в Варшаву мы с Львом Константиновичем обратились к руководству Союза борцов за свободу и демократию с просьбой разрешить нам выехать в район Остроленка - Мышенец. Просьбу нашу охотно удовлетворили.

В Мышенец мы прибыли поздно вечером. Сопровождающий нас польский полковник (он, кстати говоря, довольно хорошо говорил по-русски) обратился за содействием к начальнику милиции города, и мы немедленно выехали на хутор Харцибалда. Добрались туда, когда время перевалило уже за полночь. Полковник постучал в дверь одного из домов, через минуту-другую она со скрипом открылась, и нас пригласили войти в хату.

В комнате оказались двое молодых людей - Стефа и Янек, как представились они нам. Полковник объяснил супругам, что мы приехали из Советского Союза и хотим повидаться с боевыми друзьями. Завязался непринужденный разговор. В ходе него выяснилось, что Стефа - племянница Марии, жены Стася, и может нас с ней свести. Это была уже удача.

Откуда ни возьмись появились соседи - молодая учительница, подруга Стефы и еще несколько человек Все они пришли со свертками, тарелочками, мисками Вскоре на загнетке затеплился огонь, зашипело на сковороде сало, и, словно по волшебству, стол оказался уставленным закусками.

Мы рассказали молодым людям, родившимся уже после войны, как в этих местах наша группа вела разведку, как и в чем помогали нам их отцы и деды, а они слушали нас словно завороженные и готовы были хоть сию минуту ехать к старику Эйзаку, к вдове Стася, куда угодно. Но на дворе была ночь, и мы, взяв с собой Стефу и Янека, вернулись на своей "Победе" в Мышенец. Там на следующий день произошла наша встреча с Марией От нее мы узнали, что замученные гестаповцами Станислав, Тадек Зиглер, Стефания и Элеонора Плишка и многие

другие польские патриоты похоронены на Мышенецком кладбище. Мы не могли не пойти туда, не поклониться их праху, не взять на память несколько горстей земли с их могил. Прямо с кладбища вместе с Марией поехали на хутор Плишки - там теперь проживал ее брат, затем завернули на хутор Зиглеров, зашли в дом, заглянули в сенной сарай, где нам порой приходилось скрываться в дневное время.

Иногда жандармы заходили сюда, проверяли штыками, нет ли кого под сеном, но ни разу не догадались поставить лестницу и попытаться оторвать несколько торцевых досок со стороны двора. Здесь в стене была сделана ниша, и мы через щели между досками вели наблюдение, готовые в любой момент дать жестокий отпор врагу.

К сожалению, наше время было ограничено, и мы не успели навестить старого Эйзака, побывать в Бандысе, Баранове, Длуге и других памятных для нас местах нам надлежало в тот же день вернуться в Варшаву.

В Мышенце, где мы остановились, чтобы пообедать, нас поджидала большая группа местных жителей. Они сердечно приветствовали нас - представителей армии-освободительницы, забросали вопросами о жизни в Советском Союзе, наперебой приглашали в гости...

В доме напротив ресторана, где мы заказали обед, во время немецкой оккупации помещалось гестапо. Теперь здесь работали два магазина. Владелец одного из них подошел к нам, извинился и, мешая польские и русские слова, почтительно попросил заглянуть к нему на чашку кофе, причем дал понять, что хочет сообщить нечто важное. Мы приняли приглашение, вышли из ресторана, пересекли улицу и оказались в одной из комнат магазина, где уже был накрыт стол.

- Мы вас слушаем, - сказал я, повернувшись к хозяину.

Тот пригласил нас сесть, сел сам и начал неторопливо рассказывать.

- Вы, наверное, видели на этом доме мраморную доску, может быть, даже смогли прочесть, что на ней написано. Это было страшное место, отсюда никто не выходил сам - отсюда только выводили и увозили - кого в лагерь смерти, кого на казнь. Здесь свыше пяти лет избивали, пытали и убивали. Здесь помещался следственный отдел гестапо и застенок. Эти двенадцать человек были последней жертвой нации. В память о них и установлена мемориальная доска.

- Извините, возможно, вам что-либо известно о причине ареста этих людей, спросил я поляка.

- Да, пожалуй, кое-что я могу рассказать. В начале января

1945 года в Мышенец прибыл штурмбаннфюрер СС с особыми полномочиями. Девушка-уборщица, которая в то время работала в канцелярии СС, слышала, как вновь прибывший гитлеровский чин распекал местного начальника службы безопасности за то, что у того под носом в прифронтовой полосе нагло и безнаказанно действуют русские разведчики. "Отныне, - заявил он, - я лично буду руководить операцией против русского "музыканта". Мы заставим их замолчать..."

Нет, не удалось. Фашисты не нашли среди поляков предателей.

Распрощавшись с хозяином, мы с Львом Константиновичем вышли на улицу. Там собралась уже довольно приличная толпа жителей. Сопровождающий нас плльский полковник что-то им рассказывал. По тому, как люди отреагировали на наше появление, мы поняли, о чем он говорил. Образовался узкий проход, и мы оказались в гуще собравшихся.

Полковник обратился к нам:

- Присутствующие здесь рабочие, крестьяне, служащие и школьники передают вам, участникам борьбы за освобождение края, свою искреннюю признательность и благодарность, а через вас - привет и пожелания счастья великому советскому народу!

Я с волнением выслушал эти слова и сказал в ответ:

- Дорогие товарищи! - Полковник переводил. - Десятки миллионов человеческих жизней унесла война. Шесть миллионов поляков, двадцать миллионов советских людей погибло в этой войне. В городе Млава вражеская пуля настигла советского разведчика капитана Черникова, почти целиком погибла группа лейтенанта Мельникова, остались навечно лежать в польской земле двое разведчиков из группы лейтенанта Ухова. Вот в этом доме, бывшем доме пыток, от рук гестаповских палачей погибли мужественные польские патриоты Тадек Зиглер, Станислав Колимага, Элеонора и Стефания Плишка. Неисчислимых жертв, моря слез и крови стоила нам борьба и Победа. Вечная слава павшим за свободу! Да здравствует вечная дружба между нашими народами!

Поляки ответили рукоплесканиями и возгласами: "Нех жие!"

Уезжали мы из Польши, неся в своих сердцах уверенность в вечной, нерушимой дружбе двух народов, дружбе, скрепленной совместно пролитой в борьбе с фашизмом кровью.

Никто не забыт, ничто не забыто.

Послесловие

К сказанному осталось добавить совсем немного. Когда наступил долгожданный, дорогой ценой завоеванный мир, я и мои товарищи естественно и просто нашли свое место в мирной

жизни и вернулись к созидательному труду.

В 1950 году я закончил институт и с тех пор работаю в авиационной промышленности. Николай Сергеевич Гришин, самый старший из нас по возрасту, демобилизовался в октябре 1945 года, вернулся в родные края и долгое время трудился на Глуховском хлопчатобумажном комбинате. Сейчас он на пенсии.

Лева Никольский и Костя Арлетинов служили в одной войсковой части. Командовали отделениями, были в жестоких сражениях, но оба уцелели. Лева не получил ни одной царапины, а вот Косте не повезло. Он был трижды ранен и сразу же после окончания войны демобилизовался. Пока позволяло здоровье, работал на заводе, на стройке. В 1972 году был признан инвалидом войны II группы. В 1976-м трагический случай оборвал его жизнь.

Лев Константинович Никольский был демобилизован лишь в 1950 году. Работал, учился. В 1956 году закончил техникум и с тех пор трудится в НИИ химической промышленности.

Александр Васильевич Чеклуев после возвращения из Польши был направлен в военное училище. Но пробыл он там недолго - не, позволило здоровье. Некоторое время затем был на комсомольской работе в Белоруссии. Потом жил и работал в Москве. В 1987 году Александра Васильевича не стало. Продолжают трудиться Александр Николаевич Бычков, Василий Дмитриевич Смирнов, Федор Федорович Морозов, Михаил Федорович Золотов.

Валентина Васильевна Смирнова и Раиса Александровна Пряжникова демобилизовались из армии летом 1944 года, закончили техникумы, работали в Москве В настоящее время на пенсии.

Нина Васильевна Морозова вернулась в Москву в октябре 1943 года, была признана инвалидом II группы.

Игорь Александрович Курышев после освобождения Белоруссии закончил бронетанковое училище, служил в армии. Сейчас он офицер запаса, работает на Монинском камвольном комбинате. Лемар Павлович Корзилов, Николай Яковлевич Суралев тоже закончили военные училища, служили в армии, сейчас в отставке. В отставке ныне и Илья Николаевич Шарый. Он трудится у себя на родине в местечке Ворожба Сумской области, преподает в ПТУ.

Виктор Калядчик вскоре после войны заболел туберкулезом и умер. Умерла и наша славная разведчица в Осиповичах Зинаида Францевна Жданова. Она и в мирное время оставалась такой же, как во время войны, - прямодушной, жизнерадостной, готовой помочь каждому, кто в этом нуждался.

Нет давно уже в живых Семена Мироновича Ольховца, нет и Леакадии Александровны Гонсевской.

Константин Васильевич Скрипов - пенсионер, живет в Осиповичах. Там же живет и Мария Яковлевна Кондратенко. У нее уже взрослые внуки, однако она по-прежнему бодра и энергична. Мария Яковлевна желанный гость в воинских частях и школах. Муж ее, Иосиф Максимович, скончался в 1971 году.

Отыскалась и Софья Ивановна Ушакевич. В 1944 году она была арестована. В течение февраля 1944 года гитлеровцы из СД жестоко пытали ее, но, ничего не добившись, передали в гестапо. Там снова пытали, били, водили на расстрел, однако Соня продолжала отрицать свою связь с партизанами и подпольщиками. Гитлеровским палачам не удалось сломить мужественную советскую патриотку. Софью Ивановну угнали в Германию, затем перевели в один из концлагерей во Франции Здесь ее освободили союзные войска. После войны она обосновалась в Приморском крае, часто встречалась с молодежью и всегда уходила с этих встреч словно бы помолодевшей В последние годы я переписывался с ней.

"Старость берет свое, - писала она, когда ей шел семидесятый год. Старость - вещь обыкновенная, от нее никуда не денешься. Но я довольна тем, что участвовала в борьбе с фашизмом, всю свою жизнь трудилась на благо нашей Родины. И когда придется уходить из жизни, я уйду спокойно, с чистой совестью. Для своего народа, для молодежи, для своих детей и внуков я сделала все, что могла".

Умерла Софья Ивановна в январе 1977 года.

В 1945 году была освобождена из концлагеря Мария Григорьевна Кудина. Она вернулась в марьиногорскую поликлинику и долгое время работала там санитаркой.

Вера Евстафьевна Луцевич после войны закончила педагогический техникум и преподавала в младших классах школы No 19 города Минска. Сейчас она на пенсии.

Нашелся и Григорий Трофимович Лавров. В 1975 году он обратился к своим боевым друзьям через газету "Вечерняя Москва". Бывшие разведчики разыскали его. Нашла Григория Трофимовича и заслуженная награда - орден Красного Знамени, которую он получил спустя более трех десятилетий.

Константин Антонович Сысой после освобождения Белоруссии занимался восстановлением железных дорог. Он живет и работает в Минске. Михаил Григорьевич Медведовский после демобилизации в 1945 году уехал на свою родину в Вологду. По сей день он живет там и трудится в лесном хозяйстве.

О судьбе товарищей, с которыми я летел на первое задание, мне известно очень немного. Знаю только, что Николай Захаров и Сергей Скворцов, так же, как и я, отбившиеся от группы в ноябре 1941 года, вышли из вражеского тыла и до конца войны были в действующей армии. Очень хочется верить, что и все другие товарищи с честью выполнили свой долг и остались в живых.

Многие из нас начинали свою службу в войсковой части 9903. Спустя несколько лет после окончания войны было организовано бюро ветеранов части, основной задачей которого стало привлечение бывших бойцов и командиров к военно-патриотическому воспитанию молодежи. Работой бюро долгое время бессменно руководил наш командир Артур Карлович Спрогис.

В последнее время встречи ветеранов с молодежью проводятся ежегодно в спецшколе No 15 города Москвы и в Московском энергетическом институте В школе создан музей боевой славы, экспонаты которого рассказывают о бойцах и командирах нашей части, в институте действует вечерний университет военно-патриотических знаний.

Нам, ветеранам Великой Отечественной, есть что рассказать сегодняшним школьникам и студентам, молодым воинам Советской Армии Нам есть что помнить, и есть чем гордиться Все мы прожили свою жизнь честно, отдавая всю ее без остатка святому делу защиты Отечества, служения Родине и своему народу. И мы уверены - молодежь не свернет с проложенного нами пути.

Примечания

{1}Иди со мной (нем.).

{2}История второй мировой войны. 1939-1945 гг. - М : Воениздат, 1978. - Т. 9, с. 225.

{3}Война в тылу врага. 1-й выпуск. - М. : Политиздат, 1975.- С 210.